

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ЛЕНИНА СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ**

**ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЯЗЫКАХ СИБИРИ
(Сборник научных трудов)**

Новосибирск, 1989

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ЛЕНИНА СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЯЗЫКАХ СИБИРИ
(Сборник научных трудов)

Новосибирск, 1989

Редакционная коллегия:

п.ф.н., проф. М.И.Черемисина, к.ф.н. Е.К.Скрибник
(отв. редакторы), Н.Б.Кошкарёва

М.Черемисина

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ МОДЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Перед коллективом исследователей урало-алтайских языков Сибири стоит сейчас актуальная задача разработки принципов и приемов описания синтаксического строя этих языков, — описания, которое должно быть адекватным, экономичным и емким. Оно должно также выполняться в единой, согласованной системе понятий и терминов, чтобы обеспечить (и гарантировать) сопоставимость результатов, получаемых разными авторами на разном конкретном материале, ибо только так можно обеспечить сопоставимость самих изучаемых языков.

Описание синтаксического строя языка предполагает описание синтаксических единиц, т.е. способов их построения, внутренней организации и синтаксической семантики. Важнейшей, первичной единицей синтаксиса является, конечно, предложение. Поэтому предлагаемый сборник и посвящается обсуждению круга вопросов, связанных с этой проблемой. Это вопрос о том, как следует подходить к описанию предложения, под какими углами зрения его рассматривать и описывать, на чем сосредоточивать основное внимание; какие понятия и термины использовать в качестве отправных и опорных — и как, в частности, обеспечивать терминологическую интраязыковую переводимость в случаях расхождения понятийно-терминологических микросистем; как наглядно представлять в описании предложение как объект эмпирического исследования, т.е. не "предложении вообще", а конкретные предложения, единицы разных языков, — представлять так, чтобы их было удобно сравнивать и сопоставлять. Все это вопросы, над которыми мы должны интенсивно думать именно сейчас, в начале работы, потому что от того, как сумеем мы их решить, будет зависеть научная ценность общего результата.

Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что предложение как предмет лингвистики "многоаспектно", на него можно смотреть с точки зрения его семантики, его актуального членения, т.е. коммуникативной значимости с позиций прагматики; можно фиксировать внимание на его модус-диктумной при-

роде, на вариативно-семантических рядах, в которые входят разные "образцы" предложений и мн. др. Но все-таки в основе всех этих подходов и взглядов на предложение лежит некоторое фундаментальное и относительно единое (хотя пока еще совсем не четкое) представление о нем как о двуединой знаковой сущности, соединяющей в себе определенную структурную организацию, т.е. форму, и некоторый специфический, именно синтаксический смысл, выражаемый через данную форму, — т.е. ее содержание. Именно единством этих двух сторон и определяется предложение как знак языка или как "языковая единица".

Слово "единица" имеет смысл постольку, поскольку она может быть противопоставлена другим единицам той же природы, вместе с которыми она составляет какое-то дискретное множество (что такое "одна природа", устанавливаем мы сами, намечая значимые для нас признаки). За такими терминами, как фонема, морфема, лексема мы привыкли видеть, с одной стороны, общие понятия о классах единиц (что отражается в дефинициях), с другой — множества взаимно противопоставленных единиц соответствующего класса, свои для каждого языка, с третьей — каждую из единиц, составляющих данное множество — например, русскую фонему [ш'] или бурятскую морфему отрицания =гуй=.

Применительно к предложению это понимание приходит лишь в последние годы, по мере того как мы яснее понимаем важность выявления "синтаксических единиц" в этом именно смысле. Но одновременно осознается их специфика по сравнению с уже привычными единицами языка — фонемой, морфемой, лексемой. Эта специфика состоит прежде всего в том, что предложение как единицу языка нельзя "непосредственно записать". Это выражение я взяла в кавычки, потому что "на самом деле" непосредственно записать нельзя никакую из единиц языка, — любая из них есть конструкт науки, а не "портрет реальности", и потому обозначение ее — всегда символ, а не первичный знак. Но все-таки мы привыкли к тому, что сквозь такую символическую запись "видны и слышны" те реальные языковые объекты, которые в ней мыслятся. И только на переходе к так называемому "синтаксическому уровню" этот принцип отказывает. Предложение как единицу языка можно проиллюстрировать и традиционно иллюстрируют примерами, и не одним, а именно открытым множеством разных

предложений-примеров, взятых из текстов разных авторов или из головы. Разница между такой иллюстрацией и тем символическим представлением, которого требует лингвистическая единица "как таковая" мне кажется очевидной. Но способ преодолеть это противоречие и представить предложение как знак языка, как эмическую сущность, не совсем очевиден.

Тем не менее сейчас уже можно, по-видимому, сказать, что такой способ найден. Разрешением этой трудности является модельное представление, или иначе — моделирование представлений. Этот путь был предложен Н.Ю.Шведовой в Грамматике-70. С тех пор минуло почти 20 лет, но по-настоящему эта идея еще не овладела "массами языковедов"; еще не вполне осознаны ни те выгоды и преимущества, которые может дать этот способ видения синтаксических объектов, ни те новые задачи, которые в связи с этим выдвигаются на повестку дня, ни те представления и понятия, которые требуют уточнения, корректировки, а иногда и пересмотра. Эта большая теоретическая задача еще впереди. Пока мы должны решать более актуальные и как будто бы более простые практические задачи — строить научные описания синтаксических систем живых сибирских языков. Но в наши дни было бы просто недопустимо начинать цикл этих работ, оставаясь на старых исходных позициях, тем более что синтаксические исследования в области языков Сибири в целом весьма существенно отстают от уровня, который достигнут русистикой. Это не удивительно, потому что за последние 40–50 лет в этой области движения почти не было. Но и копировать пути и теоретические положения русистики нам нельзя, потому что синтаксический строй урало-алтайских языков очень существенно отличается от русского. Поэтому у нас просто нет иного пути к решению практических задач, нежели через серьезную постановку и решение тех теоретических вопросов, которые ставит и будет ставить наш материал.

В нашем коллективе работа в этом направлении ведется уже в течение нескольких лет, — конечно, с существенной опорой на работы русистов в этом направлении. Уже выявлены и представлены в символической записи основные модели предложений уйгурского языка (С.Н.Абдуллаев), хантыйского (В.Н.Соловар) (см. статьи этих авторов в настоящем сборнике); ведут-

ся подготовительные работы в этом направлении и на материале других языков Сибирского региона (например, А.Т.Тыбыковой на материале алтайского). Но все-таки мы не вышли пока за рамки первичной задачи, которая состоит в получении "инвентарного списка" моделей, представляемых формулами, — первичного, отрубленного списка, который строится с существенной опорой на интуицию и потому потребует в будущем уточнения и коррекции. В эту задачу-минимум входит также небольшой семантический комментарий, — указание синтаксического смысла модели средствами обычного языка.

Хотя эту стадию работы нельзя считать продвинутой, уже сейчас начинает прорисовываться широкий круг теоретических вопросов, решение которых потребует в ближайшее время в связи с переходом практических работ на следующий этап. В сфере моделирования предложений лингвистическая теория самым прямым образом смыкается с практикой лингвистического описания, с эмпирической работой по подготовке разделов "Синтаксис" для академических грамматик изучаемых языков.

В этой статье я хотела бы очень коротко, только в плане постановки, остановиться на нескольких вопросах теории модельного описания предложений. С моей точки зрения, это центральные вопросы, имеющие принципиальное значение для успешного развертывания эмпирических исследований в этой области:

1. Что такое "отдельная модель предложения"? Из каких компонентов она может (должна) состоять? Что в реальном составе фраз остается за рамками моделей предложения?

2. Как можно (нужно) представлять модель, чтобы это представление было наглядным и информативным?

3. Если модель предложения — особый знак языка, то каждая модель имеет свой план содержания. Что же представляет собой синтаксическая семантика моделей предложения и каким образом ее следует отражать в модельном описании?

4. Как всякий знак естественного языка, модель предложения должна мыслиться как система вариантов, сводимых к общему инварианту. Но как отличить варианты одной модели от двух разных моделей?

5. Как можно (целесообразно) представлять себе парадиг-

му предложения с точки зрения модельного описания?

Теперь остановимся на этих вопросах немного подробнее.

1. Модель — это результат интеллектуальной работы исследователя, т.е. сложившееся в его сознании представление о том, как устроен изучаемый им объект языка, в нашем случае — предложение. В этом представлении обобщенно отображаются существенные признаки многих услышанных и прочитанных, проанализированных исследователем высказываний (фраз), но отображаются преобразованно: реальные высказывания (фразы) некоторого класса не только освобождаются от индивидуальной специфики, обусловленной их лексическим наполнением, но и подвергаются упрощению, "очищению" ото всех компонентов, которые не необходимы для того, чтобы описать, обрисовать контур некоторой элементарной типовой ситуации. Например, предложение типа: Над моей головой, в бездонной глубине синего неба одно за другим медленно плыли белые пушистые облака — можно свести к лексико-грамматическому минимуму: плыли облака. В этом качестве оно обобщается с другими предложениями типа: Полуд ветерок. Запела малиновка. Мальчик задумался. Солнце садится и др. "Освободившись" от разнообразия лексического наполнения и этих минимальных форм, мы получим представление об одной структурной модели русского предложения: "существительное (=местоимение) — подлежащее + глагольное сказуемое". Эта структурная модель описывает определенный класс ситуаций: "состояние предмета или лица".

Теперь сравним с рассмотренными предложениями предложения другой модели: Дед угостил нас квасом. Чем же я вас накормлю? Тебя ничем не проймешь. Он потешал нас своими стихами. Дочь порадовала меня своими успехами. Здесь описываются такие ситуации, когда субъект-1 каузирует субъекта-2 совершить определенное действие или испытать определенное состояние. Очевидно, что предложения этой второй группы нельзя свести к их предикативным узлам и тем самым "приравнять" эту модель к первой: * Дед угостил. * Дочь порадовала. Дополнения кого? и чем? здесь структурно необходимы.

Опыт показывает, что в инвентарных списках, полученных с сильной опорой на интуицию, оказывается по несколько десятков (30 — 40) моделей. За счет чего же достигается такое мощ-

ное ограничение разнообразия? Какие компоненты реальных, бесконечно разнообразных фраз естественно отсекаются, какие удерживаются как обязательные?

На этот вопрос мне хотелось бы ответить предельно кратко: в модели удерживаются только предикат и его обязательные актанты. Но последний термин требует небольшого комментария. Под актантами понимаются обычно предметные участники ситуации, но при глаголах определенных групп: движения, перемещения (транспортировки), местонахождения, столь же обязательны локальные распространители.

Подлежащее, в принципе, такой же актант, как и дополнение, — это предельно четко сформулировано Л.Теньером¹. Общее количество актантных позиций в предложении может варьировать от нуля (Рассвело. Подмораживает.) теоретически до семи и может быть даже больше, но практически пять актантов в одном предложении — вещь почти невероятная. Отмечу попутно, что главное отличие подлежащего от дополнения в европейских и алтайских языках усматривается в том, что оно состоит со сказуемым "в особой" формальной связи: определенные его параметры воспроизводятся формой сказуемого. Но в языках иного строя (эргативного, активного) в форме сказуемого воспроизводятся и параметры дополнений, причем не только прямых, что распространено широко, но и косвенных. Например, абхазский глагол способен, в принципе, отобразить до 4 актантов². Это, на мой взгляд, очень ярко подтверждает высокую значимость дополнений. Если не в форме глагола сказуемого, то в модели предложения их "представительство" необходимо во всех языках.

Обстоятельства (кроме оговоренных выше обязательных локализаторов, которые я приравниваю к актантам) и определения не являются собственными компонентами моделей предложения. Модельный подход к предложению вообще диктует другой, не традиционный взгляд на компоненты его структуры, на "члены предложения". Традиционное понятие "второстепенные члены" уравнивает в ранге дополнения, обстоятельства и определения. Модельный подход "поднимает" ранг дополнений, сближая их с "главным членом" — подлежащим, и "снижает" ранг обстоятельств и определений.

Впрочем, "снижает" и "повышает" здесь только очень ус-

ловные термины. Правильнее будет сказать, что определения и значительная часть обстоятельств (ибо этот термин сводит "под одну крышу" явления весьма разнородные) вообще не являются прямыми, собственными компонентами, "членами" предложений как единиц языка; они являются лишь "членами членов предложения": определения — членами (компонентами) актантов, выраженных словосочетаниями (шире — разного рода определительными конструкциями, в том числе и предикативными единицами), а обстоятельства — членами целого ряда других конструкций, уточняющих и распространяющих предикаты.

Термин "конструкция" мы употребляем в значении, которое было предложено А.Ф.Прияткиной: это синтаксическое построение определенной структуры, имеющее собственный синтаксический смысл, не зависящий от лексического наполнения³. Сейчас добавлю только, что конструкции, которые выявляются в ходе модельного описания предложений, оказываются в подавляющем большинстве "экс-предложениями", т.е. своего рода "свертками" предложений, формирование которых как особых единиц языка естественно связать с постоянно возрастающей потребностью в компактификации информации, вкладываемой в одно высказывание.

Здесь, как мне кажется, будет уместным в явной форме высказать одно теоретическое положение, которое закономерно следует из модельного подхода, но пока еще четко не формулировалось в работах нашего коллектива. Мы начинали, как известно, с сопоставительно-типологических исследований сложного предложения, и именно на этом материале сложились реализуемые нами принципы модельного описания и соответствующая символика. Обратившись затем к простому предложению, мы как бы заново, с существенно иной точки зрения, — вслед за традицией, — смотрели на этот объект. Мы строим представления о моделях простых предложений, которые практически несопоставимы с теми моделями, с которыми мы работали раньше. Однако по мере того, как анализ направляется вглубь объекта, становится все более очевидной правомерность более широкого взгляда на природу предложения как такового, — без разграничения на простое, сложное или осложненное.

Чтобы увидеть предложение под этим углом зрения, требуется, по сути дела, только одно: отказаться от ожидания, что

член предложения должен (может) быть представлен только формой слова, синтетической или аналитической (или ее функциональным аналогом – фразеологизмом). Гораздо более простой и естественной, адекватной самой природе языка как последовательно артикулированной, расчлененной, и именно в силу этого "многоязычной" системы знаковых форм, представляется такая точка зрения, согласно которой любой из компонентов, конституирующих любую модель предложения или любой его факультативный распространитель может быть выражен синтаксическими формами любой "синтаксической размерности", от компактной синтетической словоформы до весьма сложного и громоздкого полипредикативного построения с сочинительными и подчинительными отношениями предикативных частей и с любыми конструкциями внутри них. Но пока, на этапе выявления и первичного описания основных моделей предложения каждого данного языка нет необходимости привлекать к анализу такие сложные построения. Этому должно предшествовать специальное изучение конструкций, различные "предложенческие" характеристики которых элиминируются в связи с их вхождением в другие предложения на правах их компонентов.

2. В основу символики, используемой для представления структурных моделей предложения, положены "частеречные", т.е. исходно морфологические символы "классов слов", предложенные английским лингвистом и методистом Ч.Фризом: *N* – имена (т.е. существительные и их функциональные аналоги), *V* – глаголы, *A* – прилагательные, *Q* или *Adv* – наречия. В контексте синтаксического описания эти символы естественным образом переосмысляются под функциональным углом зрения: *N* становится символом актантов, *V* – с дескриптором *f* – *V_f* (*verbum finitum*) – символом сказуемого (или его вербального компонента). Но очевидно, что эта переориентация не ограничивается подобным семантическим сдвигом. Она предполагает использование "своих" дескрипторов, своих знаков для синтаксических связей, для группировок форм в случаях типа составного (именного) сказуемого, а в некоторых языках и для бессвязочных предикативных форм имени, как, например, в бурятском Би багша-би 'Я учитель'.

На начальном этапе исследования, когда впервые выявляются основные модели данного языка, важно "увидеть" и зафиксиро-

вать их любыми подручными средствами. Замечу попутно, что одно из таких средств – принцип вопросов, задаваемых от предиката, бесспорного конструктивно-семантического центра предложения, – само по себе можно рассматривать как одну из возможностей моделирования, особенность которой состоит в ее "открытой" семантической ориентации. Но ближайшая следующая задача потребует рационального контроля за самими этими средствами, и думать об этом пора уже сейчас. Каждый, кто пользуется формулами структурных моделей предложений и других синтаксических единиц, – а тем более те, кто эти формулы строит, – все мы должны рефлексировать свой строительный материал, – символы, дескрипторы, стрелки и скобки и т.д.: всегда ли они однозначны, все ли необходимы, достаточны ли они, чтобы явным образом охарактеризовать все синтаксически релевантные признаки описываемого объекта, отличить его, отграничить от всех других.

3. Очень непростой комплекс вопросов связан с реализацией постулата о двусторонней природе модели предложения как знаковой единицы языка. В данном случае я не имею в виду билатеральную концепцию знака в ее противопоставленности монологической концепции. Даже с позиций монологической концепции знак может быть признан таковым лишь при неопременном условии соответствия ему некоторого смысла. Без апелляции к смыслу не может быть выделен не только знак, но и фигура выражения.

По отношению к знакам-морфемам и лексемам (словам), форма которых фиксируется относительно "натурально", семантика, в принципе, формулируется в словах обычного языка и фиксируется в "правой части" словарной статьи, т.е. в толковании. К сожалению, словарей морфем у нас пока нет, но смыслы грамматических показателей всегда можно извлечь из грамматических описаний, а словообразовательных средств – из работ по словообразованию, где они тоже описываются в общем языке.

Содержания же синтаксических единиц языка, и прежде всего – синтаксические смыслы, связанные с определенными структурными моделями, до сих пор, насколько я представляю себе, не были еще предметом специального целенаправленного изучения и описания. Это может вызвать возражения, связанные с тем,

что семантический синтаксис в последние годы стал одним из наиболее развиваемых направлений исследования. Но сфера интересов, проблем этого направления широка и многогранна, а же сейчас имею в виду один, очень конкретный вопрос: выявление, формулирование – а затем и символическую запись тех конкретных синтаксических смыслов, которые "принадлежат" или "соответствуют" вполне определенным структурным моделям данного языка. Эту мысль можно сформулировать и иначе: речь идет о системном, лаконичном, "формализованном" представлении пропозиций, соотносенных с каждой выделенной структурной моделью.

Как мне представляется, такие описания, "отражения" смыслов моделей, полностью освобожденные от всего, что связано с лексическим наполнением фраз, построенных по данному образцу, на данном этапе не могут выполняться никак иначе, кроме как в обычном для лингвистики языке. Однако своеобразие данной задачи я вижу в том, что семантическое описание с самого начала должно строиться как системное. Это значит, что предварительно выявленные структурные модели, представленные достаточным количеством фразовых "образцов" (карточек), сгруппированных и расположенных по принципу минимизации структурных (формальных) различий, потребуют от исследователя не только уловить смысловые расхождения моделей, обусловленные этим минимальным различием, но и сформулировать их предельно четко. А это и значит, что в процессе этой работы непременно будет отбираться и терминологизироваться "словарь семантического описания".

Я не хочу воскрешать и вновь обсуждать вопрос об изоморфизме двух сторон знака и об отсутствии такового. Но я глубоко убеждена, что в сфере синтаксиса предложения, может быть, больше, чем в какой-то другой сфере языка, отношения между структурной моделью и ее синтаксической семантикой, освобожденной от лексической нагрузки, приобретают характер достаточно непосредственной обусловленности. Оговорюсь только, что эта обусловленность далеко не всегда может быть объяснена конкретной природой формального различия, – но тем не менее она регулярно "следует" за фактом наличия некоторого различия в структурных моделях родственного типа.

4. Четвертая проблема, стоящая перед исполнителями системного модельного описания предложений некоторого языка, сос-

тоит в формировании и обосновании теоретической концепции варьирования синтаксических моделей. В соответствии с этой концепцией должно выявляться и фиксироваться в описании варьирование каждой конкретной модели данного языка. Имеющийся у нас опыт, пока еще весьма небольшой, показывает тем не менее, что варьирование разных моделей предложения даже в одном языке бывает весьма разноплановым: например, содержательные и формальные варианты моделей – явления очень разные. Но кроме того, разные языки тоже дают в этом отношении существенно разные картины, которые и сами по себе каждая, и в отношениях друг к другу требуют серьезного теоретического осмысления. Так, например, в тюркских языках, где имеется относительно полный набор основных "субъектно-объектных" падежей, т.е. раздельно представлены неопределенный (основной, именительный), винительный, дательный (датель-направительный), исходный и творительный падежи, а также местный (способный, хотя и редко, выполнять роль обличительного актанта), достаточно четко определяются модели, описывающие основные типы процессуальных ситуаций с разными ролями предметных участников. Варьирование этих моделей может быть связано с "многозначностью" отдельных падежей, в силу чего соответствующая форма "вклинивается" на периферию "чужой" области действия (например, неопределенный – в сферу винительного, прямого объекта), или с наличием специализированных падежей-дублей (например, винительный и винительный-неопределенный в эвенкийском⁴; несколько падежей прямого дополнения в якутском⁵; частичный в русском: положи мне сахара (р.п.) – сахару (частичн. пад.) и др.), наличие конкурентных отношений между падежными и послеложными или между разными послеложными формами и многое другое.

Более сложный случай варьирования – чередование, точнее, альтернативный выбор между формами дательного и винительного падежей субъекта в моделях каузированного действия, что часто (закономерно) бывает связано с пониманием каузации как позволения, попушения (дательный) или вынуждения (винительный). Здесь уже возникает вопрос, который может быть решен только в свете определенной теоретической концепции – если не чисто волевым способом: варианты это или близкие по смыслу модели-квантисинонимы?

В хантыйском же языке всего 3 падежа у существительных: неопределенный, дательно-направительный и местно-творительный (+ винительный – только у личных местоимений, которые зато не имеют местно-творительного). Здесь ситуация совершенно другая, потому что структурные модели с актантами в косвенных падежах неизбежно оказываются семантически перегруженными настолько, что с привычной нам точки зрения, сложившейся на базе других языков, это ведет к их распаду на "модели-омонимы". Но омонимия такого рода обязательно должна "сниматься" с помощью семантических дескрипторов, без которых формула модели не может считаться действительной. Внутри выделенных таким образом квазиомонимичных моделей вполне вероятна и своя семантическая же вариативность.

Особую роль в системе варьирования моделей предложения в обско-угорских и самодийских языках играет варьирование глагольных форм, противопоставляемых по типу так называемых спряжений, например, субъектно-безобъектного, субъектно-объектного и пассивного в обско-угорских языках. Глаголы в пассивном спряжении формируют собственный класс моделей, имеющих аналогию в пассивных конструкциях других языков; отношения же между "не пассивными" формами в плане содержания довольно сложны и требуют специальных исследований. Наблюдения В.Н.Соловар дают основания предполагать, что в хантыйском языке есть и такие модели, где эти формы чередуются довольно свободно, и такие, где возможна только одна форма, обычно субъектно-безобъектная⁶.

Вопрос о границах категории варьирования синтаксических единиц (моделей) для своей адекватной постановки требует несравненно большей эмпирической базы, нежели та, которой мы располагаем на данном этапе работы. Однако уже сейчас видно, что он имеет две стороны: с одной стороны, требуются теоретически отработанные критерии для отнесения некоторого синтаксического объекта либо к числу вариантов модели X, либо к другой модели Y. Иначе говоря, это вопрос о пороге, до которого мы имеем (берем себе) право пренебрегать отклонениями от исходного представления об образце, но за которым обязуемся усматривать в нем явление новой сущности. Вторая сторона – это "нижняя граница" варьирования. Вопрос состоит в том, какими различиями синтаксических форм и смыслов на уровне модельного

описания мы обязаны просто пренебрегать, сводя тем самым формы к безусловному "модельному" тождеству, и где начинаются расхождения, которые должны оцениваться как варьирование моделей. Этот вопрос вплотную смыкается с пятой теоретической проблемой, которую с особенной остротой ставит модельный подход к описанию предложения: это проблема парадигматики предложений.

5. В лингвистической литературе, не говоря уже о научно-философской, накоплено множество определений, толкований и пониманий термина "парадигма". Поэтому, чтобы не вступать в дискуссию, которые были бы сейчас совсем неуместны, просто поясню свое понимание, непосредственно восходящее к традиционному пониманию парадигмы в грамматике. Парадигма для меня – это прежде всего система "грамматических мест", совокупность которых составляет некоторую языковую единицу. Так, парадигмы спряжения и склонения задают такие единицы языка, как глагол (для русского языка разные парадигмы дифференцируют разновидности глаголов) и существительное; русское прилагательное имеет свою систему грамматических мест. Соответствующая парадигма характеризует (и выделяет, противопоставляет другим) и каждую отдельную лексему данного класса, например, глаголы писать, написать, подписать – как разные слова, ибо у каждого своя система грамматических форм, соответствующая системе грамматических мест частеречной парадигмы.

Соответственно этому пониманию естественно ожидать, что и предложения как единицы языка должны иметь свои "системы грамматических мест", форм, совокупность которых и есть сама данная единица. Однако "алгебраичность" синтаксиса затрудняет проникновение в эти закономерности и осмысление их. Едва ли не главная, во всяком случае первая помеха на этом пути – то, что мы видим обычно только две крайние, полярные точки: модель, которую сами уже записали в символах, т.е. свели к единству, тождеству самой себе – и разнотелосицу фраз, в которых она является нам и где мы не видим никакого тождества, кроме того, что зафиксировано в модели.

Конечно, любой школьник, тем более студент-филолог укажет на такие грамматические различия этих форм, которые не нарушают этого тождества, – например, времена, наклонения, лица,

аспектуальные характеристики глаголов, отрицание, восклицательность и некоторые другие. В алтайских языках сюда добавляются "векторные характеристики" (в чью пользу, свою или чужую, совершается действие), в уральских – субъектный или объектный тип спряжения и некоторые другие. Но должны ли мы отождествлять такой ассортимент форм глагола того или иного языка с парадигмой предложения? Как ни важен глагол для бытия предложения, предложение не сводимо к глаголу. И об этом очень ясно свидетельствует сам факт разнообразия моделей предложения в каждом языке.

Мне кажется, что модельный подход к предложению ценен, помимо многого другого, как раз тем, что он позволяет нам увидеть и осознать синтаксическую единицу именно как единицу, как "отдельность", подобную отдельной фонеме или отдельному слову⁷. А если мы это ощутим и поймем, то и вопрос о парадигме предложения превратится в вопрос о парадигмах предложений: как у разных местоимений, у разновидовых глаголов, у разных групп существительных могут быть свои парадигмы, в том числе и сведенные к какой-то единственной форме (например, пальто, щеп), так же они могут, и даже должны быть разными у разных моделей предложения.

При поиске системы форм, составляющих парадигму (или лучше – форм, которые мы представим как систему и назовем парадигмой данной модели) нужно всегда держать в памяти элементарное, но часто ускользающее от внимания обстоятельство: парадигма модели никак не сводима к парадигмам отдельных фраз, – а тем самым и отдельных глаголов. Так, виды мы признаем разными словами, но вербальные модели совершенно безразличны к появлению любой из них. Точно так же в тюркских языках в роли сказуемого в таких моделях выступают и простые глаголы, и сложные, передающие самые разнообразные характеристики действия. Виды, формы и смыслы глагольных сказуемых в алтайских языках, как показывают исследования А.Т.Тыбыковой, Д.А.Монгуша⁸ и др., исключительно многообразны, – но это многообразие не влечет за собой существенной перестройки системы моделей предложения, которая представляет собой стабильный, прочный каркас синтаксического строя.

Как и сама модель, все ее парадигматические формы свобод-

ны от лексического наполнения, они могут (должны) характеризоваться только теми признаками, которые мы сами припишем им, после того как проведем анализ и убедимся, что эти признаки существенны действительно под данным углом зрения. Какие именно это будут признаки, в каком отношении они будут находиться к грамматическим и лексико-грамматическим категориям глагола, к лексико-грамматическим группировкам и так далее, в какой мере они окажутся "минующими глагол", т.е. касающимися актантов, – эти вопросы потребуют активного обсуждения, когда будет собран и первично обработан, осмыслен разноплановый, разноязычный эмпирический материал.

Пока такой материал только накапливается, мне хотелось бы высказать одно общее соображение на этот счет. Мне кажется, что если парадигма предложения сведется к парадигме глагола, пусть в весьма широком ее понимании, то само это понятие в системе синтаксиса окажется избыточным и потому неинтересным. Специальный интерес должны представлять для нас именно те модели, парадигмы которых специфичны, "укорочены" или, наоборот, "расширены" по сравнению с другими. И только когда мы увидим систему парадигм предложения данного языка, а тем более сравним ее с аналогичными данными по другим языкам, мы получим возможность сформировать содержательное теоретическое представление о парадигматике предложений.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Л.Теньер. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс. 1988. – С. 124.
2. Гецадзе И.О. Очерки по синтаксису абхазского языка. – Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1979. – С. 83.
3. Прияткина А.Ф. Союзные конструкции в простом предложении. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Москва, 1977. – С. 16.
4. Языки народов СССР. Т.У. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. – Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1968. – С. 73.
5. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. I. Простое предложение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 118 и след.

6. Соловар В.Н. Семантические группы глагольных сказуемых безактантных и одноактантных предложений в кызымском диалекте хантыйского языка // Компоненты предложения (на материале языков разных систем). – Новосибирск, 1988. – С. 83 и след.

7. Москальская О.И. Проблемы системного списания синтаксиса. – М., 1982.

8. См. статью Д.А.Монгуша в настоящем сборнике, а также: А.Т.Тыбыкова. Типы именного сказуемого в алтайском языке // Компоненты предложения (на материале языков разных систем). – Новосибирск, 1988. – С. 52-66.

Д.А.Монгуш

О СКАЗУЕМЫХ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА, ВЫРАЖАЮЩИХ МОДАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ

Предложения в тувинском языке, как и в других языках, могут иметь различные модальные значения – достоверности (реальности), возможности, предположительности, необходимости, долженствования и т.д., которые обычно выражаются сказуемыми. Данная статья посвящена сказуемым со значением достоверности.

Модальное сказуемое со значением достоверности в тувинском предложении выражается: 1) временными формами синтаксического индикатива (изъявительного наклонения)¹, т.е. синтетически; 2) теми же формами в сочетании с модальными предикативами и частицами, т.е. аналитически.

1. Сказуемые с модальным значением достоверности, выраженные временными формами индикатива

Сказуемое в форме изъявительного наклонения² выражает достоверное (реальное) действие (событие), которое имело место в прошлом, имеет место в настоящем или будет иметь место в будущем и фиксируется говорящим беспристрастно, как общая достоверность, не нуждающаяся в каком-либо уточнении, подчеркивании, усилении. Таким образом индикатив передает отношение сообщаемого к действительности, т.е. объективно-модальное значение (объективную модальность)³. В связи со сказанным можно считать справедливым мнение о том, что "полная, стопроцентная" достоверность выражается нейтральной формой утверждения, т.е. формами индикатива⁴.

Приведем примеры со сказуемыми, выражающими достоверность в различных временных формах, которые традиционно причисляются к индикативу.

Сказуемые в формах прошедшего времени

В форме прошедшего (категорического) времени на -ды:

О, Карим база чепиң келди! Зинаны чалап келдиң бе? (К.Ку-дажи) – О, Карим тоже пришел! Ты пришел приглашать Зину?; Оруу-вус баштажып келгенинге кайывыс-даа еердүвүс (Д.Бегзи) – Тому, что наши дороги встретились, каждый из нас очень обрадовался; Ванька ол бажыңгыгашче мени киире берди (С.Тока) – Ванька за-

вел меня в ту избушку; Салгын халып турду, ооң чылы-даа сүргей болду (К.Купажи) – Дул ветерок, он был довольно теплый.

В форме прошедшего (перфективного) времени на =ган:

Шыргай иштинде будук сынганы пынналган (К.Аракчаа) – В лесной чаще послышался треск сломавшей ветки; Хеймер-оол оолдуң, соондан базыпкан (О.Саган-оол) – Хеймер оол пошел за парнем; Каалыр-оол харылаар сос тыппаан (Е.Онлар) – Каалыр-оол не нашел слов, чтобы ответить; Дээр ынчан аяс турган (с.Тока) – Небо было ясное.

В форме прошедшего (риторического) времени на =чык:

Чаңгыс катап, Монгун-Тайга, чайын сени эргижик мен (С.Сүрүң-оол) – Один раз, Монгун-Тайга, летом я тебя объехал; Дүүн кезжэ эмгежок хлеб арты беле кужактап алгаш, чоруй баржык. Чүве-даа ыттаважык мен (С.Сүрүң-оол) – Вчера вечером он ведь взял в охапку очень много остатков хлеба и унес. Я ведь ему ничего не сказал; Эйт, эжиң тыртыштап катжык сен бе? (М.Эргеп) – Эй, ты пверь на крючок закрыл?

В форме прошедшего (повествовательного) времени на =ып-тыр:

Алыг оглу бир-ле эртен авазындан айгырып-тыр (С.Таспай) – Медвежонок однажды утром спросил у матери; ынчап коргуп чыда, улуп каап-тыр мен (С.Пюрбю) – Вот так в страхе лежа, я, оказываюсь, уснул; Ачам мээң хураганымны кергеш, мынча диди: – Хураганың шору апырып-тыр ой, Хонак! (М.Эргеп) – Мой папа посмотрел на моего ягненка и сказал: – О, твой ягненок (как вижу) немного вырос. Хонак.

В форме прошедшего-настоящего времени на =пышаан:

Оон бээр ам чээрби чыл ашкан, Чүгүрүк Сараланың ээзи турган Сат Сандан өскөн-терээн чери Хондергейде чурттавышаан (М.Кенин-Лопсан) – С тех пор прошло свыше двадцати лет, хозяин рыже-пегого скакуна Сат Сандан продолжает жить, где он рос и родился, в Хондергее; Долума сакманчик Вера суглар шагпа удаан. А хойжу олурбушаан (К.Чамьян) – Долума, сакманница Вера и другие давно уснули. А чабан все еще сидел; Өглер чанында хей киж турбушаан (Э.Донгак) – Сколо юрт все еще стоит много людей.

Сказуемые в формах настоящего и будущего времени

В форме настоящего заглазного времени на =а-пыр:

Мен бажымны сыртыктан бичии ковайткаш, катап пыннаалапым: шынап-ла столда киж аксы чылчырай-пыр (М.Эргеп) – Я, немного

приподняв голову с подушки, еще раз прислушался: в самом деле за столом кто-то чавкает (букв. 'человека рот=его чавкает'); Киж соктай-пыр. Демги даштыгаа хонган оолдар боор (С.Тока) – Кто-то стучится. Наверное, это те парни, которые провели ночь на улице; Кичээнгэйлиг бол, ындында дилги кызаңнай-пыр (О.Сувакшит) – Будь внимательным, за тобой вон там лиса ходит (букв. 'мелькает, краснея').

В форме настоящего конкретного времени:

Ой, чүрээм соп тур (В.Көк-оол) – Ой, у меня сердце (сильно) бьется!; Шаттың мойнаалындан меңээ уткуштур чөпсөгүлөттүнгөн үжөн хире кижилер хап олурлар (С.Тока) – Со стороны перевала через горную гряду навстречу мне около тридцати вооруженных всадников мчатся; Эртен келир мен деп чугаалап тур мен (К.Сагды) – Я говорю, что завтра приду.

В форме настоящего-будущего времени на =ар:

Удавас араттар эртемге өөрени бергеш, кезегениң, херектин, херек чогуң боттары биле бээр (С.Тока) – Скоро араты, наукой овладеет, сами разберутся, (мужчинам) косы нужны или не нужны; Келир чылын биске колдуунда дээди эртемнин аныак башкылар ажылдаар (К.Чамьян) – В будущем году у нас в основном молодые учителя с высшим образованием будут работать; Бо урууң келгендир, курут үндүрөң сен бе? (В.Көк-оол) – (Вот) приехала твоя дочь, отпустишь ее ненакормленную?; Караңгызы аажок, аът кулаа көзүдөс (О.Саган-оол) – Очень темно, уши у коня не видны; Бо оолдар, өске бүгү аныак тудукчулар ышкаш, ниити бажыңның бир өрээлинде чурттап турарлар (О.Саган-оол) – Эти ребята, как все молодые строители, живут в одной комнате общежития; Ында муңгаш арга иштинде сүвүр баштыг чадыр бар, ооң чанында ивилер өйттап чорувур (О.Саган-оол) – Там, в дремучем лесу, есть островерхий чум, около него пасутся олени; Олар ам шупту номчуур болташ бижир (Е.Танова) – Они теперь все читают и пишут.

В форме будущего ожидаемого времени на =галак:

Хар чаа-ла эрип калган. Ыш бүрүзү чазылгалак, өйт-көк үнгелек (Е.Танова) – Снег только что растаял. Листья на деревьях вот-вот распустятся, трава вот-вот взойдет; Хүн эрте, улуг дүш четкелек (Д.Бөгзи) – День ранний, полдень еще не наступил; Чечек, үнүш черни шимеп эгелээн. Ынчалза-даа аалдар кыштагларындан арай көшкелек (К.Чамьян) – Цветы, растения на-

чали украшать землю. Однако аалы с зимних стоянок еще не перекочевали.

При том, что все традиционно относимые к индикативу временные формы объединены одним общим модальным значением достоверности (реальности) сообщаемого действия (события), все же эта модальность в некоторых из них осложнена дополнительными оттенками, способствующими субъективации этих форм (т.е. выражению ими отношения говорящего к сообщаемому) и ослаблению их позиций в системе индикатива.

Так, бо́льшая, чем другим формам, категоричность утверждения о достоверности действия (события) свойственна прошедшим временам на =ды и на =чык, т.к. ими выражаются только очевидные действия, т.е. такие, которые говорящий лично совершал, наблюдал или в совершении которого принимал участие⁵. Последнее обстоятельство дает говорящему подчеркивать, усиливать (например, интонационно) утверждение о совершении действия, как бы ссылаясь на свое участие в происходившем. Указанное значение потенциально присуще каждому предложению, в котором сказуемое выражено глаголом в форме прошедших на =ды и на =чык, хотя оно обычно контекстуально обусловлено. Примеры предложений со сказуемым в форме прошедшего на =ды:

Маңаа куруг турган эвес сен, күстен бээр хейнү-ле өлүрдүң (С.Сарыг-оол) – Здесь ты не был без добычи, с осени ты много убил (белок).

В данном случае значение категоричности утверждения о совершении действия усиливается, помимо очевидности действия, еще употреблением формы на =ды на фоне прошедшего на =ган.

Бир бөрү соондан маңапан орган инекти бут аразындан сегирип алды (С.Тока) – Один из волков схватил бежавшую сзади козлову за вымя (букв. 'между ногами'). Действие достоверное, потому что оно происходило на глазах у говорящего. Именно так воспринимается слушателем это сообщение благодаря употреблению формы на =ды.

В рассказе, который ведется от первого лица, прошедшее на =ды может употребляться несколько раз подряд, передавая целую цепь достоверных, очевидных динамичных действий, событий в прошлом. В таких случаях передается общая (обычная) достоверность. Например:

Иелээ сонуг-мурнуг кирип келливис. Мен дөржө эрткеш, орунга барып олуруп аллым. Тарзан авам-биле мөңдөлөшкөш, стол кыдында сандайга олуруп аллы. Авам дискеттерин кызырады турбушаан, даарап олурган чүвезин мээң чанымга сала тыртып кааш, суугу кырында турган хөнекти Тарзанның баарынга салгаш, аяккашай куткаш сунду (А.Даржай) – Вдвоем мы друг за другом вошли (в юрту). Я прошел на почетное место, сел на кровать, Тарзан, поздоровавшись с моей мамой, сел около стола на стул. Моя мама, хрустя суставами своих ног, встала, свое шитье около меня положила, стоявший на железной печке чайник поставила перед Тарзаном, налила чай в пиалу и протянула ее Тарзану.

Здесь форма на =ды выражает общую (обычную) достоверность. Таким образом, прошедшее на =ды передает бо́льшую категоричность достоверности, выражая очевидное действие. Сама же по себе эта форма не наделена особой модальной окраской.

Видимо, иначе обстоит дело с прошедшим на =чык, основное значение которого – "категорическое утверждение или подтверждение (напоминание) того, что данное действие было в прошлом совершено"⁶. В отличие от формы на =ды форма на =чык, как правило, не может употребляться в тексте подряд и передавать прошлые динамичные очевидные действия, а всегда имеет оттенок усиленного утверждения о достоверности данного действия. Именно поэтому она, видимо, "характерна для диалогической речи, особенно для речи сценической, – там, где одно из действующих лиц, возражая другому, что-либо решительно утверждает или подтверждает"⁷. Примеры предложений со сказуемыми, выраженными прошедшим на =чык:

Сумунактарны базар дээш Дарган-оол суглар хаптарга, оглум чоогунга чоруур кизи мен дээш, оларнын соондан далбайтыпчык сен (Е.Танова) – Когда Дарган-оол и другие отправились, чтобы подавить сумунакцев, ты, сказав, что хочешь быть около своего сына, ведь галопом помчался за ними; Караңгылааже Эник-оол аалга келбөжик (К.Маспых-оол) – До наступления темноты Эник-оол ведь не приезжал в аал; Акым аалга үр-даа доктаавайн, Аргалыктың даанче углай сипирт кылчык (К.Маспых-оол) – Мой старший брат, не пробыв в аале долго, ведь очень быстро умчался в сторону горы Аргалыктың.

О наличии у формы на =чык модального значения усиленного

утверждения о достоверности передаваемого ею действия свидетельствует также то, что она не допускает присоединения к себе модальных предикативов и частиц со значением предположительности.

Модальное значение усиленной достоверности утверждения о действии в прошлом в определенных контекстах выражают также и сказуемые в вопросительно-отрицательных формах прошедших времен на =лы и на =чык.

Примеры со сказуемыми в вопросительно-отрицательной форме прошедшего на =лы:

Чоокта чаа Эргине дарга мөңгээ Чедерже путевка сыгап тур-бала бе! Ия аразында канчапканнары ол? (А.Даржай) – Недавно начальник Эргине мне ведь путевку на (курорт) Чедер навязывал! Теперь куда (ее) дели?; Ол күзүн харын чаа бижик тывылган, ону өөренир джип, аъттыг-чадаг, ушкаштыг-диргештиг чоруу турбалы-выс бе (Б.Ондар) – В ту осень новая письменность появилась, и чтобы ее изучить, мы ведь верхом и пешком, усаживаясь по двое на одну лошадь, ездили – ходили; Ол оюнну боду Чадаанадан өөренип алгаш, аныктарга айтып берип турбалыве (Е.Танова) – Эту игру он сам, выучив в Чадаане, молодежи показывал ведь.

Со сказуемыми в вопросительно-отрицательной форме прошедшего на =чык:

Ийет, спорттуң, янзы-бүрү хевирлеринге аныктарның маргыдаазы бооп турда, Хөөрээр ирей аңаа турбажыкпе (М.Өлчей-оол) – Да, когда проходили соревнования молодежи по разным видам спорта, Дед Хөөрээр ведь там находился (букв. стоял); Хар кайын чедер. Күскээр кыжын үнген оол болгай. Чайын аарый бербежикпе – деп, кадайы узе кирди (С.Пюрю) – Вряд ли ему был год. Мальчик ведь родился поздней осенью. Он же заболел летом, – прервала его жена; Шойгарны кара чангыс хураганым оорлап чипкен дээш, аъттан ужуруп, чодазын сып, шаанта киирбежик бе (В.Көк-оол) – За то, что Шойгар украл единственного его ягненка, он (шаман) ведь свалил его с коня, сломал ему голень, замучил.

В приведенных примерах сказуемые в вопросительно-отрицательных формах прошедших времен на =лы и на =чык выступают не в своих прямых значениях, а для выражения категорического утверждения о достоверности сообщаемого. Поэтому авторы текстов в конце таких предложений обычно не ставят вопросительного

знака и нередко пишут вопросительную частицу слитно с глаголом, показывая тем самым, что здесь особая форма, отличная от обычных вопросительно-отрицательных форм прошедших на =лы и на =чык (см. в примерах: айтып берип турбалыве, аарый бербежикпе). Поскольку прошедшие на =лы и на =чык передают очевидные действия, то из значения их вопросительно-отрицательной формы легко может развиваться значение категорического утверждения, особенно в тех случаях, когда обозначаемые этими формами действия являются очевидными и для собеседника, и для говорящего. Вопрос албажык бе? "разве он не взял?" при условии, что сообщаемое достоверно известно и говорящему, и его собеседнику (т.е. оба они наблюдали, как происходило событие), равносильно утверждению "он же взял".

Выражение модальности достоверности в тувинском языке сказуемыми в разных временных формах индикатива требует дальнейшего исследования на большом фактическом материале. Пока же из изложенного можно сделать вывод о том, что среди других форм выделяются те, которые наделены свойством обозначать очевидные действия. Здесь прежде всего нужно отметить прошедшее на =чык, значение которого всегда осложнено оттенком подчеркнутой достоверности, а также вопросительно-отрицательные формы прошедших времен на =лы и на =чык. Может быть, все эти три формы целесообразно вывести из системы изъявительного наклонения и рассматривать как формы особого наклонения – "наклонения подчеркнутой достоверности", как это предлагается в отношении отдельных форм алтайского языка⁸. Однако этот вопрос пока недостаточно изучен.

В сказуемых, выраженных прошедшим на =ып-тыр и настоящим на =а-тыр, значение достоверности действия (события) осложнено оттенком мотивированности⁹, которая способствует субъективации сообщения и тем самым отличает эти формы от остальных форм индикатива.

Сказуемое в форме на =ып-тыр передает такое прошлое действие, о совершении которого говорящий сообщает со слов других или по наличному результату:

Бөрү чедип кээрге, кулун шөлзөн оттап туруп-тур (Из сказки) Когда пришел волк, то жеребенок, говорят, спокойно щипал траву; Бо Очур кайда кижы боор? Анаа чагаа челип кээп-тир

(О.Саган-оол) – Где этот Очур? На его имя, оказывается, пришло письмо.

Форма на =нп-тыр употребляется в первом предложении как форма пересказывания с семантикой "говорят (рассказывают), что произошло (что-то)", свойственная особенно языку сказок, во втором предложении – как форма сообщения о событии по его очевидному результату с семантикой "видно, что произошло (что-то)". Иными словами, мотивировкой для сообщения в первом случае является то, что говорят другие, во втором – наличный результат действия.

Сказуемое в форме на =а-пыр передает такое синхронное с моментом речи действие (событие), о совершении которого говорящий сообщает на основе своего слухового, зрительного, осязательного и т.п. восприятия. Например:

Чанымда бир эр киж и узун-узун човууртай-пыр (М.Эргел) – Около меня какой-то мужчина протяжно стонет (я это слышу); ... Ынаар чазый дилги кызаннайдыр (О.Сувакпиг) – ... Вон там жадная лиса виднеется (букв. краснеет).

Мотивировкой для передачи сообщения с помощью формы на =а-пыр в этих предложениях служит ощущение (восприятие) говорящего, т.е. то, что он слышит (в первом случае), видит издали (во втором).

Мотивированность сообщения о действии объединяет прошедшее на =нп-тыр и настоящее на =а-пыр. На этой основе можно было бы их считать разновидностями особого "мотивированного" наклонения. Однако нужно признать, что обе формы, хотя и имеют особые оттенки в значении, выражают вполне реальные, соответствующие действительности действия, что является определяющим для их отнесения также к индикативу.

2. Сказуемые с модальным значением достоверности, выраженные сочетанием форм индикатива с модальными предикативами и частицами

Когда в сказуемых со значением достоверности носителями лексической семантики являются формы синтаксического индикатива, способные выступать в атрибутивной функции, к которым относятся глагольные формы, употребляющиеся и как финитные, и как причастия, т.е. формы на =ган и =ар, реже – на =галак и =бышаан, а также имена (существительные, прилагательные и т.д.)

то к ним могут присоединяться и выражать утверждение говорящего о достоверности очевидного действия (события), тем самым преобразуя объективную модальность достоверности в субъективную: 1) модальные предикативы-существительные чүве 'вещь', 'предмет', кижи 'человек', улус 'люди', а также любое существительное, обозначающее, будучи в составе сказуемого, родовое понятие по отношению к логическому субъекту данного предложения; 2) модальные предикативы-глаголы бол= 'быть', 'становиться', чор= 'ходить', 'быть' в формах прошедшего времени; 3) модальные усилительные частицы болгай 'ведь', болбас ийик-пе 'ведь', 'же' и т.п.

Нужно отметить, что модальные предикативы и частицы употребляются в речи только тогда, когда рассказ ведется от I-го лица, т.е. от имени говорящего, который является участником или свидетелем события, поэтому сообщаемое в предложении воспринимается подчеркнуто достоверным.

Модальные предикативы-существительные присоединяются к сказуемым таких предложений, которые служат характеристикой лица (модальные предикативы-существительные кижи, улус, чүве и др.) или предмета (модальное предикатив-существительное чүве и др.), при этом обычно выступают показателями логического субъекта предложения. Примеры:

Чудурук кайгай-ла берген. Ооң карактары аңгалап кайгаан-нынпан имистели бээр киж и (О.Саган-оол) – Чудурук удивился. Его глаза от удивления обычно становятся прищуренными (букв. Его глаза от удивления прищуренными становящиеся человек).

Сообщение подчеркнуто достоверное, потому что событие обычно происходит в присутствии говорящего – об этом свидетельствует употребление в конце предложения модального предикатива кижи. Предикатив этот здесь указывает на логический субъект, выраженный местоимением ооң (которое в свою очередь указывает на личное имя Чудурук в предыдущем предложении)¹⁰. В данном предложении логический и грамматический субъекты не совпадают. Поэтому в строгом смысле слова предикатив кижи не входит в состав сказуемого имистели бээр. Он является только показателем логического субъекта.

Бистер Кайгал-оолдар-биле мооң мурнунда каш-даа катап чаа

чыллы капч уткаан улус бис (В.Монгуш) – Мы с Кайгал-оолами до этого несколько раз Новый год вместе встречали (букв. Новый год вместе встречавшие люди – мы).

Условие подчеркнутой достоверности такое же, как и в предыдущем примере. Предикатив улус указывает на логический субъект бистер. Здесь логический и грамматический субъекты совпадают, они обозначаются одним и тем же словом бистер. Поэтому предикатив улус безусловно входит в состав сказуемого.

Предикативы-существительные кижи и улус присоединяются лишь к тем сказуемым, которые связаны с характеристикой людей, что видно из вышеприведенных примеров. Модальный же предикатив чүве входит в состав любого сказуемого, независимо от того, характеризуется им лицо или предмет (нелицо); это более абстрагированный модальный предикатив. Пример:

Класс иштинде чээрби дөрт өөреникчи олурган чүве, олар аңгадаксай бергеш, удур-дөдир кайгажы бердилер (М.Кенин-Лопсан) – В классе сидели двадцать четыре ученика, они растерялись и устали друг на друга.

Модальный предикатив чүве выступает здесь сказуемым в сочетании с глаголом олурган, характеризующим лиц, и подчеркивает достоверность действия (события). Вопрос о том, является ли предикатив чүве универсальным показателем логического субъекта, или он представляет собой чисто модальное средство, выражающее категорическую достоверность очевидного действия, еще не выяснен^{II}.

Примеры употребления в качестве модальных предикативов других существительных:

Сээң, оғлуң, аажок томаанның эр – Твой сын очень скромный (букв. очень скромный мужчина); Овүрге хар шоолуг чағбас чер – В Овюре снега мало выпадает (букв. снега мало выпадающая местность).

В первом предложении слово эр указывает на логический субъект, выраженный словоформой оғлуң, во втором – слово чер указывает на логический субъект, выраженный словоформой Өвүрге. Слова эр и чер употребляются здесь для того, чтобы подчеркнуть, что в обоих предложениях сообщаемое абсолютно достоверно, хорошо известно говорящему.

Модальные предикативы-глаголы чор= 'ходить', 'быть', бол=

'быть', 'становиться' в формах прошедших времен, образуя сказуемые в сочетании с глагольными (причастными) формами на =ган, =ар, =галак, =бышаан, а также с именами, обозначают, что сообщаемое в предложении событие либо происходило в присутствии говорящего, либо говорящий установил его достоверность по наличному результату или из достоверных источников.

Примеры с глаголом чор=:

Сен кызыл-булуңда номчуттунуң-ла олурар чорлун (Е.Танова) – Ты читал и сидел себе в красном уголке (я это видел); Айт безин мунуң билбес, өлүг эът дег чүве чорбалыва (С.Сарыг-оол) – Он (в этом я убедился) жалкое существо, которое даже не умеет ездить на коне, как мертвое тело; Дос кончут ус-шевер Дажымба безин малгаш печка туңуң билбес мен пээр чоржук (М.Эргеп) – Даже тот самый искусный кузнец Дажымба сказал ведь, что он не умеет складывать глиняную печку; Соөлүндө келгеш, черге чажырыпкан аңыңарны соруң алган чорлунар (Э.Донгак) – Оказалось, что вы позже (как я установил) приезжали, сняли шкуру со зверя, которого спрятали в той местности.

Ни в одном из этих предложений глагол чор= не выражает своего обычного значения 'ходить', 'ездить' и т.п., везде он выступает в чисто модальном значении. Нужно отметить, что, присоединяясь к именам, чор= может одновременно выполнять функцию модального предикатива, глагола и связки. Например:

Көк чирбештиг, чалгынналың үңгүлей бергилээн эрин салдың, кадыр хавактың ашак чораан (М.Эргеп) – (Он) был (я это видел) старик с седой челкой, торчащими вверх как крылья усами, круглоблый; Хойжуларда силерни танывас киж чок чорлу (К.Чамьян) – Среди чабанов (как я выяснил) нет человека, который Вас не знает.

Примеры с глаголом бол=: Малдың сүткүрүн, эткирин беддеринин аргаларын сонүүргөп турар болу (О.Саган-оол) – (Он) интересовался способами увеличения производства молока, мяса скота; Самдар тоннуң иштинден самдар бөрт база тып алдым. Ооң бир халбаңы чок болду (С.Тока) – В рваной шубе я нашел и рваную шапку. У нее не было одного уха; Ол аптарада мээң эрги кыдырааштарым, ном-дептерлеримни шыгжап каан болду (М.Доржу) – В тот сундук (я это видел), оказалось, положили мои старые тетради, книги; Мээреңниң чылгызын он ажыг чылда кадарып келген

мен. Кижі күжү халас эвес. Чажыннга акты-биле алырым ол дээр кижі болчук (С.Пюрбю) – Я пасу табун мейрена более десяти лет. Человеческий труд не бесплатный. В вознаграждение без разрешения беру (лошадь) – сказал ведь он; Саратовтуң кулактарынн, болгаш помещиктериниң истеп суреринден дезип, бистин бо черже кежүп келген улус болган (С.Тока) – (Они), оказалось, убежав от преследования кулаков и помещиков Саратова, в наш край переселились.

Сказуемые двух последних предложений (дээр кижі болчук, кежүп келген улус болган) показывают, что модальные предикативы-глаголы могут присоединяться к модальным предикативам-существительным, входящим в состав сказуемых. Ср. еще пример с глаголом чор:-

Билип кээримге-ле, орустар аразында чурттап чорүүр улус чоржук бис (В.Көк-оол) – С тех пор, как я помню, мы же, оказались, живем среди русских.

Нужно отметить, что модальные усилительные частицы тоже присоединяются к находящимся в конце сказуемых модальным предикативам-существительным.

Модальных частиц, которые, присоединяясь к выраженным формами индикатива сказуемым, усиливают значение достоверности сообщаемого в предложении, довольно много. Они не исчерпываются теми, которые рассматриваются в данной статье.

Многие из частиц внешне схожи с модальными предикативами, этимологизируются без особого труда, но в современном языке они все же функционируют только как модальные частицы. При служебном употреблении их лексическая семантика трудно восстанавливается.

Рассмотрим наиболее употребительные модальные частицы, входящие в состав сказуемых, в необходимых случаях оговаривая особенности их употребления и семантики, имея в виду, что общее модальное значение этих частиц – подчеркнутая достоверность высказываемого.

Частица ийик, ийик чоп: А бо шокар дашты өөвүстүң улут шокар шарызы деп ойнаар ийик бис (Э.Донгак) – А этим пестрым камнем мы играли, говоря про него, что это большой пестрый (пегий) бык нашей юрты; Эрги директор турда, амыр ийик чоп. Планаашкын ийи шак чедир уламчылаар (К.Маспык-оол) – Когда был

старый директор, было ведь легко: планирование продолжалось всего до двух часов.

Частица ийин: Боданмайн салыптар чаңың, бар ийин (С.Сарыг-оол) – У тебя ведь есть привычка ляпнуть что-нибудь, не подумав; Анаа бодумну хынаттынн оарым ол-дур ийин (С.Пюрбю) – Просто я же себя проверяю.

Частица болгай (<бол+гай): Донгурактан даңгырак чидиг дээр болгай (С.Сарыг-оол) – Ведь говорят же, что клятва острее ножа.

Частица эвес бе, эвесе: Ынчалза-даа мен билир мен: ол улус сүрүп кээр эвесе (В.Көк-оол) – Однако я знаю. Эти люди, учти, придут за мною.

Частица эвейикпе (эвес ийик бе > эвезийикпе > эвейикпе): Ам мынаар кылаштаан эвейикпе (О.Саган-оол) – Теперь он ведь пошел туда; Бо канчап чудап калганың ол? Мындыг эвес кижі эвейик сен бе (О.Саган-оол) – Почему-то ты стал таким потрепанным? Ты ведь был не таким.

Частицы боор (<бол+ур) и чоор (<чүве боор < чүве болур), сочетаясь с глагольной формой на =ар в 3-м л., передают модальное значение достоверности, осложненное оттенком назидательности для слушателя, как и вышерассмотренная частица эвесе: Чадырдаң арай улут ыңдыг бажыңчыгашты казанак леп адаар боор (С.Тока) – Такой домик, который несколько больше шалаша, обычно называют казанак (избушка); Кыс кижі сонүүргачал чорбас чоор (О.Саган-оол) – Девушка любопытной не должна быть (имей в виду).

Частица болбас ийик бе (болбас ийикпе, болбазыкпе, болбазыкпа): Бис-даа коргуп-иргип аажок бис. Сүрүңүң адазы үтү-дур дээрге, шынзыкпазыныска, эртен изин, сегин безин көргүзүп турган болбазыкпе (С.Пюрбю) – Мы перепутались. Когда отец Сярюн сказал, что это сова, мы не поверили, а утром он ведь показал следы и даже убитую сову.

Частица болтур ийин (<болур тур ийин): Ынчаарга мээң эдертикчи хүлээлгени күүседип чоруурум оон-даа артык өөрүнчүг чүве дээрзи билдингир болтур ийин (С.Тока) – Ведь ясно, что выполнение мною обязанностей проводника было еще большей радостью.

Частица болтур эвесе (болур тур эвесе): Хувискаал болза ядын артатарынң эрге-ажынн камгалап турар болтур эвесе

(О.Саган-оол) – Революция ведь защищает интересы бедных аратов.

Частица ышкажыл: Чаггыс уруум бо-дур. Моом дээш дүвүрөплө олурар ышкажыл мен (О.Саган-оол) – Вот моя единственная дочь. Я же все время беспокоюсь из-за нее.

Частицы ышкажытай, ышкажык употребляются обычно тогда, когда говорящий знает, что совершение действия или наличие факта известно слушающему, поэтому последнему можно напомнить об этом: Ядараан, эрлер чыылган черге черле ындыг ышкажытай: эки айт, эки сыдым дугайын чугаалажыр аан (М.Олчей-оол) – К сожалению, там, где соберутся мужчины, всегда ведь так: говорят о хорошем коне, о хорошем аркане; Эки төөгүп тур. Чугаа-соодун, черле солун ышкажык, Дилгижек (Э.Донгак) – Хорошенько рассказывай. Твои рассказы вообще ведь интересны, Дилгижек.

Частица -лыр (с разными фонетическими вариантами) выражает модальный оттенок достоверности действия, основанной на наблюдении говорящим результатов действия или на чьем-либо сообщении: Даштын багда айттарнын дери сооган-лыр (С.Тока) – Привязанные на дворе потные лошади, оказывается, остыли (букв. у лошадей пот остыл).

Частица ийик бе (ийикпе) в вопросительных предложениях при глаголах в положительной форме может выражать в зависимости от контекста не вопрос, а скрытое отрицание, а при глаголах в отрицательной форме, наоборот, – утверждение: Эткин үезинде сыннын караа костур ийик бе (Э.Донгак) – В брачный период у марала глаза разве видят? (по смыслу: В брачный период у марала глаза ничего не видят); Донгуунну кургаткаш, бөөлдевээн шаанда, аяк салыр ийик сен бе?! (К.Чамьян) – Пока не осушишь свой чайник, не покачаешь его, разве чашку выпустишь из рук? (смысл: Пока чайник свой не осушишь ... чашку из рук не выпустишь).

Частицы делаан/ленаан (букв. 'скажи-ка'), але выражают модальное значение уверения или подтверждения достоверности действия (события), рассчитанной на подтверждение слушающим достоверности высказывания: Сестерниц аразындан бодалды тып, ону билип алыр чутула ленаан (О.Саган-оол) – В словах найти смысл и понять его важно, так ведь?: Үймээнчилер дугайында дыка-ла чугаасоот чоруп турар-лыр але (О.Саган-оол) – О мятеж-

никах всякие слухи ходят, ведь так?

Перечисленные нами частицы употребляются в сочетании с теми временными формами индикатива, которые способны выступать также в атрибутивной функции.

Кроме того, есть частицы, которые сочетаются только с отдельными формами индикатива и вместе с ними употребляются в функции сказуемого. Так, в сочетании с прошедшим на -ган выступают частицы кай и чүйүк/чүк (<чүү ийик), образуя сказуемые с модальным значением категорической достоверности высказываемого.

Частица кай присоединяется к форме на -ган от любого глагола, снабженной аффиксом принадлежности: Кадайы бир хүн ишкен чеминиң, өртээ чедир ажыл кылбас болза, дораан чанлырыштар үлүс лээни кай (С.Сарыг-оол) – Говорят же, что у этих людей, если жена не сделает работу, компенсирующую цену съеденного за день, то (ее) сразу прогоняют; Узун-Эмчи шору тывалаптар апарган чорааны кай! – диштилер (С.Сарыг-оол) – Узун-Эмчи ведь научился неплохо говорить по-тувински, – сказали они; Кайгородов ирейге бодумун, оон-даа улуг, симменталь уксаалыг шарыжымны айтып, (молдурганн) дүүүн түргүзүп бергенимтай (Д.Сарыкай) – Я ведь отдал старику Кайгородову своего очень крупного бычка симментальской породы взамен (его теленка); ... Ам канчаар, күрүне-ниң, доктаадып каан өртээ ындыг болганда, маргыжар эвес, (тоорукту) ынчаар дужаалканымтай (Д.Сарыкай) – ... Что теперь поделаешь, если государством установленная цена такая, не спорить же, (поэтому) я ведь сдал (кедровые орехи) по их цене.

Частица чүйүк/чүк сочетается только с глаголами тур- 'стоять', 'жить', 'пребывать', 'быть', чор- 'ходить', 'бывать', 'быть', олур- 'сидеть', 'жить', 'находиться', чят- 'лежать', 'находиться', 'быть' в их служебном и самостоятельном употреблении: А-а богда! Чугаалап орган чүйүк мен. Оон, кужурум? (О.Сарыг-оол) – О боже! Я ведь говорю. Но потом что, милый?; Каргыс шагнын, сарыг шажыннын, үвүр-савырын кым алыр боорул. Чеди бурганы башкылар өрээлинде турган чүк (М.Кенин-Лопсан) – Кто же возьмет утварь желтой религии реакционного времени. Семь бурханов его стоят ведь в учительской; Мээң, бажыңм ырак эвес, мян доо кестүп турганчак (В.Монгуш) – Мой дом находится недалеко, вон там виднеется же.

Судя по таким сказуемым, как тургузун бергенинтай, кес-түд турганчык, сочетания частиц кай и чүйүк/чүк с формой =ган начинают осознаваться носителями языка, в частности писателями, как единые формы. Интересно то, что сочетание =ган чүйүк/чүк (=ганчык) выражает не прошедшее, а настоящее время, хотя в основе его лежит прошедшее на =ган.

Что касается тех форм индикатива, которые функционируют только как финитные, возможности их сочетаемости с модальными частицами достоверности весьма ограничены. Это объясняется, видимо, своеобразием их семантики.

Сочетается с формами прошедших времен на =ды и на =чык и усиливает категоричность (неоспоримость) выражаемого ими действия (события) частица чоп: Билбес-даа чүве дег. Дүүн маңаа кежээ дургу хөөрештиңер чоп (С.Пюрбю) – Как будто не знает. Ведь вы вчера (с ним) здесь целый вечер оживленно разговаривали; Шагда сени Кызыл-Бөрттүг деп адаан киж ынча джик чоп (К.Кудажы) – Ведь так сказал тот человек, который когда-то называл тебя Кызыл-Бөрттүг.

С прошедшим на =ды и настоящим на =нп түр (чыпыр, чор, олур) может сочетаться частица эвес бе/эвеспе, которая в данном случае усиливает достоверность действия тем, что сосредоточивает внимание собеседника на обозначаемом глаголом действии: Чыттыгсут булгүртүрүнүң мурнунда (урут) бажымны база каттап эдээн үр дыралы эвеспе (В.Монгуш) – Перед тем как освежить одеколоном, (девушка) вот еще раз довольно долго причесывала мои волосы; Дыка сугтур чаьс чаап түр эвеспе – Вот идет довольно сильный дождь.

Из временных форм индикатива, видимо, не сочетаются ни с какими модальными частицами настоящее заглазное на =а-пыр и прошедшее на =нп-тыр. Во всяком случае в нашей картотеке нет примеров, иллюстрирующих употребление их с какими-либо частицами, может быть, потому, что в самих этих формах уже присутствует частица (хотя и явно глагольного происхождения) =пыр, =тыр.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М., 1961. – С.364.

2. Здесь подразумевается любая форма индикатива независимо от того, образуемая она от простой основы или сложной. Так, формы прошедшего времени ожиээн '(он) написал' и настоящего времени ожиңи түр '(он) пишет' обе выступают как цельные формы индикатива с единым значением.

3. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – С.545.

4. Черемисина М.И., Тыбыкова А.Т. О модальных формах сказуемых алтайского языка // Компоненты предложения (на материалах языков разных систем). – Новосибирск, 1988. – С.17–18.

5. Монгуш Д.А. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. – Кызыл, 1963. – С.45, 137.

6. Исхаков Ф.Г., Пальбах А.А. Грамматика тувинского ..., с. 376.

7. Там же, с. 377.

8. Черемисина М.И., Тыбыкова А.Т. О модальных формах ..., с. 17.

9. Ср.: Сат Ш.Ч. Амгы тыва литературлуг дыл. – Кызыл, 1980. – С.193, 198, где прошедшее на =нп-тыр и настоящее на =а-пыр названы барымтаалыг эрткен үе (мотивированное прошедшее время) и барымтаалыг амты үе (мотивированное настоящее время).

10. О модальных функциях и об употреблении слов кижи, улус в качестве показателей логического субъекта в предложении см.: Монгуш Д.А. О служебных функциях слов кижи, улус и чүве в тувинском языке // Тюркские языки Сибири. – Новосибирск, 1983. – С.12–26.

11. Там же, с.28–31.

МОДЕЛИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Понятие модели (структурной схемы) предложения стало одним из центральных понятий современного синтаксиса¹. Регистрация моделей простого предложения позволяет ясно увидеть круг изучаемых явлений, поскольку "выявить конечный инвентарь моделей предложения соответствующего языка значит дать синтаксису такое же ясное понимание его структурных единиц, их типов и сферы функционирования каждой из них, каким давно располагает морфология..."². Теория моделей простого предложения актуальна и в свете проблем современной лингводидактики.

Несмотря на то, что модельно-синтаксические исследования распространяются все шире, само понятие модели предложения еще не получило единого понимания³. Одни исследователи, стремясь задать конечным списком все модели языка, под моделью (структурной схемой) понимают предикативный минимум предложения, рассматривая главные члены как моделиобразующие элементы⁴. Другие ученые понимают модель предложения как "закономерную связь постоянных элементов предложения"⁵. Согласно этому взгляду, "модель предложения есть остаток после вычета из предложения его переменных или индивидуальных элементов как со стороны звучания, так и со стороны конкретного значения"⁶. "Изучение предложений по их постоянным признакам, приводящее к установлению моделей предложений, классов моделей, вариантов и инвариантов моделей предложений, упорядоченных рядов предложений, составляет один из самостоятельных разделов синтаксиса, исследующего систему языка", — пишет Т.П.Ломтев⁷. Обращаясь к формальной стороне предложения, модель предложения определяют и как отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения⁸. Г.А.Золотова рассматривает модель как минимально достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм, образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением⁹. Модель, по мнению исследователя, — это живой образец, готовый к употреблению и наблюдаемый в употреблении, но взятый в существенном (в его предикативном минимуме) и в типическом,

т.е. в аналогическом ряду, образованном моделями, состоящими из синтаксических форм того же типа и выражающими то же типовое значение¹⁰. Т.о., модели в этой интерпретации предстают как минимизированная структура предложений-фраз.

Учитывая формальный и функционально-коммуникативный подходы, модель простого предложения можно представить себе как своеобразное отвлеченное орудие-образец для порождения конкретных фраз в процессе речетворчества. При коммуникации говорящий непосредственно не обращается к моделям (отвлеченным образцам). Фразы и реплики, актуализируя модели, идут как бы минуя их. Поэтому проследить путь от модели к фразе труднее, чем возвести последнюю к определенной модели. Однако при изучении синтаксического строя языка необходимо исследовать тот конечный круг абстрактных образцов-форм, по которым отличается бесконечное множество фраз. Таким образом, модели как структурный минимум предложений, их каркас, прежде всего устанавливаются самим исследователем с той или иной точностью приближения к языковым единицам. Этот процесс протекает путем элиминации "производных", информативно необязательных компонентов фраз до установления его смыслового и структурного минимума, до "воспроизводимых говорящим элементов"¹¹. Имея перед собой цель систематически исследовать структуру и семантику предложения, можно построить изучение моделей простого предложения в два этапа. Сначала фиксируются и осмысливаются самые элементарные, ядерные, самые "броские" модели (не обязательно формально-грамматические образцы, совпадающие с предикативным узлом), затем, с учетом смысловой структуры и при дальнейшей конкретизации формул структурных схем, модели доводятся до закрытого списка.

В данной статье изучаются элементарные структурные схемы простого предложения в уйгурском языке. Это модели, в основном отражающие субъектно-предикатную структуру предложения. В отдельные из них введены информативно облигаторные компоненты, например, позиция дополнения при прямопереходном глаголе-сказуемом.

Как отмечалось выше, мы рассматриваем модель и с точки зрения формальной устроенности простого предложения, и с коммуникативно-функциональной стороны — как средства, орудия по-

рождения конкретных фраз в потоке речи. По конечному числу моделей конструируется множество фраз-предложений, строится цельный текст. Согласно такому взгляду, модели могут записываться в виде символических формул. При записи формул моделей используются следующие символы и сокращения: *N* – имя; *Adj* – имя прилагательное; *Adv* – наречие; *Num* – имя числительное; *Pron* – местоимение; *Mod* – модальное слово; *Np* – имя с послелогом (служебным словом); *N₁, N₂, N₃, N₄, N₅, N₆* – падежные формы имени или местоимения; *V_f* – финитная форма глагола; *V_{pass}* – финитная форма глагола в страдательном залоге; *V_f φ* – нулевая форма сказуемого в финитной форме; *V_f imp* – финитная форма глагола как императив; *T_v* – основа глагола; *T_vca* – инфинитная форма глагола на =са; *T_vgili* – инфинитная форма глагола (причастие) на =гили; *T_vишка* – инфинитная форма глагола на =ишка (имя действия на =иш в форме дательного падежа); *V_{f3}* – финитный глагол в 3 лице; *Бар/Йок* – лексемы *бар* и *йок*.

Знак (-) обозначает синтаксическую связь между элементами моделей. Лексические элементы моделей и отдельные морфологические показатели (в единстве со служебными словами) даются непосредственно. В круглые скобки помещаются связочные элементы. В круглые "прерывистые" скобки заключаются факультативные компоненты моделей.

Модели простого предложения в уйгурском языке можно сгруппировать в несколько блоков. Это блок моделей двусоставных предложений, блок моделей односоставных предложений, фразеологизированные модели. Блок моделей двусоставных предложений распадается на две подгруппы: модели с именным сказуемым и модели с глагольным сказуемым.

Размеры статьи не позволяют описать каждую из выделенных моделей простого предложения в уйгурском языке. Поэтому мы охарактеризуем отдельные блоки моделей и подклассы внутри них.

Внутри каждого блока моделей можно выделить его ядро – центральные модели. На первых порах при этом можно руководствоваться понятием продуктивности моделей. Продуктивность модели проявляется в количестве и разнообразии лексики, с большей или меньшей регулярностью заполняющей ее, в частоте ее

употребления в разнообразных текстах. Продуктивность модели является производной от ее семантических возможностей – чем они шире, тем продуктивнее модель и наоборот¹² (понятие продуктивности модели при всей его кажущейся зыбкости обещает многое дать и для лингводидактики, а также при составлении учебников и учебных комплексов). Ниже мы остановимся на продуктивных моделях простого предложения в уйгурском языке.

Модели с именным сказуемым. К числу продуктивных среди них принадлежит модель *N₁·N₂*. Например: *Шуңа дәрәх асти аршаң, бойиңа әң ават жай* (Ч.194) – Поэтому место под деревом самое благодатное место во всем оазисе. *Плансиз иш – келипсиз хиш* (М) – Бесплановая работа – бесформенный кирпич. *Ана бәхти – бала* (М) – Счастье матери – ребенок. *Саламәтлик – чоң байлиқ* (М) – Здоровье – большое богатство. *Тил – жүрәкниң әлчиси* (М) – Язык – посланник сердца. *Порук өз өйидиму мейман* (М) – Лентяй и в своем доме гость. *Яхши сөз көңүл озуғи* (М) – Хорошее слово – пища души. *Ейтқан сөз – атқан оқ* (М) – Сказанное слово – пущенная стрела.

Один или же оба компонента модели могут замещаться именами действия: *Әң, муһими – оқуғучиларниң, муһтәккил ишини уюштуруп, оқутушни активлаштуруп* ("КТ") – Самое важное – организовать самостоятельную работу учащихся и активизировать обучение. *Мал бәрмәкжән бәрмәк* (М) – Отдать добро – отдать душу. *Мутәхәссис болуш – йеңиңа ишләшни билиш* ("КТ") – Быть специалистом – уметь работать по-новому. Компоненты модели могут разворачиваться до предикативной единицы или же конденсироваться до местоимения: *Униң маңа тикилип дәсләп қаригиниму, бәлким, шу* (КТ НМ 386) – То, что он сначала пристально смотрел на меня, это, наверное, и есть. Здесь первый компонент замещается подлежащей зависимой предикативной единицей, а позиция второго компонента – местоимением *шу*. Граница между ними сигнализирована вводным словом *бәлким*, которое в данном случае близко к актуализаторам типа *барғу, дегән*, дающим предпряматическую паузу и линию коммуникативного вопораздела высказывания.

Второй компонент модели в 3 лице может оформляться афигированной связкой *=дур*: *Октябрь теңлиқ вә достлуқ туғидур* ("КТ") – Октябрь – знамя мира и дружбы. *Қәттийлик ираписи күч-*

лукләрға хас хисләттүр ("КТ") – Твердость – свойство людей с сильной волей. Такие фразы в основном встречаются в текстах газетно-публицистического жанра.

Модель может иметь речевые реализации со связками у, бу, айна шу, дегән сөз: Аммиға саясий рәһбәрлик қилиш – у пән вә сәнәт ("КТ") – Осуществлять политическое руководство массами – это наука и искусство. Аяллар дунияси – у бир сирлиқ, тилсимат (ЗС М 14) – Мир женщин – это волшебная тайна. Тор-мозлиниш – бу организмниң һимайә қилишқа лайиқлишиниң, бир-дур (А 219) – Торможение – это одно из приспособлений организма к защите. Ғәрәзлик мәнпийәт, пайда – улар әмәл қилидиган бирдин бир қайда айна шу ("КТ") – Личный интерес, польза – вот правило, которым они руководствуются.

Модель $\mathcal{N}_1 \leftrightarrow Adj/Adv$ (болмақ, – кәлмақ). Примеры: Вақит алди-рәңгу (Л. Мутәллип) – Время – торопливое. Шапиниң оң, пути сол путидин сәл қисқа еди (ЗС ЖС 317) – Правая нога Шапи была немножко короче левой. Униң үстигә һәр қураллиқ (ЗС ЖС 326) – К тому же оба они вооружены. Сениң бурнуңзә, Розика, иштнинкидинму сәзгүрә! (ЗС ЖС 304) – Твой нос, Роза-ака, чувствительнее, чем у собаки. Әйни әһвал тамамән башқиңа болди (ҺА ТӘ – I 471) – Настоящее положение дел было совсем другим. Йол на-чар (КТ ҺМ 397) – Дорога плохая. Тили узунниң, әмри қисқа (М) – У имеющего длинный язык жизнь коротка. Өзәмчил аңәм териккәк болиду (М) – Себялюбивый человек раздражителен. Мән – мәнчиниң, тили узун (М) – У хвастуна язык длинный. Порунға һойли-дики сума жирақ (М) – Для лентяя и во дворе вода – это далеко.

Субституентами второго компонента модели могут быть имена прилагательные, наречия (см. примеры выше), местоимения, сравнительные именные и глагольно-инфинитивные конструкции, имена со значением принадлежности на -нинки: Әй – мана мошу (КТ ҺМ 383) – Дом – вот этот. Пәлиму шундақмән (ҺА ТӘ – I 383) – И сейчас я такой. Башқа уруқ, – туққан, достларниңму пикири шундақ еди ("КТ") – И мнение других родственников и друзей было таким же. Кейинки вақитларда һәммә иш тепишмақтәк болу-ватидуғу таң (ЗС ЖС 376) – В последнее время все становится подобным загадке. Жигирмә бәш жил вақит чүштә көргәнәкәла ("КТ") – Двадцать пять лет времени – как будто во сне.

Второй компонент модели может оформляться аффигированным показателем 3 лица =дур: Пәришандур һалим мениң (Л. Мутәллип) – Возволнованно мое состояние. Жүрәкниң қисқириси ритмиқлүтүр (А 77) – Сокращение сердца ритмическое. При расширении второго компонента модели (Adj/Adv) =дур крепится к конечному из однородных членов: Буниңда кәспий иттипақларниң роли на-һайити чоң вә җавапкерлиқлүтүр ("КТ") – Здесь роль профсоюзов очень велика и ответственна.

Модель $\mathcal{N}_1 \leftrightarrow Bar//Йоқ$. Модель с лексемами Бар и Йоқ, очень продуктивна в современном уйгурском литературном языке. Примеры: Иҗадим – шеирлиримниң из тамғиси бар, Алдимдин кечип өткән һәр жил бойнида (Л. Мутәллип) – Есть знаки следов моего творчества на теле каждого из бегущих впереди годов. Ериқтики суниң қәдри Йоқ (М) – Воде в канале не придается значения. Дәрияниң у йеқидә Йусуп дегән бир дәрәх кесиш ишчиси бар еди (Н 2) – На той стороне реки жил рабочий Юсуф. Еши Йоқниң, иши Йоқ (М) – У кого нет пищи, у того нет работы. В диалогических единствах, особенно вопросо-ответного характера, в речевых реализациях модели обычно представлен лишь второй компонент: – Немә, биз чекинишимиз мумкин дегән гуман барму? – Йоқ ("КТ") – А что, есть подозрения, что мы можем отступить? – Нет.

Модели с глагольным сказуемым. Ядром подкласса моделей двусоставных предложений с глагольным сказуемым является модель $\mathcal{N}_1 \leftrightarrow V_2$. Примеры: Ғайип дәрһал чүшәнди (ЗС ЖС 297) – Ғайип вдруг понял. Ишик аста тикилди (ЗС ЖС 291) – В дверь тихо постучали (букв. Дверь тихо "постучала"). Җаңғал башланди (КТ ҺМ 384) – Скандал начался. Қиз келиватиду (Ч 191) – Девушка идет. Бирләмдин кейин, Йусуп кәлди (Н 48) – Через некоторое время пришел Юсуф. Ғиза үстидә, еғир җим – җитлиқ, һекүм сүрди (ҺА – I 334) – За едой царило тяжелое молчание.

Модель допускает расширение и усложнение своих компонентов – ($\mathcal{N}_1$): Бийил март ейида училище бойиңа аштәзләрниң конкурси өткүзүлди ("КТ") – В этом году в марте в училище был проведен конкурс поваров. Етишиш, вақираш, қавашлар теһиму йеқинлашти (ҺА ТӘ–I 179) – Перестрелка, лай, крики стали еще ближе. Иннаму, мәнму узақ җим туруп қалдуқ (ҺА ТӘ–I 433) – И Инна, и я надолго замолчали. Билмәсниң билиги ағримас (М) – У незнайки локоть не заболит.

Расширение и усложнение второго компонента модели (V_f):
 Мәзкур тил бойичә нурғунлиған илмий мақалилар, китаплар, дә-
 рисликлар нәшир қилинған вә қилинмақта ("КТ") – По этому язы-
 ку издавались и издаются много научных статей, книг и учеб-
 ных пособий. Маңа униң (Жухазиниң) авазиму напайити сәмимий
 вә ғәмкин туюлди (ҺА ТЭ–І 329) – Мне и голос ее (Джухазы) по-
 казался искренним и грустным. У (Алик), немишкиду, сәл пәри-
 шан, һәтта ғәмкиндек көрунди (ҺА ТЭ–І 431) – Он (Алик), поче-
 му–то, показался немного взволнованным, даже грустным. Гулам
 езини қачурушқа үлгүрмәй дәрәхниң астида қалди (Н 61) – Гулам,
 не успев посторониться, остался под деревом. Илмий хадимлар
 бу җайни қадимий янар тағниң өчкән еғизи дәп қарайду (Ч 194)
 – Научные работники рассматривают это место как потухший кра-
 тер древнего вулкана. Бибинур Гөһәрәм аниниң төртинчи келини
 болуп чүшти ("КТ") – Бибинур стала четвертой невесткой тетуш-
 ки Гаухар. Иккинлар бир бийинин әмчиги охшаш қалисиләр (ҺА
 ТЭ–І 171) – Вы оба останетесь одни-одинешеньки, как грудь од-
 ной кобылицы.

Модели односоставных предложений. Среди моделей односостав-
 ных предложений в качестве продуктивной для уйгурского язы-
 ка можно назвать модель V_{f3} (ср.: IO, с. 364–365): Шамәнсүрни
 Қәшқәргә икки қетим тәклип қилишти (ЗС ЖС 346) – Шамансура
 приглашали в Кашгар дважды.

Модели предложений фразеологизированной структуры.
 Модели предложений фразеологизированной структуры, свойствен-
 ные прежде всего разговорной речи (языку), могут быть пред-
 ставлены моделью N_1 дегән N_1 . Примеры: Көпчилик дегән көп-
 чилик (ҺА ТЭ–І 175) – Народ есть народ. Бала дегән бала ("КТ")
 – Ребенок есть ребенок.

Представим теперь основные модели простого предложения
 в современном уйгурском языке в форме иллюстрированного спис-
 ка

№	Формула модели	Примеры
1	2	3
I Блок моделей двусоставных предложений с именным сказуемым		

1	2	3
I. $N_1 \leftrightarrow N_1$		Густәм учун ана жутниң шу хил иллик ме- һри, һәқиқәтәнму, зор мәдәт, әлвәттә (ҺА ТЭ–І 160)
2. $N_1 \leftrightarrow Adj/Adv$ (болмақ)		Немишкиду, Пәхирдин хапа еди (ҺА ТЭ–І 168) Бу хил балилиримиз интайин аз (ЗС ЖС 339)
3. $N_1 \leftrightarrow Bar/\Pi oq$		Ғайипниң, пәптиридики қара тизимларниң, ичидә Заманниңму исми бар еди (ЗС ЖС 366) Шамәнсур башлиқ, бир нәччә Әсқәр башлиқ- лири җәңчиләр ичидә йоқ, еди (ЗС ЖС 369)
4. $N_1 - N_3 - Adj/Adv$		Мәшимин, Махосән, силәр җәңгивар тәйярли- қни тәзлитиккә мәсәул (ЗС ЖС 289)
5. $N_1 - N_5 - Adj/Adv$		Яшларниң, йезида қелишида егилик йетәкчи- лириниң, роли зор ("КТ")
6. $N_1 - N_6 - Adj/Adv$		Биз һәммидин бехәвәрғу (КТ ҺМ 387)
7. $N_1 - N_p - Adj/Adv$		Шуниң, үчүн уйғурлар этноними тәбийй һал- да дөләтниң, барлиқ, аһалисигә нисбәтән, түркий тиллиқ, вә шунпақла иран тиллиқ, аһалигиму нисбәтән тәзллуқ, болди ("КТ")
8. $N_1 \leftrightarrow N_2$ (болмақ)		Бу су – җәңчиләрниң, (ЗС ЖС 363)
9. $N_1 - Num - N_{quant}$		У кирик, яшта ("КТ")
10. $N_1 \leftrightarrow Num$		Әнди улар 55 миллионғу ("КТ")
11. $N_{12} \leftrightarrow Mod$		Һеч нәрсиниң, кериги йоқ, (КТ М 385) Һеч нәрсә керәк әмәс
12. $N_1 \leftrightarrow N_3$		Һәрикәттә – бәрикәт (М) Қизниң, көзи қи- зилда (М)
13. $N_1 \leftrightarrow N_6$		Лекин мән езинила яхши көридиған өз хаһи- шинила издигәнләрдин әмәс (А ТЭ–І 425)
14. $N_1 \leftrightarrow N_p$		Уларниң, һәммиси бир-бирсигә бағлиқ, (ҺА ТЭ–І 215)

II Модели двусоставных предложений с глагольным сказуемым

15. $N_1 \leftrightarrow V_f$	Шеирим юлғуз болуп янар алдимда (Л. Мутәл- лип) Әнди пәхәсрәк болармән (ЗС ЖС 334)
16. $N_1 - N_{14} - V_f$	Кәнттики кишилар, худди байрам күнидәк, уларни қизғин күтүвалди (Н 41)

1	2	3
17. $N_1 - N_c - V_f$	Көчкурунлиги кичкәрған ғораздин қорқ (М)	
18. $N_1 - N_s - V_f$	Мән Розахун атлиқ сазәндә ағинәм билән бир һожириға жайлаштуқ (ҺА ТЭ-І 330)	
19. $N_1 - N_p - V_f$	Йүсүп қуруқ қол үч лүкчәк билән кәскин елишти (Н 86)	
20. $N_1 \rightarrow V_{f,imp}$	Мәдәнийәт оқақлириға пиққәт бәдун-сун ("КТ")	
21. $N_1 \rightarrow V_{f,pass}$	Лала вә ақкәнул йуртдашларниң ярли-ми билән бичарә Ғулам Йәрликкә қо-қлиди (Н 67)	

Модели односоставных предложений

22. $V_f - (N_1 \text{ (киши, адәм балиси)})$	Қачанла болса шу Заманниң, содайиға қалди киши (ЗС ЖС 325)	
23. $V_{f,3}$	Шамәнсүрни Қашқарға икки қетим тәк-лип қилишти (ЗС ЖС 346)	
24. N_1	Һейтқа мөйданида сәнжак тизилған әскәрләр (ЗС ЖС 335) Гүл-баһар пәс-ли еди (ҺА ТЭ-І 160)	
25. $(N_1; N (Q_dj // Q_d/v))$	Маңа әнди бәри бир (ҺА ТЭ-І 217) Көңүллүк болуп кәтти Патимә һадәм-гә ("КТ")	
26. $V_{f,imp}$	Төвәнгә қаралсун. Рухсәтсиз кирил-мисун	

Модели фразеологизированной структуры

27. $N_1 \rightarrow T_v \text{ са болғини} // \text{болди}$	Емтиһандин өтүп кәтсамла болди ("КТ")	
28. $N_1 \text{ дегән } N_1$	Көпчилик дегән көпчилик (ҺА ТЭ-І 175)	
29. $N_1 (T_n //) \rightarrow T_n \text{ дәкла}$	Китави - китаптәкла. Сөзүм - сөз	

Настоящая статья является первой попыткой модельного под-хода к описанию простого предложения в уйгурском языке. До сих пор синтаксис уйгурского простого предложения изучался в тра-диционном плане, в терминах "типов предложений"¹³. Поэтому за-трагиваемые здесь вопросы в основном носят постановочный ха-

ракти и ждут своего решения наряду с многими другими зада-чами исследования парадигматики и семантики простого предло-жения, являющегося сложным языковым знаком¹⁴.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Золотова Р.А. Очерк функционального синтаксиса рус-ского языка. - М., 1973. - С. 124.
2. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. - М., 1977. - С. 23.
3. Ср. об этом: Белошапкина В.А. Современный ..., С. 101; Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. - М., 1982. - С. 24.
4. Русская грамматика. - М., 1987. - С. 85.
5. Ломтев Т.П. О некоторых вопросах структуры предложе-ния// Русское и общее языкознание. - М., 1976. - С. 145.
6. Ломтев Т.П. О некоторых вопросах ..., С. 146.
7. Ломтев Т.П. О некоторых вопросах ..., С. 157.
8. Белошапкина В.А. Современный ..., С. 101.
9. Золотова Р.А. Очерк ..., С. 124.
10. Золотова Р.А. Очерк ..., С. 125.
11. Белошапкина В.А. Современный ..., С. 100.
12. Шмелева Т.В. Продуктивность и семантика структурной схемы (на материале простого предложения)// Проблемы учеб-ника русского языка как иностранного. Синтаксис. - М., 1980. - С. 235.
13. Ср.: Семятов И.А. Второстепенные члены предложения в уйгурском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Алма-Ата, 1972; Пазирқ и заман уйғур тили. П-қ исми, Алмута, 1966.
14. Ахматов Н.С. Структурно-семантические модели просто-го предложения в современном карачаево-балкарском языке (ос-новные вопросы теории). - Нальчик, 1983.

У ТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

А
ЗС ЖС
ЗС М

- Адәм. Алмута, 1979.
- З.Сәмәдий. Жиллар сири. Алмута, 1985.
- З.Сәмәдий. Майимқан. Алмута, 1984.

- "КТ" - газета "Коммунизм туғи"
- ҚТ пМ - Қ.Тохтөмов. паятка муһаббат. Алмута, 1981.
- М - Мақал (Пословица)
- Н - Нури. Урумчи, 1984.
- Ч - "Чолпан" - Литературный альманах. Урумчи, 1987, № 2.
- пА ТЭ-I - П.Абдуллин. Талланган өсөмдөр. т. I, Алмута, 1983.

В.Н.Соловар

МОДЕЛИ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА С ДВУХМЕСТНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ

Эта статья продолжает собою описание структурно-семантической организации простого предложения хантыйского языка, начатое автором в работе, где были представлены минимальные модели - с нуль-местными и одноместными предикатами.¹ Теперь мы остановимся на простейшем типе расширенных моделей, в понимании которых мы опираемся на В.А.Белошапкову². В представлении этих моделей мы будем следовать валентным свойствам глагола, замещающего позицию предиката, его семантике и типу спряжения. Валентность предиката определяется количеством и качеством открываемых им "мест", число которых не так велико. Сейчас мы рассмотрим основные двухместные модели предложений. В модель мы включаем предикатный узел, дополнения с субъектным и с различными объектными значениями, а также обязательные пространственные распространители предиката, оценки которых в терминах членов предложений неоднозначны.

Каждая лексико-семантическая группа, выделяемая на основе валентных свойств предиката, предполагает в хантыйском языке определенные формы спряжения глагола. Как известно, в хантыйском имеется три типа спряжения, из которых наиболее последовательно с синтаксической точки зрения противостоят друг другу, с одной стороны, субъектное и объектное, с другой стороны, пассивное.

Двухместные предложения формируются предикатом и двумя обязательными именными членами. Позицию предиката могут занимать двухвалентные глаголы разных лексико-семантических групп, которые могут употребляться в данной модели либо только в пассивном, либо в двух типах спряжения - субъектном и объектном. Обобщенно класс моделей, которые будут рассмотрены в этой статье, можно представить формулой $\mathcal{N}_1^i \mathcal{N}_2 \leftarrow V_j$, где $\mathcal{N}$ - актанта, т.е. имя или его эквивалент, $\mathcal{N}_1^i$ - подлежащее, $\mathcal{N}_2$ - второй актанта (в той или иной форме), $\leftarrow$ - координирующая связь, $\leftarrow$ - подчинение, управление³. Перейдем к анализу материала.

$$1) \quad \boxed{N_1^s \quad N_{1/4} \leftarrow V_f^{s-o}}$$

Модель, которая должна быть рассмотрена первой, как самая частотная, — это модель с прямым дополнением. Оно обозначается символом $N_{1/4}$. Будучи выражено именем существительным, прямое дополнение выступает без падежного показателя, так как существительные не имеют формы винительного падежа. Если же в этой роли выступают личные местоимения, то они оформляются показателями винительного падежа, и в этом случае предикат употребляется в объектном спряжении. Предикатами в данной модели являются переходные глаголы, которые могут употребляться в субъектном, но чаще в объектном спряжении. Например, субъектное спряжение: Ма ухам русьтсум — Я сделала кисти платка; Инем пасад пуныйд — Жена=моя дымокур разводит; объектное спряжение: Дув ма пантэм кутьдадэ — Он мой след следит; Ма наңты вэдэм — Я тебя знаю; Унем манты крэмасдэ — Сестра меня забыла; Дэйнем мухсаңад шаритдадэ — Подруга муксуна=своего (=ее) жарит; Яум вуэдэ хурсадэ — Брат оленя=своего (=его) зарезал (букв. снял шкуру); Дув велпасдаты тахет вэдэ — Он знает места промысла.

Переходные глаголы хантыйского языка семантически весьма разнообразны. В класс, который мы рассматриваем сейчас, входят лишь те из них, которые не требуют еще одного дополнения. Это, например:

а) глаголы созидательного и разрушительного действия: Ма хот омасдум — Я дом строю; Упен ай нянь пад — Сестра лепешки печет; Асен холуп омасд — Отец ставит сети; Дэхсэн хопём шука-тас — Друг=твой лодку=мою сломал; Сясем сэңанвей тыйд — Бабушка носки вяжет;

б) глаголы со значением частичного изменения объекта: Имен нухи эватд — Тетя мясо режет; Наң ишнен дохитдан — Ты окно моешь; Асен мевтыдад судытдадэ — Отец язя солит; Икидан пэн омасдат — Мужья ловушку для рыбы ставят;

в) глаголы приема пищи: Амтем нянь дэд — Собака ест хлеб; Си икен дувшукат шалисалэ — Тот мужчина косточки обсосал; Эвем эсум шепад — Дочь=моя грудь сосет;

г) глаголы восприятия: Ма ар хэдантдум — Я песню слушаю; Катен пушахдад вантдадэ — Кошка смотрит котят; Амтем мудсар вой муттас — Собака какого-то зверя почуяла;

д) особо нужно выделить глаголы движения: Ин дапат менх хэриды вэдтэд сахат дув дунемасдэ (фолькл.) — В тот момент как семь духов жили, не опасаясь, он застал их (букв.: вошел=их, — объектное спряжение делает этот глагол переходным).

Определенные семантические классы глаголов в данной модели употребляются только в субъектном спряжении: это глаголы состояния, бытия, некоторые глаголы частичного изменения объекта и глагол движения манты 'позволять идти', а также переходные глаголы: марнады 'спать с жадностью', етшуптаты 'окончить', вашумты 'скрести, строгать (стружку)', суйды 'оттаивать воду, мясо' (тотем.), например: Аньхем йинд суялд — Невестка воду оттаивает; Ма шиваң, аң шив хэң мантдум (фолькл.) — Я не жду, когда пар рассеется (букв.: Я паром обладающей чашки пару не позволяю идти); Аңхем вэтлуп вашумд — Мать=моя стружку строгает; Ма одум марнаддум — Я сон сплю; Йиваң, холдуп, асаң холдуп дув холдад — Отцовский плач, материнский плач он плачет (фолькл.); Асем хув напат вэс — Отец=мой долгую жизнь жил. В последнем примере предикат может быть и в объектном спряжении.

Глаголы йитши 'наносить орнамент на бересту', нух верумты 'смочь поднять', дуннады 'манить' в субъектном спряжении употребляются очень редко, в данной модели они, в основном, выступают в объектном спряжении. В объектном спряжении употребляются и глаголы движения, например: дунты 'войти', манты 'идти', шатты 'шагать', яңхты 'ходить'. При этом они становятся переходными и имеют при себе прямое дополнение: Дув Ас муват шапа мандадэ — Он земли Оби переходит.

Таким образом, данную модель формируют глаголы как объектного, так и субъектного спряжения. Иногда замена субъектного спряжения глагола на объектное изменяет смысл предложения. Ср.: Муң там школа етшуптас=ув — Мы окончили эту школу (субъектное спряжение) — и: Муң там школа етшуптас=эв — Мы закончили строительство этой школы (объектное спряжение).

$$2) \quad \boxed{N_1^o \quad N_3 \leftarrow V_f^{pass}}$$

В позиции предиката в данной модели употребляются глаголы пассивного спряжения тех же семантических групп, что и в первой модели, исключая глаголы движения, состояния и бытия. Приведем примеры: Сухдам упеман пэссайт — Белье сестрой вы-

стирано; Воньсюмутдам хоти долумсайт - Ягоды=мои кем-то украдены; Нюхасдал, акемн хурсайт - Дядей с соболем шкуры сняты; Усьмардал, досн дап тэсыйт - Хитрости=его снегом занесены. Глагол тэты 'нести' - четырехвалентный, но получив глагольную приставку, он теряет свои валентности и становится двухместным, что и позволяет ему употребляться именно в этой модели. Здесь употребляется также глагол звучания дэйт 'петь, щебетать о птице': Няд, хот сунен кэккэки дэйдэйт - Четыре угла дома кукушкой будут спеты (фразеол.), - в этом случае он становится переходным и двухвалентным. В этой же модели употребляется глагол миантты 'даваться', а глагол тарумты 'хватать' всегда употребляется только в пассивном спряжении: Пухад, вухант тарумда - Сыну не хватает денег.

В данной схеме предикат требует косвенного дополнения, которое представляет агенса. Он может быть выражен именами людей, животных или явлений природы (течение, холод, метель, снег и др.), а также названиями некоторых процессов, состояний. Например: Хопем увн нопатда - Лодка=моя течением уносится; Лув паланн ведса - Он убит громом; Хотэм тутн дэсы - Дом=мой огнем сожжен; Ма дыкн кхатсаюм - Я злобой посещен; Айлэңкен одумн кхатса - Малыш сном посещен.

Позиция пациенса замещается любыми именами, например: Там кх няврэматн маритса - Дерево это детьми сломано; Кеплэмаңкемн тандда - Шкура лапы матерью моется; Нянем 'упемн пундшасы - Хлеб сестрой выпечен. В моделях (1) и (2) пассивный участник ситуации может быть выражен именем существительным в посессивном оформлении. Но значение посессивных аффиксов в этих моделях различно, оно определяется типом спряжения (пассивное ↔ субъектное/объектное). Поясним сказанное на примере: Уп=ем ернас=д, ёнтсале - Сестра=моя платье=свое сшила - и: Ернас=д, уп=ем=н ентса - Платье=ее сестрой=моей сшито (она его сшила). Как видим, один и тот же аффикс 3-го л. ед. в слове ернасд в первом случае указывает на принадлежность агенсу-подлежащему, а во втором, т.е. в пассивной модели, где ернасд - само подлежащее, этот показатель указывает на принадлежность не агенсу-дополнению, а какому-то иному, заранее известному лицу. Приведем еще примеры: Амдем дэтут=дал, дэслэ - Собака=моя пишу=свою съела; Ампенан дэтут=дал, дэсыйт - Собака=чья-то съедена.

$$3) \quad \boxed{N_3^s \quad N_3^{inst.} \quad \leftarrow \quad V_f^s}$$

В этой модели в роли предиката употребляются глаголы в субъектном спряжении, обозначающие процессы, совершающиеся посредством чего-то. Они не предполагают прямого дополнения, но требуют косвенного дополнения орудийного типа в местно-творительном падеже, отвечающего на вопросы 'посредством чего?', 'чем?'. Таких глаголов выделено пока немного, например: эвтантты 'резаться', шильхематы 'шуршать', довалты 'грести', глагол многократного действия яньсясты 'наглотаться' и др. Например: Няврэмат нэпекан шильхемадат - Дети шуршат бумагой; Новьюхов икен нарсьюхн юнтал - Новьюхов играет на нарсьюхе; Ма йиңкн яньсясум - Я наглотался водой; Аңкем эвелн уркасд - Мать хвастает дочерью.

$$4) \quad \boxed{N_i^s \quad N_i^{ol.azn} \quad \leftarrow \quad V_f^s}$$

В позиции предиката в этой модели выступают глаголы речи: путартты 'говорить', рассказывать', лутты 'говорить, сказать', ариты 'петь', иньсясты 'спросить', глагол мышления нэмасты 'думать', глагол состояния тыштаты 'горевать, вздыхать', например: Аңкем яюм оланн намасд - Мать=моя о брате=моем думает; Вэтшум утдал, оланн лув тыштас - Он вздыхал о потерянных вещах. Если позицию дополнения замещает личное местоимение, то послелог оланн оформляется лично-притяжательными аффиксами, например: Улем ма олң=ем=н путард - Сестра=моя обо мне говорит; Лув ма олң=ем=н арийд - Он поет обо мне; Си нэңен наң олң=ен=ан лупас - Та женщина о тебе сказала.

$$5) \quad \boxed{N_i^s \quad N_i^{ab.azn} \quad \leftarrow \quad V_f^s}$$

В данной схеме позицию предиката занимают глаголы в субъектном спряжении с семантикой отчуждения, отстранения, а также глаголы ихихасьты 'отстать', лутлаты 'освободиться', йира кердаты 'отвернуться', а субъект выражается одушевленным именем существительным. Позицию дополнения замещают имена в сочетании с последелогом эвалд 'от', например: Айдат хот нэмхоят эвалд ант пад - Молодой человек никого не боится; Пухем дэхасдал эвалд кхи хасяс - Сын=мой от друзей отстал; Лыв йин эвалд йира кердасат - Они от брата=твоего отвернулись. В тех случаях, когда дополнение выражено личным местоимением, послелог принимает

лично-притяжательные суффиксы, например: Си хаен ма эвалт=ам=а хэрийд, – Тот мужчина (от) меня остерегается; Воем ма эвалт=ам=а лутдас – Животное от меня высвободилось; Няврэмен дув эвалт=ад=а валы верд, – Ребенок-твой его (от него) чуждается.

$$6) \quad \boxed{N_i^s \quad N_{i, \text{пед}} \leftarrow V_i^s}$$

В данной модели позицию предиката могут занимать глаголы восприятия, физического состояния, речи и некоторые другие. В позиции субъекта должны быть одушевленные имена существительные. Позицию дополнения замещают имена в основном падеже в сочетании с послелогом педа 'к'; если в позиции дополнения находится личное местоимение, то послелог принимает соответствующие лично-притяжательные аффиксы, например: Хулыева Таньда акем педа вантдат – Все смотрят на дядю Данила; Хон ики ма пед=ам=а лыкасис – Царь на меня рассердился; Дув апсел педа няслэмад, – Он гримасничает на брата; Анксясем наң, пед=ан=а хишумтас – Дед на тебя прикрикнул; Ма эвем педа энрасьдум – Я ругаюсь на дочь.

$$7) \quad \boxed{N_i^s \quad N_{i, \text{пид}} \leftarrow V_i^s}$$

Здесь позицию предиката замещают глаголы взаимного действия: воевать, драться, встретиться, согласиться. В позиции субъекта всегда находятся одушевленные имена существительные или личные местоимения. В позиции дополнения – имя в сочетании с послелогом пид 'с', например: Муң вуракат пида дэляссув – Мы с врагами воевали; Дув хайт пида куласьд, – Он с мужчинами дерется; Дыв картаң ёх пида вэйтантийдсат – Они с людьми из деревни встречались. Если позицию дополнения замещает личное местоимение, то за ним следует послелог с лично-притяжательными аффиксами, например: Ма наң, пид=ан=а ант кашасьдум – Я с тобой не соглашусь.

$$8) \quad \boxed{N_i^s \quad Z^{\text{лок}} \leftarrow V_i^s}$$

В данной модели предложения в качестве выразителя предиката выступают глаголы с семантикой сосредоточения (нахождения) глаголы бытия, активного действия в субъектном спряжении. Позиция подлежащего замещается любыми именами существительными. Позиция обстоятельства замещается именами с пространственным значением: это могут быть локальные наречия, например: на́мн

'вверху', идн 'внизу', ка́мн 'на улице' и т.п., имена в местно-творительном падеже, а также имена в сочетании с послелогом в местно-творительном падеже. По нашим подсчетам, послелогов с пространственным значением в местно-творительном падеже около семнадцати. Приведем примеры с именами существительными: Асем юд-н омасд, – Отец сидит дома; Хушапен пасан=ан ул, – Коробка лежит на столе; С послелогом: Хутаң, туран кут=н ханемас – Лебедь спрятался в траве; Ухшамен хашап дыпий=н – Платок лежит в пологе; Амдем ма пуңд,=эм=н дэрийд, – Собака около меня крутится (т.е. находится); с локальными наречиями: Ми-лэн нэ́мн тейид, – Шапка наверху висит.

Если обстоятельство обозначает лицо, живое существо, то за ним должен следовать послелог хуся 'у', например: Яом аң-кем хуся ходас – Брат мой у матери ночевал.

Таким образом, разные формы – имена существительные в местно-творительном падеже, послелог и пространственные наречия – являются носителями одного и того же семантического компонента – локальными конкретизаторами. Такие словоформы и послеложные конструкции, которые в рамках одной и той же схемы выражают одну и ту же семантическую функцию, составляют один субституционный класс необходимых компонентов предложения. Поэтому мы рассматриваем их как варианты и обозначаем в схеме обобщенным символом $Z^{\text{прост}}$.

$$9) \quad \boxed{N_i^s \quad Z^{\text{прост}} \leftarrow V_i^s}$$

Данная модель близка предыдущей: предикат в ней также требует обстоятельства, но не места, а направления. Обстоятельство может быть выражено именем существительным в дательно-направительном падеже, именем существительным или личным местоимением в сочетании с послелогом в дательно-направительном падеже (таких послелогов по нашим подсчетам около двенадцати), а также наречием. Например: Эвие хотхар=а омас – Девочка села на пол; Мин эңхем-А улдудман – Мы ляжем в дупло; Пухем ай пасан эхты=я омас – Сын сел на стул; Няврэмат ампар са=я актасьсат – Дети собрались за сарай; Ампи эхад, хот питар=а ву-дыс – Собачья упряжка у дома остановилась; Ай Мось нэ́ңие тухи дэ́дас – Маленькая женщина Мось туда села (имеется в виду, что села в лодку, на коня и т.п., т.е. на какой-либо вид транспорта); Мояң, нэ́ңен сив омас – Гостя туда села.

В позиции предиката могут находиться глаголы движения, изменения положения, действия в субъектном спряжении, например: вудыты 'остановиться', додыты 'встать', удыты 'лечь' и др. Приведем примеры: Ма кур=а павтасдум – Я пойду пешком (букв.: Я на ноги перейду (по этому ехал)); Ин тэрмал, вотас=а кердас – Погода повернула к метели; Муң, тухдаң, хоп=а юхи хасьсуз – Мы опоздали на самолет; Ма еңк=а эдумсум – Я удержался на льду; Хопев кадтаң=а хойс – Наша лодка к пристани пристала; Дыв юхи ванамасат – Они к дому приблизились; Эвет мирхот=а сонтумасат – Девочки собрались на собрание; Милэн вунши эхтия ихтасас – Шапка повисла на сосне.

Если обстоятельство выражено личным местоимением или одушевленным именем существительным, то оно сочетается с послелогом хуся 'к', который может принимать лично-притяжательные аффиксы. Реже с ним сочетаются неодушевленные имена существительные. Такие примеры встречаются в переводной литературе, например: Симась шэкаң, нумаси станция хуся ванамсум – С такими тяжелыми мыслями приближался я к станции.

К данной схеме относятся также примеры с глаголами особой семантики кашасьты 'согласиться' и дяксаты 'переродиться', например: Ма дувел, ан кашасьдум – Я не соглашусь стать его женой (букв.: Я ему не соглашусь); Ма сясема дяксасум – Я переродилась в бабушку. Для сохранения смысла предложения позицию дополнения необходимо заполнить именами, обозначающими родственников, предков, личными именами (умерших людей).

10)
$$\boxed{N_2^s \quad N_1^o \leftrightarrow \text{мосл}_s}$$

Позицию предиката в данной модели замещает предикат мосл, 'нужно', 'требуется': Наңен йилуп вей мосл – Тебе нужны новые кисы.

11)
$$\boxed{N_1^s \text{ Adv} \leftarrow V_f^s}$$

В позиции предиката выступает, по нашим данным, только глагол нэрыты 'действовать'. Этот глагол обозначает действие с отрицательным оттенком, поэтому в позиции обстоятельства требуется обязательно наречие образа действия: Дув атма нэрыйд – Он плохо действует (поступает).

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соловар В.Н. Семантические группы глагольных сказуемых безактантных и одноактантных предложений в казымском диалекте хантыйского языка // Компоненты предложения (на материале языков разных систем). – Новосибирск, 1988. – С. 82–87.

2. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высш. школа, 1977.

3. Автор использует символику, разработанную в Отделе филологии ИИФФ СО АН СССР; см., например: Предикативное склонение причастий в алтайских языках. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1984; Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1986.

СОБСТВЕННО-РЕФЛЕКСИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Задачей настоящей статьи является анализ конструкций, формируемых собственно-рефлексивными глаголами с залоговым аффиксом =н= (палее СРГ); такие конструкции мы будем называть собственно-рефлексивными (СРК). Так называемые СРГ выделены нами из общего множества глаголов, в морфологическом составе которых имеется аффикс =н=, в силу чего они объединены в общем понятии "глаголы возвратного залога".

Глаголы собственно-возвратного (рефлексивного) значения были выделены В.В.Виноградовым на материале русского языка¹, А.Н.Кононовым – на материале турецкого языка², В.П.Недялковым и Г.А.Отаиной – в нивхском³, А.Н.Пальмбахом, Ф.Г.Исхаковым, К.Б.Куулар – в тувинском⁴.

Вслед за В.В.Виноградовым собственно-возвратными (собственно-рефлексивными) мы называем такие глаголы, действие которых "имеет своим объектом физическую личность субъекта – производителя действия, непосредственно направлено на его внешность, на поверхность его тела и т.п."⁵. К числу собственно-рефлексивных В.В.Виноградов относит глаголы типа завиваться, умываться, беречься, защищаться, закутаться и т.д.

В.П.Недялков и Г.А.Отаина выделяют две подгруппы СРГ: "неконтактную" и "контактную". "Неконтактными" они называют действия, которые физически не затрагивают объект (п'-хоруд 'обогастил себя', п'-ард 'себя содержит', п'-ахт 'надеяться на себя' и т.п.). "Контактными" они называют "различные физические, чаще всего механические действия, ведущие к изменению внешнего вида объекта, к изменению его физического состояния" (п'-селмд 'гладить себя', п'-сад 'бить себя' и т.п.)⁶.

Выделяя СРГ и СРК с их участием в алтайском языке, мы опирались на концепцию В.В.Виноградова, и палее разбили их на лексико-семантические группы, частично сопоставимые с теми, которые выделялись В.П.Недялковым и Г.А.Отаиной. Предметом данной статьи станут СРК только с глаголами, имеющими

значение конкретного физического, механического действия, направленного субъектом на самого себя или на части своего тела.

Прежде чем перейти к анализу СРК, следует заметить, что действия, мыслимые как конкретные (физические, механические), могут иметь положительный и отрицательный эффект, т.е. приносить субъекту пользу или вред; например: юн=ун= 'мыться', ал=ын= 'застрелиться'. В алтайском языке один и тот же глагол может иногда передавать действие и с положительным, и с отрицательным эффектом; например: чаб=ын= 'аплодировать, париться', тырма=н= 'почесываться' – в одном значении, в другом чаб=ын= 'ударить себя', тырма=н= 'поцарапаться' и т.д.

В свою очередь, отрицательные действия подразделяются на умышленные и случайные. В алтайском есть глаголы, обозначающие только преднамеренные действия: ад=ын= 'застрелиться', корондо=н= 'отравиться', бычакта=н= 'зарезаться'. Глаголы бр-тб=н= 'обжегся', тбг=ун= 'пролить на себя', как показывает наш материал, обозначают непреднамеренные действия. Есть глаголы, которые в этом смысле нейтральны, например: када=н=, сай=ын= 'вонзить в себя, уколоться, порезаться, зарезаться'.

Подобное распределение глаголов и их ЛСВ характерно и для русского языка, и для большинства тюркских языков. Но, например, в азербайджанском языке, как отмечает Э.В.Севортян⁷, глаголы со значением неблагоприятного для субъекта действия предполагают лишь случайный характер, например: zavər lən tək 'отравиться'. Интересной противоположностью алтайскому языку, где преднамеренность и случайность может быть заложена в семантике глагола или устанавливаться по контексту, является китайский язык, в котором непреднамеренность действия передается специальной морфемой zhao в составе глагола⁸. Например: Ta bei ge cha tangzhaole 'Он обжегся горячим чаем' (пример С.Е.Яхонтова).

Переходим теперь к анализу структуры СРК, формируемых указанными глаголами. нас будет интересовать валентность СРГ, т.е. допустимость при них дополнений. Забегая вперед, скажем, что дополнения с показателем винительного падежа мы пока не называем прямыми, потому что в ряде примеров возможность употребления этого термина в традиционном понимании вызывает сомнения.

Анализировать СРК будем в следующем порядке. С точки зрения наличия/отсутствия тех или иных валентностей рассмотрим

вначале действия, направленные субъектом на самого себя, не приводящие к изменениям, затем – действия, в результате которых изменяется внешность субъекта или его общее физическое состояние.

I. СРК с глаголами физического действия, не ведущего к изменениям.

Данную группу составляют следующие глаголы: тырма=н= 'почесываться' (от тырма= 'чесать'), сийма=н= 'поглаживать себя' (от сийма= 'гладить'), уужа=н= 'потереться' (от уужа= 'мять, потирать'), сог=ун= 'хлопать себя' (от сок= 'бить').

В СРК, формируемых этими глаголами, регулярно появляется дополнение в форме винительного падежа, называющее часть тела субъекта, причем оно всегда употребляется в притяжательной форме. Примеры: Атпый јиткезин тырма=н=ып, айтты (СС.АКС) – Атпый, почесывая свой затылок, сказал (букв.: почесываясь свой затылок); Келин тулунын сийма=н=ып, мургуди (ИШ.КІ) – Невестка, поглаживая свой затылок, молилась (букв.: поглаживаясь свой затылок); Каан јузи-бажын уужа=н=ат, колы-бупын уужа=н=ат (НЯ.Ч-К) – Князь лицо-голову свою потирает, руки-ноги свои потирает (букв.: лицо-голову свою потирается, руки-ноги свои потирается).

Как показывает наш материал, при глаголах сийма=н=, уужа=н=, тырма=н= другие дополнения невозможны. При глаголе сог=ун= возможны дополнения в форме как винительного падежа, так и альтернативного, дательного; и то, и другое дополнения стоят только в притяжательной форме. Например: Кызы кирип келерде, алакандарын чат согунуп, айдат (КТ.КІ) – Когда вошла дочь, хлопая в ладоши, говорит (букв.: ударяясь друг о друга ладоши свои); Эки јалмажыма согунуп: – Айылда артып калган деп айдала, кирерге база ла тап эттим (КТ.КІ) – Хлопнув себя по двум бедрам, сказав, что ... остался дома, я снова устремился вперед.

Таким образом, при глаголах этой группы возможно только дополнение в форме винительного падежа, за исключением глагола сог=ун=, допускающего альтернативно и косвенное дополнение в дательном падеже.

Теперь перейдем ко второй группе СРК.

II. СРК с глаголами физического действия, ведущего к изменениям внешности и физического состояния субъекта. К данной

группе относятся следующие СРК: ун=ун= 'мыться', тара=н= 'причесываться, расчесываться', арчы=н= (арла=н=) 'вытираться', эмде=н= 'лечиться', кез=ин= 'зарезаться, порезаться', кыр=ын= 'бриться', јылы=н= 'греться', серуунде=н= 'прохлаждаться', ад=ын= 'застрелиться', када=н= 'вонзиться, пронзиться', сай=ын= 'пронзиться, вонзить в себя, уколоться'.

Наш материал показывает, что глаголы, составляющие эту семантическую группу, обладают довольно разнообразными потенциальными управлениями: одни допускают одновременно два разных дополнения, другие сочетаются только с одним дополнением, некоторые способны управлять дополнениями в аналитической форме. Ниже мы подробнее рассмотрим возможные типы управления, определив СРК на несколько подгрупп.

I. СРК, в которых возможно только одно дополнение.

В эту подгруппу СРК входят восемь глаголов, допускающих дополнение в форме винительного падежа, дополнение в дательном падеже, орудийное дополнение. Соответственно, выделяем далее следующие разновидности:

A. СРК, допускающие дополнение только в дательном падеже. Это глаголы, обозначающие различного рода температурные воздействия, влияющие на изменение физического состояния и внешности субъекта: серуунде=н= 'прохлаждаться' (серуунде= 'охлаждать'), јылы=н= 'греться' (јылы= 'греть'), кургад=ын= 'сушиться' (курга= 'сохнуть' + аффикс повелительного залога =т= 'сушить кого-то, что-то').

Примеры: Кара бажын улааныг бажына сугуп адала, тежитен согуп турган салкынга серуунде=н=ип, уйуктап атты (ЛК.АК) – Кара, положив голову под основание юрты, прохлаждаясь на дующем из отверстия ветру, спал (букв.: охлаждаясь дующему ветру); Орѳ ѳдуп, отко јылы=н=ыгар (ЭМ) – Проходите вперед, грейтесь у огня (букв.: грейтесь огню); Отко кургад=ын=п, унчугушпай чайлап отурдылар (ЭП.А) – Сушились у огня, молча пили чай (букв.: сушились огню).

Б. СРК с орудийным дополнением.

Этот тип СРК составляют глаголы: эмде=н= 'лечиться' (эмде= 'лечить'), тара=н= 'причесываться, расчесываться' (тара= 'причесывать, расчесывать'), буу=н= 'повеситься' (буу= 'повесить'). В художественной литературе встречается синонимичный глаголу

буу= глагол буула=н=, но первый в живой разговорной речи более употребителен, нежели второй. Примеры: Менин тарагымла кем тара=н=ган?- Кто расчесывался моей расческой?; азылар ла болуп, каншый эмдерле эмденбедим деер, кайда болболым деер (ЭМ) - Чтобы только вылечиться, какими только лекарствами не лечилась, где только не побывала; Кайыш курыла буунып калган дежетен (ЭМ) - Поговаривали, что повесился на своем кожаном ремне (букв.: кожаным ремнем повесился, задушился).

В. СРК, формируемые глаголами, сочетающимися с дополнением либо в форме винительного падежа, либо косвенным (орудийным). Это глаголы: юн=ун= 'мыться' и, видимо, кыр=ын= 'бриться'. Примеры: Сууга барала, арка-мойнын унунат (НЯ.Ч-К) - Пойдя к речке (на речку), моет свои плечи-шею (букв.: моется свои плечи-шею); Борлоп аткан боро сууланг ончо бойын унун-пы (АК.А-С) - Кипящей (бурлящей) мутной водой (букв.: из воды) всего себя помыл (букв.: всего себя помылся); Бу кичинек уулчакты да кбр: кем кемнинг самыныла унунып турганын билер (ЛК.АК) - Посмотри даже на этого маленького мальчика: знает, кто чьим мылом моется.

Как мы уже отмечали выше, сюда же относим СРК, формируемые глаголом кыр=ын= 'бриться' (кыр= 'брить', букв.: 'стирать что-то'). Как и при глаголе юнун=, он допускает дополнение, называющее часть тела субъекта. Например: Сагалынпы кырын деп јаантайын айдып турбай (ЭМ) - Постоянно ведь говоришь, чтобы брил свои=усы (букв.: брился свои=усы); Канунников бежинчи кунде Узин кырынбаган, аштаган ла арыган анган (АФ.С) - Канунников вернулся на пятый день уставший, голодный, лицо=свое не побрившись.

В СРК с глаголом кырын= возможно, как нам кажется, и косвенное (орудийное) дополнение, но к сожалению, мы такими примерами не располагаем. Предполагаем, что при этом глаголе допустимо орудийное дополнение, если бы действие производилось необычным инструментом.

Редкое употребление в конструкциях с глаголом кырын= дополнения в форме винительного падежа и даже орудийного можно объяснить узостью и специфичностью его семантики.

Перейдем теперь к анализу СРК, допускающих одновременно два разных дополнения.

2. СРК с двумя дополнениями.

Пока по нашим материалам выявилось 7 глаголов, формирующих СРК данной группы. СРК этой группы также в зависимости от управления глаголов подразделяются на три типа:

А.СРК с дополнением в форме винительного падежа и косвенным (орудийным) дополнением. Их образуют следующие глаголы: арчы=н= (арла=н=) 'вытираться' (арчы=, арла= 'вытирать'), јура=н= 'разрисоваться', кез=ин= 'порезаться, зарезаться'. Примеры: Бу полотенцеле јузинди арчында (ЭМ) - Этим полотенцем лицо=свое не вытираю (букв.: лицо=свое не вытираюсь); Багы-кбзин, колы-будын пастала јуранып алган (ЭМ) - Лицо=свое, руки-ноги=свои пастой разрисовал (букв.: пастой руки-ноги=свои, лицо=свое разрисовался); Клейле кезинип алган деп неме кбр-дбб бб? - Вы видели, чтобы клеим можно было порезаться?

В этих предложениях дополнения в винительном падеже называют часть тела субъекта. При глаголе арчы=н= встречено также дополнение другой семантики, называющее предмет, связанный с субъектом отношением органической принадлежности, например: Олой терин арчынып, эбаре ајыктап отурды (ЛК.АК) - Олой, вытирая пот=свой, сидел, поглядывая по сторонам (букв.: вытираясь пот=свой). Кроме того, в СРК с глаголом арчы=н= возможно дополнение с аффиксом местного падежа =да+=гы (уточняющий аффикс), которое переходит в категорию определений. Например: Ол базып барада колплапыла мандайындагы терин арчынып, чедендеги тоскуурдынг учына келип отурды (ИШ.КІ) - Он, на ходу вытирая пот=свой на лбу своем (на лбу находящийся), пришел, сел на край корыта в чулане.

Б. Среди СРК с двумя дополнениями внимания заслуживают и такие, в которых глагол сочетается, кроме орудийного дополнения, также с аналитической формой дополнения: часть тела, куда направлено действие, выражается формой винительного падежа притяжательного склонения с послелогом дббн. Пример из разговорной речи: Ол перловкала ичин дббн ад=ын=ып ийген (ЭМ) - Он перловкой стрелялся в живот=свой.

Имеются также примеры с аналитической формой другого вида: форма родительного падежа с пространственным уточнителем и с тем же послелогом дббн: Беш-алты алтай келип јатканын кб-руп ийеле, Сю улдузила тбжининг алды дббн каданып ийди (ИШ.КІ)

- Увидя, как подошли пять-шесть алтайцев, Сю саблей=своей вонзил=себя в направлении низа груди.

В. Этот тип СРК составляют глагол чаб=ын= 'ударить себя' и глагол сайын=, имеющий два значения, которым соответствуют два разных типа управления. Если он управляет дополнением с последогом дббн, то выступает как синоним слова кадан= 'пронзить себя', например: Бычакла йурегин дббн сайынып ийген - Ножом в грудь=свою пронзился. Если же он формирует СРК с дополнением в форме винительного падежа, то чаще всего переводится как 'уколоться': Колынды ийнеле сайынып алдын, бериште - Руку=свою иголкой можешь уколоть, не трогай (букв.: руку можешь уколоть).

Глагол чаб=ын= 'ударить себя' тоже строит две конструкции: одну - с косвенным орудийным дополнением и дополнением в форме винительного падежа, вторую - с дополнением в дательном падеже и дополнением в винительном падеже. Например: Гриша будын малтала чаб=ын=ып алган, айылда отуры (ЭМ) - Гриша топором ногу=свою ударил, дома сидит (букв.: ногу=свою ударился); Гриша будына малтала чаб=ын=ып алган (ЭМ) - Гриша топором ударил по ноге (букв.: ударился по ноге).

Подведем некоторые итоги сказанному.

Мы рассмотрели СРК, формируемые собственно-рефлексивными глаголами и конструктивные потенции этих глаголов. Так как все они личные, валентность подлежащего мы не рассматривали специально. Проанализировав способность глаголов управлять различными дополнениями, можно сделать следующие выводы:

1. СРК, формируемые глаголами со значением действия, не приводящего к изменениям, допускают лишь дополнения в форме винительного падежа, за исключением глагола сог=ун= 'хлопать', при котором альтернативно возможно дополнение в дательном падеже.

2. СРК, формируемые глаголами физического действия, приводящего к изменениям состояния и внешности субъекта, характеризуются разнообразием управления: одни допускают при себе одно дополнение, другие сочетаются с двумя.

3. Дополнения в форме винительного падежа называют части тела субъекта и употребляются исключительно в притяжательной форме.

1. Виноградов В.В. Грамматическое учение о слове. - М., 1972. - С.495
2. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого языка. - М.-Л., 1956. - С.194
3. Недялков В.П., Отаина Г.А. Нивхские рефлексивные глаголы и типология смысловых рефлексивов // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. - Л., 1981. - С.185-220
4. Пальмбах А.Н., Исхаков Ф.Г. Грамматика тувинского языка. - М., 1961. - С.285; Куулар К.В. Возвратный залог в тувинском языке // Исследования по тувинской филологии. - Кызыл, 1986. - С.39
5. Виноградов В.В. Грамматическое учение о слове... - С.495
6. Недялков В.П., Отаина Г.А. Нивхские рефлексивные глаголы... - С.185-220
7. Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. - М., 1962
8. Яхонтов С.Е. Выражение рефлексивности в китайском языке // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. - Л., 1981. - С.146-159

ИСТОЧНИКИ

- СС.АКС - С.С.Суразаков. Алтай керегинде срс. Горно-Алтайск, 1984
 ИШ.КГ - И.Шодоев. Кызыланду Ылдар. Горно-Алтайск, 1984
 КТ.КГ - К.Толосов. Капын Таскыда. Горно-Алтайск, 1986
 НЯ.Ч-К - Н.Ялатов. Чымалы-Каан. Горно-Алтайск, 1988
 ЛК.АК - Л.Кокышев. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980
 АФ.С - А.Фадеев. Согулта. Горно-Алтайск, 1980
 ЭП.А - Э.Палкин. Алан. Горно-Алтайск, 1979
 ЭМ - экспедиционный материал

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СЛОЖНЫХ ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

При делении словосочетаний на простые и сложные учитываются, во-первых, количество и характер способов связи; во-вторых, количество знаменательных слов в их составе.

Согласно первому критерию как простые рассматриваются словосочетания, построенные на основе одного способа связи (или согласования, или управления, или примыкания). При этом не учитывается количество знаменательных слов. Поэтому к простым относятся не только двухкомпонентные, но и трехкомпонентные словосочетания. Сложными же считаются словосочетания, которые образуются на основе разных способов связей, исходящих из одного и того же главного слова: например, интересная книга с рисунками.

Согласно второму критерию, при делении словосочетаний по структуре учитывается количество знаменательных слов, входящих в состав словосочетания. При таком решении вопроса к словосочетанию как объекту исследования возможны два подхода. Подход "снизу" предусматривает распространение слова, а также простого словосочетания; другой подход, "сверху", учитывает членимость самих словосочетаний.

Более целесообразным является подход "снизу". Мы, в согласии с лингвистической традицией, считаем нужным различать в бурятском языке простые и сложные словосочетания.

Простым принято считать словосочетание, состоящее из двух знаменательных слов, связанных одним из видов подчинительной связи. При этом каждый из компонентов обычно выражается одним словом. Однако следует иметь в виду, что в бурятском языке есть сложные слова, т.е. такие, которые представляют собой одну лексическую единицу, но части их пишутся раздельно и между ними возможна та или иная синтаксическая связь.

В монгольских языках, в частности в бурятском, такие сложные слова рассматриваются по-разному. Терминологии единой нет. Например, в работах Т.А.Бертагеева, Ц.Ц.Цыдыпова¹ парные слова называются сочинительными словосочетаниями, а А.А.Дарбеева, Д.Д.Амоглонов, У.-Ж.Ш.Дондуков, Д.А.Гусеева² видят в

них не сочетания слов, а именно сложные слова. Слова типа ухэр нюлэн Ц.Ц.Цыдыпов называет лексикализированными словосочетаниями, Ц.Б.Будаев – терминами³.

Мы будем рассматривать как простые словосочетания, содержащие в своем составе следующие двухсловные компоненты:

- 1) обозначающие различные цветовые оттенки: хара хукэ бул букв. 'черный синий материал' – 'темно-синий материал';
- 2) парные слова: олон аята шанага, букв. 'много тарелка поварешка' – 'много посуды';
- 3) несвободные номенклатурные единицы: ухэр нюлэнэй элээн, букв. 'коровьих глаз плоды' – 'плоды смородины';
- 4) топонимы: Галуута нуурай шулуу нуурһ энэй үүрхай, букв. 'Гусинового озера угольное гнездо' – 'Гусиноозерский угольный разрез';
- 5) термины: холбоо хэлэлгэ хүгжээлтэ, букв. 'связь речь развитие' – 'развитие связной речи';
- 6) числительные: хорин табан һүрагшап 'двадцать пять учеников';

7) изобразительные слова: түс гэхэ абаян 'звук, издаваемый при падении чего-то тяжелого';

8) идиомы: ама барлам хүн 'хвастливый человек'.

Сложными считаются словосочетания, состоящие более чем из двух знаменательных слов, представляющие собой комбинацию определения – простого словосочетания и определяемого слова, или определяющего слова и определяемого словосочетания.

Если простое словосочетание в отличие от слова обозначает конкретизированное понятие, то сложное словосочетание – еще более конкретизированное, уточненное понятие.

В бурятском языке в зависимости от того, каким образом выражены зависимая или главная части, сложные именные словосочетания делим на два типа: 1) определяющая (зависимая) часть выражается простым словосочетанием, а определяемая (главная) часть – словом; 2) определяющая часть выражается знаменательным словом, а определяемая часть – простым словосочетанием.

Для удобства можно обозначать следующими формулами: I тип – (СС) + Z, II тип – Z + (СС), где СС – простое словосочетание, Z – знаменательное слово. При подробном описании структурных типов сложных словосочетаний вместо СС употребляются

более конкретные формулы как $(\mathcal{N} + \mathcal{A}) + \mathcal{N}$, $(\mathcal{A} + \mathcal{N}) + \mathcal{N}$, $(P + \mathcal{N}) + \mathcal{N}$, $(\mathcal{N}_c + \mathcal{N}) + \mathcal{N}$ и т.д., где $\mathcal{N}$ – имя существительное, $\mathcal{A}$ – имя прилагательное, P – местоимение, $\mathcal{N}_c$ – числительное.

Бурятские сложные словосочетания с зависимой частью – словосочетанием представлены следующими структурными вариантами.

I. (CC) + $\mathcal{N}$.

1. $(\mathcal{N} + \mathcal{N}) + \mathcal{N}$: хунан модон сэргэ, букв. 'береза дерево коновязь' – 'коновязь из березы'.

Определяющее простое словосочетание состоит из двух существительных в основном падеже, примыкающих друг к другу; оно, в свою очередь, примыкает к определяемому слову. Таким образом, все компоненты данного сложного словосочетания связаны между собой одним видом подчинительной связи – примыканием. Следует отметить, что сложных словосочетаний, состоящих из трех существительных, из которых два – в безаффиксальной форме, а падеж третьего определяется контекстом, немного; в основном они обозначают видовые названия, признак по месту производства: хитад торгон бу-₁э, букв. 'китай шелк кушак' – 'кушак из китайского шелка'.

2. $(\mathcal{N}$ осн.п. + $\mathcal{N}$ р.п.) + $\mathcal{N}$: булгад хүнэй заншал, букв. 'булагат человека обычай' – 'обычай представителя булагатского племени'.

В составе зависимой части первое имя (булгад) примыкает ко второму (хүнэй); этим простым словосочетанием управляет определяемое существительное (заншал). Это главное слово словосочетания в целом, которое сообщает словосочетанию свою парадигму словоизменения. Выделить в составе данного сложного словосочетания словосочетание хүнэй заншал без разрушения основного значения исходного словосочетания нельзя, но сочетание булгад заншал – обычай булагатов – это значение сохраняет.

3. $(\mathcal{N}$ р.п. + $\mathcal{N}$ р.п.) + $\mathcal{N}$: намарай хүнийн хяруу, букв. 'осенней ночи иней' – 'иней осенней ночи'.

Зависимая часть здесь выражена простым словосочетанием, состоящим из имени существительного в родительном падеже и существительного. Это словосочетание как целое оформляется родительным падежом по требованию определяемого существительного. Подобная цепочка из двух родительных падежей не может принимать еще какое-либо определение: это создало бы излишнюю громоздкость, искусственность. Но определяемое слово может соче-

таться еще с каким-нибудь словом. Так образуются комбинированные словосочетания, состоящие из двух словосочетаний.

4. $(\mathcal{N}$ р.п. + $\mathcal{N}$ осн.п.) + $\mathcal{N}$: хэрмэнэй архан малгай, букв. 'белки шкура шапка' – 'шапка из меха белки'.

Зависимая часть сложного словосочетания – простое словосочетание, состоящее из существительного в родительном падеже и существительного в основном падеже; это словосочетание примыкает к определяемому существительному. При этом слово, стоящее в родительном падеже, не сочетается напрямую с определяемым словом сложного словосочетания: *хэрмэнгай малгай – неправильное выражение. По смыслу хэрмэнэй архан малгай равносильно хэрмэнэй архаар оёһон малгай 'шапка, сшитая из белчиного меха', а проще – простому словосочетанию хэрман малгай 'белчиный шапка'. Таким образом, слово малгай не требует родительного падежа от определения, указывающего на материал ('сделанный из...').

5. $(\mathcal{N}$ д.п. + $\mathcal{N}$ р.п.) + $\mathcal{N}$: сүтлаанда хабаадагшалай гарнуул, букв. 'в собрании участвовавших руки' – '(поднятые) руки (людей), участвовавших в собрании'.

Зависимая часть сложного словосочетания – простое словосочетание с зависимым словом – существительным в дательном падеже и определяемым – отглагольным существительным. Словосочетанием управляет существительное, требующее от него родительного падежа. Слово сүтлаанда самостоятельно не может определять слово гарнуул, так как оно управляется отглагольным существительным. Сочетанием хабаадагшалай гарнуул эту мысль также выразить нельзя, так как у отглагольного существительного сохраняется объектное значение.

6. $(\mathcal{A} + \mathcal{N}) + \mathcal{N}$: хара хилэн малгай, букв. 'черный бархат шапка' – 'шапка из черного бархата'.

Зависимая часть сложного словосочетания – простое словосочетание модели имя прилагательное + имя существительное, а определяемое слово – имя существительное. Поскольку каждое из слов зависимой части может сочетаться с определяемым словом, сложное словосочетание может пониматься двояко: хара хилэн/малгай 'шапка/из черного бархата' или хара/хилэн малгай 'черная шапка из бархата'. По воле говорящего то или иное слово может быть подчеркнуто интонацией.

7. $(\mathcal{A} + \mathcal{N})$ р.п. + $\mathcal{N}$: түргэн голой үер, букв. 'быстрый

реки половодье' - 'половодье быстрой реки'.

Определяющая часть здесь - сочетание имени прилагательного и существительного, которым управляет существительное уер, требуя от него родительного падежа. Прилагательное турган определяет только существительное гол и с определяемым существительным уер непосредственно не сочетается.

8. (A + N = тай) + N: хүдэр бээтэй басаган, букв. 'крепкий телом девушка' - 'девушка крепкого телосложения'.

Определяющая часть сложного словосочетания состоит из имени прилагательного и существительного с суффиксом =тай. Словосочетание хүдэр бээтэй синтаксически цельное. Суффикс =тай здесь выражает не совместный падеж, т.е. не соучастие в действии, а обладание признаком. Поэтому слова бээтэй басаган не сочетаются, но словосочетанием хүдэр басаган передается это же значение. В словосочетании алтан шүдэтэй хүн, букв. 'золотой зуб=имеющий человек' - 'человек с золотыми зубами' выражено значение обладания в отличие от постоянно присущего признака. Ни одно слово определяющего словосочетания непосредственно не сочетается с определяемым словом. Сочетание шүдэтэй хүн возможно, но имеет другое значение. Словосочетания с =тай самостоятельно не употребляются.

9. (N₂ + N = тай) + N: дүрбэн мөөртэй тэргэнууд, букв. 'четыре колеса=имеющие телеги' - 'телеги на четырех колесах'.

Определяющая часть сложного словосочетания выражена сочетанием числительного и существительного дүрбэн мөөр - в форме обладания, т.е. с суффиксом =тай, которого требует определяемое существительное. Числительное дүрбэн, сочетаясь с определяемым словом тэргэнүү, дает иной смысл ('4 телеги'), а сочетание мөөртэй тэргэнууд не употребляется, потому что подчеркивать постоянный признак излишне. Этим определяется синтаксическая цельность данного сложного словосочетания.

Определяющим членом словосочетания могут быть также адъективные словосочетания. Простым адъективным образованиям посвящена статья Я.Г.Биренбаума и Л.Д.Шагдарова, в которой в сопоставлении с англ.яз. дана их развернутая лексико-семантическая характеристика⁴.

1. (Nосн.п. + A) + N: сабшуур хурса шүдэнүүд, букв. 'секач острые зубы' - 'зубы, острые как секач'.

Зависимое слово определяющей части - это существительное

в безаффиксальной форме, выступающее в сравнительной значении; главное слово определяющей части - имя прилагательное. Такие словосочетания обычно употребляются в фольклорных произведениях. В художественных произведениях писатели и поэты по данной модели создают все новые словосочетания с интересным сравнительным значением. Например, гал улаан туяа, букв. 'огонь красный луч' - 'огненно-красный луч', үнэнхэн хүхэ шарай, букв. 'зола синий лицо' - 'бледное как зола лицо' и др.

2. (Nосн.п. + A) + N: үблэг хахархай үмдэн, букв. 'колено рваный брюки' - 'брюки, порванные в коленях'.

Определяющая часть сложного словосочетания - простое адъективное словосочетание: существительное + отглагольное прилагательное; а определяемое слово - существительное. Первый компонент данного словосочетания подчинен второму, второй - третьему. Поэтому первый компонент непосредственно не сочетается с третьим (главным определяемым). В словосочетаниях данного типа средним членом выступают отглагольные прилагательные, обозначающие цвет, масть, прилагательные с аффиксом =тай. Например: сэдьхэл уяраама дуун, букв. 'душа трогающая песня' - 'песня, запевающая душу', хүл сагаан морин, букв. 'нога белая лошадь' - 'лошадь с белыми ногами', зэмсэг хурсатай дархан, букв. 'инструмент острый умелец' - 'умелец, у которого острые инструменты' и др.

Сложные словосочетания типа "адъективное словосочетание + определяемое существительное" являются синтаксически цельными, поэтому при разборе предложения их нельзя разбивать. Их синтаксическая цельность объясняется тем, что сами сочетающиеся компоненты являются лексически ограниченными. Например, слово нүсэгэн сочетается только со словами толгой, хүл, гар и др. А эти слова, в свою очередь, сочетаются со словами, обозначающими человека. Например: хүл нүсэгэн хүн, букв. 'нога голый человек' - 'человек с босыми ногами', толгой нүсэгэн басаган, букв. 'голова голая девочка' - 'девочка с непокрытой головой' и т.д.

В калмыцком языке словосочетания типа көл нуцкн некоторые авторы относят к сложным словам, образованным способом сложения⁵. В бурятском языке их аналоги еще остаются словосочетаниями, но возможность их лексического наполнения ограничена (названия

неск. частей тела).

3. (У/д.п. + А) + У/: элеэндайн хүн, букв. 'в еде хороший человек' - 'человек с хорошим аппетитом'. Вместо первого компонента - существительного можно употребить причастие буд. вр. в дательном-местном падеже: унахала хайн морин 'хорошая для езды лошадь'.

Определяющее словосочетание состоит из имени существительного или причастия в дательном-местном падеже и прилагательного. Связь слов - последовательное подчинение. Первый компонент сложного словосочетания самостоятельно главного слова словосочетания не определяет. Поэтому такие словосочетания с последовательным подчинением нужно рассматривать как один член предложения.

4. (У/ор.п. + А) + У/: алтаар баян хүбшэ, букв. 'золотом богатый тайга' - 'тайга, богатая золотом'.

Зависимая часть сложного словосочетания - адъективное словосочетание, состоящее из существительного в орудном падеже и имени прилагательного; оно примыкает к определяемому существительному. Связь слов - последовательное подчинение.

При разборе также не следует разбивать определяющий член сложного словосочетания.

5. (А + А) + У/: сахигар сагаан гар, букв. 'белый белый рука' - 'белая-пребелая рука'; ялагар сагаан буд, букв. 'блестящий белый материал' - 'белый-пребелый материал'.

Зависимая часть сложного словосочетания выражена сочетанием двух имен прилагательных, первое из которых имеет усиленно-сравнительное значение. Усилительное значение выражается также отглагольным прилагательным с суффиксом -ма: унама дохолод морин, букв. 'падающий хромою конь' - 'хромою до такой степени, что может упасть'. В разговорном языке зависимая часть может быть выражена сочетанием антонимов, также имеющих усиленное значение. Например: муухай гоё магнитофон, букв. 'ужасный красивый магнитофон' - 'очень красивый магнитофон'. К этому типу также относятся словосочетания, в которых определяющая часть выражена прилагательным с аффиксом -гүй с усиленным значением: барагшаагүй олон боолтонгуул, букв. 'нескончаемый много снопы' - 'нескончаемо много снопов'.

Сложными являются словосочетания, образованные из просто-

го словосочетания и определяемого слова, в которых первый компонент обозначает ослабленную степень проявления качества. Например, хулабар хүхэ утаан, букв. 'слабоватый синий дым' - 'слабовато-синий дым'. Ослабленная степень качества выражается прилагательными с суффиксами -отар, -бар, -шаг и т.д.

В художественной речи часто встречаются сложные словосочетания, в определяющей части которых употребляются синонимичные слова. Например: лааян ехэ тулуур, букв. 'огромный большой очаг' - 'очаг очень большого размера'.

Словосочетания, зависимая часть которых выражена синонимичными словами, являются сложными, потому что они передают усиленное значение: определяющее слово лааян подчиняется определяемому слову ехэ.

П. 2 + (СС): определяющая часть сложного словосочетания выражена словом, а определяемая - словосочетанием.

1. А + (У/осн.п. + У/): шэнэхэн модон стол 'новенький деревянный стол'.

Группа определяемого выражена простым словосочетанием (имя существительное в основном падеже + имя существительное), а определение выражено прилагательным (в данном случае - с суффиксом субъективной оценки). В отличие от цельных словосочетаний, определяемое слово может сочетаться с первым компонентом сложного словосочетания.

2. У/р.п. + (У/ + У/): тогооной модон гэр, букв. 'котла дерево дом' - 'дом, предназначенный для кухни'.

В составе такого сложного словосочетания определяющее слово в родительном падеже указывает назначение определяемого предмета, названного словосочетанием. Первый компонент сложного словосочетания - тогооной - сочетается со словом гэр главным словом определяемого словосочетания, с которым зависимое слово этого словосочетания (модон) непосредственно не сочетается, поскольку существительное в родительном падеже определяет словосочетание модон гэр в целом.

3. (А + (А + У/)): бишхан хүхэ утаан - 'маленький (небольшой) синий дым'.

Определяющее имя прилагательное примыкает к простому словосочетанию имени прилагательного с именем существительным. Здесь также первый определяющий компонент не сочетается с оп-

ределяющим компонентом определяемого простого словосочетания.

4. $\mathcal{N}=\text{тай} + (\mathcal{N}+\mathcal{N})$: орооһотой ээд сүгсэнууд, букв. 'с зерном медные чашки' - 'медные чашки с зерном'.

Определяемая часть (сочетание двух имен существительных) и определяющая часть (существительное с суффиксом -тай) образуют сложное словосочетание. Возможны и другие варианты, например, определяемая часть - простое словосочетание, образованное сочетанием числительного с именем существительным, а определяющая часть - существительное с суффиксом -тай: гунгарбаа-тай гурбан бурхан, букв. 'со шкафом три божка' - 'три божка в божнице'.

В данной статье мы попытались показать различные типы сочетаемости слов на примере сложных именных словосочетаний. В бурятском языке сложные словосочетания образуются путем распространения стержневого слова простым словосочетанием, или простого словосочетания - словом. При этом основными способами связи слов между определяющей и определяемой частями являются примыкание и управление (родительный падеж зависимой части). Определяющая часть сложного словосочетания так же, как в простых словосочетаниях, всегда препозитивна. Образование сложных словосочетаний непосредственно зависит от лексической валентности сочетающихся частей. Некоторые слова, например, названия частей тела, сочетаются с определенным кругом слов: хүү муутай хун, гар хайтай хун и т.д. Данные словосочетания занимают промежуточное положение между свободным словосочетанием и сложным словом.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Бертагаев Т.А. Сочетания слов и современная терминология. - М.: Наука, 1971; Цыдыпов Ц.Ц. Буряад хэлэнэй синтаксис. - Улаан-Удэ, 1985.

2. Дондуков У.-Ж.Ш. Парное словообразование имен существительных в бурятском языке // Вопросы литературного бурятского языка. - Улан-Удэ, 1963. - С.29-45; Дарбеева А.А. Повторы и удвоения в бурятском языке // К изучению бурятского языка. - Улан-Удэ, 1969. - С.91-99; Дондуков У.-Ж.Ш., Данчинова Н.Г. К вопросу о парных словах в монгольских языках // О зарубежных

монголоведных исследованиях. - Улан-Удэ, 1968. - С.27-36; Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык. - Улан-Удэ, 1958. - С.96-99.

3. Будаев Ц.Б. О флористической терминологии // Труды БКНИИ СО АН СССР. Вып. 3. - Улан-Удэ, 1960. - С. 80-88.

4. Я.Г.Биренбаум, Л.Д.Шагдаров. Опыт сопоставительного анализа английских и бурятских адъективных образований // О зарубежных монголоведных исследованиях по языку. - Улан-Удэ, 1968. - С. 93-118.

5. Сусеева Д.А. Закономерности развития калмыцкого языка в советскую эпоху. - Элиста, 1978. - С. 145.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Функциональная классификация синтаксических средств – классификация с точки зрения характера употребления и сочетаемости – одна из важных, но недостаточно исследованных проблем науки о китайском языке, решение которой имеет самое прямое отношение к пониманию сущности его грамматического механизма.

Универсальным свойством языка является выделяемость в нем двух функциональных типов синтаксических средств: 1) синтаксических средств, используемых в целях структурирования предложения и формирования его структурно-функциональных позиций (=структурных мест предложения, =членов предложения); 2) синтаксических средств, не имеющих прямого отношения к структурированию предложения (сочинительные союзы, модальные частицы, относящиеся к предложению как к целому и др.). Предметом рассмотрения в данной статье являются синтаксические средства первого типа.

Структурно-функциональные позиции предложения формируются на базе предикативной и подчинительной синтаксических связей и тех их видов, которые имеются в синтаксической системе определенного языка.

При реализации предикативной связи оба компонента синтагмы выступают носителями структурно-функциональных значений, представляя две структурно-функциональные позиции предложения. При реализации подчинительной связи носителем структурно-функциональных значений выступает один – зависимый – компонент соответствующей синтагмы, что дает начало одной структурно-функциональной позиции предложения.

В предложении как синтаксическом целом выделяются следующие структурно-функциональные позиции (=позиции членов предложения).

1. Центральные позиции предложения – структурные сегменты предложения, взаимное отношение которых формирует предложение как качественно определенную единицу. Это позиции подлежащего и сказуемого.

2. Детерминантные синтаксические позиции – структурные сегменты предложения, относящиеся к его предикативному ядру и располагающиеся до или после последнего (В Ленинграде/ я встретил друга; Он знает три языка: / английский, французский, немецкий).

3. Позиции второстепенных членов предложения: а) приименные позиции – постпозитивные и препозитивные; б) приглагольные или приаждективные позиции – постпозитивные и препозитивные.

Обратимся непосредственно к теме статьи.

Синтаксические средства структурирования предложения и формирования его структурно-функциональных позиций представлены в китайском языке двумя функциональными подтипами. Первый подтип – это грамматические средства прямой синтаксической значимости, употребление которых непосредственно подчинено формированию определенных структурно-функциональных позиций предложения, независимо от того, какими классами слов (частями речи) представлен соответствующий структурный сегмент предложения. Второй подтип – это грамматические средства непрямого синтаксической значимости, обслуживающие синтаксическое функционирование определенных классов слов и их позиционных эквивалентов в различных структурно-функциональных позициях предложения.

В китайском к первому подтипу относятся: 1) порядок слов, 2) частица de, 3) служебное слово shi.

Порядок слов – это грамматический прием, регулирующий порядок расположения компонентов синтаксической единицы относительно друг друга: порядок компонентов в структуре синтагмы как элементарной единицы структурно-синтаксической организации организации и порядок членов предложения в структуре предложения как синтаксического целого.

В плане структурирования предложения наиболее важны и существенны следующие характеристики порядка слов в китайском языке.

Во-первых, порядок слов (постпозиция или препозиция) служит в китайском языке средством дифференциации предикативных и подчинительных отношений. Так, имя или именная группа в постпозиции к глаголу неизменно вступает с последним в подчинительную связь, выполняя таким образом в предложении функцию дополнения; имя или именная группа в препозиции к глаголу вступает

с последним в предикативную связь, выполняя тем самым в предложении функцию подлежащего.

Определение синтаксического характера глагольно-именных связей — одна из спорных проблем науки о языке¹. В китайистике эта проблема — подлежащее или дополнение? — наиболее существенным образом поляризует взгляды ученых относительно трактовки синтаксической роли предглагольного и послеглагольного имени в структурах типа *tai-shang zuozhe zhuxituan 'За столом сидит президиум'; ta shengle erzi 'У него родился сын' и предглагольного имени в структурах типа nage ren wo renshi 'Этого человека я знаю'².

Суть проблемы здесь заключается в самом понимании категории предикативной и подчинительной связей, в определении принципиальных оснований их разграничения. Традиционный синтаксис основывает дифференцию предикативных и подчинительных отношений на семантических основаниях (дифференции субъектно-объектных отношений), однако — без необходимых на то теоретических оснований. Не случайно поэтому эмпирически современная лингвистика в различных своих течениях и направлениях, в том числе и в собственно китайских штудиях, в работах китайских ученых³, пришла к разведению понятий субъект, объект, с одной стороны, и подлежащее, дополнение, с другой. В нашем понимании, в основе разграничения понятий предикативной и подчинительной связей лежит функциональный аспект содержания категории синтаксической связи: как, в каком направлении представляется то или иное семантико-реляционное отношение. Основу содержания категории предикативной связи составляет категория объективной модальности, утверждение чего-то о чем-то, которая в принципе может быть сопряжена с семантико-реляционными отношениями самого различного содержания⁴. С точки зрения развиваемого понимания категорий предикации и подчинения отношения между глаголом и послеглагольным именем в структурах типа Tai-shang zuozhe zhuxituan 'За столом сидит президиум' должны быть квалифицированы не как предикативные, а как подчинительные, а отношения между глагольной группой и препозитивным именем в этих структурах должны быть квалифицированы не как подчинительные, а как предикативные. Имеется ряд фактов собственно китайского языка, которые подтверждают и дополняют этот вывод, сделанный с позиций

универсальных свойств языка; показателен, например, такой факт, как абсолютная неотделимость от глагола в рассматриваемых структурах послеглагольного имени и синтаксическая отдельность препозитивного имени, получающая свое проявление в возможности постановки между именем и глаголом модально-оценочных и других наречий, а также тех или иных членов предложения, например: duzi= li shizai shi ede fa huang le 'Живот (букв.: в животе), действительно, прямо-таки свело от голода'; Women zhongjian xianzai gijing wanle 'Между нами сейчас все кончено'; Wuzi=li you loule 'В комнате снова протекло'; nage ren dangran wo renshi 'Этого человека, конечно, я знаю'.

Итак, одной из основных функций порядка слов в китайском языке является дифференциация предикативных и подчинительных отношений, осуществляемая на базе различного расположения имени относительно глагола.

Другой важнейшей функцией порядка слов в китайском языке, играющей исключительно важную роль в его системной организации, является формируемая с его помощью дифференциация подчинительных отношений. В соответствии с различием двух видов словопорядка — 1) постпозиция зависимого компонента относительно центрального, 2) препозиция зависимого компонента — класс предикативных структур делится на два подкласса, противопоставленных друг другу на основе особенностей их семантико-синтаксического содержания. При этом существенно, что зависимые (т.е. функциональные) компоненты (ЗК) постпозитивных и препозитивных подчинительных структур могут быть выражены словами самых различных классов, взятыми самостоятельно или в сочетании с теми или иными служебными элементами.

Перейдем к характеристике следующего из указанных выше средств прямой синтаксической значимости — частицы de.

Употребление de характеризуется наличием у этого элемента основной (первичной) и производной (вторичной) функций. Основная (первичная) функция de — атрибутивная (употребление при ЗК именных синтагм и частично глагольных, — когда ЗК имеет значение образа действия). Производная (вторичная) функция — главным образом прономинальная⁵, хотя имеются и другие выходы из основной, например — в сферу словообразования (shuoshude 'бродячий рассказчик'). Реализация прономинальной функции de

ведет к образованию просубстантивных комплексов, функционирующих в предложениях на правах существительного (образований типа zuotian lai=de 'тот, который прибыл вчера'; xin=de 'то, что новое'; gege=de 'то, что принадлежит брату'; lou=shang=de 'тот, который с верхнего этажа').

Обратимся к основной функции de — атрибутивной (употреблению при ЗК именных синтагм). Основные характеристики de как средства прямой синтаксической значимости состоят здесь в следующем.

Во-первых, постройка de возможна, за отдельными исключениями (при ЗК, выражаемом сочетаниями числительного или указательного местоимения со счетным словом), после определяющего компонента любого свободного атрибутивно-именного словосочетания в противоположность атрибутивным образованиям лексического характера (слов, устойчивых словосочетаний типа xiaoshuo 'рассказ'; tongyi zhanxian 'единый фронт'; shehuizhuyi laodong yingxiong 'герой социалистического труда'), в которых постройка de невозможна. В этом плане de играет роль экспликатора атрибутивных синтаксических отношений, противопоставляя друг другу в языковой системе современного китайского языка атрибутивные образования синтаксического и лексического характера.

Во-вторых, при наличии принципиальной возможности постройки de после зависимого компонента именной системы реализация этой возможности может носить обязательный или необязательный характер. Формально-синтаксическая оппозиция именных структур с обязательным или необязательным de подчиняет своему действию различные классы слов, что имеет существенно важное значение в плане характеристики de как служебного средства прямой синтаксической значимости. Таким образом, в структуре именных синтагм обязательность/необязательность употребления de в принципе не зависит от части речи, выступающей в функции определения. Не опровергает общего принципа наблюдаемое при глагольном определении преимущественное употребление de (которое знает и исключения: ср., mingbai ren 'понимающий человек'; shangxin shir 'горестное событие'; yikao liliang 'опорная сила'; xia yu tian 'дождливый день').

Третье из указанных выше синтаксических средств прямой

синтаксической значимости — служебное слово shi — восходит к знаменательному слову shi 'да' (отрицательная форма bushi 'нет'), имеющему значение утверждения (отрицания) — "panduan-ci" в терминологии китайских ученых; например: zazhi ye shi tushuguan=de? 'Журнал тоже из библиотеки?' shi (bushi), shi (bushi) wode 'Да (нет), мой (не мой)'; ni ye canjia huiyi ma? 'Ты тоже принимаешь участие в конференции?' Shi a! 'Да!'

Служебная функция shi определяется принципиальной возможностью употребления этого служебного элемента при сказуемом (группе сказуемого) как синтаксической категории, независимо от того, какой частью речи выражается сказуемое или какое внутреннее строение оно имеет, например: wode gege shi xuesheng 'Мой брат — студент' (сказуемое выражено существительным); wode qingxu shi bianle 'Мое настроение изменилось' (сказуемое выражено глаголом); ta shi congming 'Она умна' (сказуемое выражено прилагательным); nage ganbu shi nengli gao 'Этот кадровый работник очень способный' (букв. способности высокие, — сказуемое выражено предикативной конструкцией).

При наличии принципиальной возможности использования shi при любом сказуемом употребление shi в одних случаях является структурно обязательным, в других — структурно необязательным.

В качестве обязательного структурного элемента сказуемого служебное слово shi играет роль предикативной связки; как необязательный структурный компонент сказуемого служебное слово shi выступает в функции подчеркивающей модальной частицы.

При именном сказуемом служебное слово shi, как правило, играет роль предикативной связки, являясь обязательным структурным элементом сказуемого; глагольное и адъективное сказуемое — широкая сфера употребления shi в его модальной, подчеркивающей функции. Однако полной симметрии здесь не наблюдается; имеются случаи, когда и в составе глагольного сказуемого shi является структурно обязательным элементом, играя, по существу, роль предикативной связки, например: renwu shi baowei cunzi 'Задача заключается в том, чтобы защитить деревню'; zhe bushi shuo... 'Этим (мы) не хотим сказать...'

Ко второму из двух установленных выше функциональных подтипов синтаксических средств, — к средствам не прямой синтакси-

ческой значимости, обслуживающим функционирование определенных классов слов в различных функциях – относятся: предлоги, послелоги, служебное слово bei, глагольные модификаторы, глагольный суффикс de, этимологически восходящий к глаголу de "получать"⁶. Эти служебные синтаксические средства, обслуживающие синтаксическое функционирование определенного класса слов, характеризуются разной степенью независимости от определенной синтаксической функции. Наибольшая независимость, т.е. полифункциональность, свойственна предложным и послеложным комплексам.

Служебное слово bei обслуживает глагол в предикативной и атрибутивной функциях.

Весьма своеобразна синтаксическая роль глагольных модификаторов и глагольного суффикса de. Занимая позицию после глагола и фонетически сливаясь с ним, эти служебные слова обслуживают функционирование глагола как центрального компонента синтаксической структуры в его отношении к имени предмета (модификаторы: feishang tian qu 'взлететь в небо'; zoujin yuzi-li lai 'войти в комнату') или признака (глагольный суффикс de: gongzuode hao 'работать хорошо'; xiangde hen 'быть похожими очень'; zuode tai pilaole 'очень устать от ходьбы', букв. 'ходить ← de ← очень устать').

Предлоги в китайском языке – это служебные слова, этимологически восходящие к глаголу и обслуживающие синтаксическое функционирование существительного и его позиционных эквивалентов (функционально тождественных существительному структурных сегментов предложения). Они занимают позицию перед соответствующим словом (сочетанием слов). В качестве позиционных эквивалентов существительного выступают личные, вопросительные (неопределенные) или указательные местоимения, а также глагольные сочетания слов, обозначающие как целое те или иные факты, события. Ср.: ta ba shu kanwanle 'Он прочитал книгу' и mouxie ren ba ru dang zuowei yizhong huoqu geren liyi-de jietu (Хунци) 'Некоторые люди вступление (букв. вступить...) в партию делают ступенькой к достижению личных целей'; wo dui zhege laoshi hen manyi 'Я очень доволен этим преподавателем' и: wo de laopo dui wo meiyu yigen baifa shi hen bu manyi-de (Чжоу Либо) 'Моя жена очень недовольна тем, что у

меня нет ни одного седого волоса'.

Обозначение глагольным сочетанием слов некоторого факта, события, и соответственно его функциональная равнозначность (позиционная эквивалентность) с существительным может быть подтверждена возможностью замещения соответствующего сочетания слов местоимением zhege, zhexie 'это'. Например, в предложении wo de laopo dui zhexie shi hen bu manyi-de 'Моя жена очень недовольна этим' местоимение zhexie 'это' структурно-синтаксически эквивалентно предикативному сочетанию слов, входящему в состав предыдущего предложения.

Способность материально одних и тех же элементов вступать в сочетание и с существительным, и с предикативным сочетанием слов является в Китае источником проблемной коллизии "предлог – подчинительный союз". Последняя различными учеными разрешается по-разному: а) путем отказа от терминов "предлог", "подчинительный союз" с объединением последних двух категорий в единую категорию, называемую lianjieci 'связующие слова' (в терминологии Ван Ли⁷), shoudaoci 'вводящие слова' (в терминологии Гао Минкай⁸), 'вводящие слова' (в терминологии авторов очерка "Китайский язык"⁹) или же б) путем рассмотрения соответствующих материальных элементов в качестве омонимов¹⁰.

На наш взгляд, способность того или иного служебного элемента обслуживать функционирование не только слова, но и сочетания слов, не может явиться свидетельством омонимии – как с принципиальной точки зрения (один и тот же структурный компонент предложения не может быть выражен единицей, меньшей, чем слово, но он может быть выражен единицей, большей, чем слово), так и с точки зрения фактов китайского языка. В китайском языке любая из свойственных существительному структурно-функциональных позиций может быть замещена глагольным сочетанием слов, не требуя при этом использования каких бы то ни было субстантиваторов. Ср., например, следующие предложения: wo de peng you hen hao 'Мой друг очень хороший' (подлежащее выражено существительным); ta bu lai hen hao 'То, что он не пришел, очень хорошо' (подлежащее выражено предикативным сочетанием слов); wo bu yuan jian zhege ren 'Я не хочу видеть этого человека', ta jian houmian daole hen duo ren 'Он увидел, что сзади пошло много людей'; zhege wenti-de jie jue 'решение этого воп-

rosa'; wo fan cuowu-de yuanyin 'Причина того, что я допустил ошибку (допущенной мною ошибки)' (определение выражено предикативным сочетанием слов).

Признавая известную обоснованность точки зрения, объединяющей в единую категорию предлоги и подчинительные союзы, нельзя все же признать правомерной самую отмену в приложении к китайскому языку терминов "предлог", "союз", поскольку с точки зрения реализации способности вступать в сочетание и с именем, и с предикативным сочетанием слов не все элементы соответствующего класса служебных слов ведут себя одинаково. Так, при наличии способности вступать в сочетание и с существительным, и с предикативным сочетанием слов такие служебные слова, как ba (восходит к глаголу 'брать'); gei (восходит к глаголу 'давать'); dui, duiyu 'относительно, о, об'; zai 'в'; dao 'до'; yong (восходит к глаголу 'употреблять, применять') и др. преимущественно употребляются в роли собственно предлогов, обслуживая синтаксическое функционирование имени. Служебные слова yin (yinwei) 'так как, из-за, по причине'; wei (weile) 'ради, для, во имя, чтобы, в целях'; bulun (wulun) 'как бы ни, что бы ни'; buguan 'как бы ни, что бы ни, независимо от' широко употребляются и в сочетании с именем (в предложной функции), и в сочетании с предикативным сочетанием слов (в союзной функции). Например: yinwei xia yu 'из-за дождя' и yinwei xia yu 'из-за того, что идет дождь'; wei renmin 'ради народа' и wei wending wujia 'для стабилизации цен'; bulun shuliang he zhiliang 'будь то качество или количество' и bulun xin=zhong zenme zhaoji 'как бы в душе ни волновался'. И, наконец, имеется группа служебных слов, включающая в свой состав такие слова, как guguo (ru) 'если'; yaoshi (yao) 'если, если бы'; jiran (ji) 'поскольку, раз уже' и др., которая обслуживает функционирование лишь предикативных сочетаний слов, т.е. употребляется в функции собственно союзов.

Категория послелогов — это класс служебных слов, этимологически восходящих к существительному, обслуживающих синтаксическое функционирование имени и его позиционных эквивалентов и занимающих позицию после соответствующего слова (сочетания слов). Послелоги указывают на определенные отрезки пространства или времени в их соотношении с тем или иным предметом (фак-

том), на основе чего формируется определенная языковая единица, — послеложный комплекс, дающий расчлененное представление о некотором месте или времени: zhuozhi=shang 'на столе'; wuzi=li 'в комнате'; hui qian 'перед съездом'; zhan hou 'после войны'; ta houilai hou 'после его возвращения'.

В реальном употреблении предлоги и послелоги зачастую коррелируют друг с другом. Чаще всего предложно-послеложная корреляция наблюдается при предлогах пространственных значений, из которых предлог zai 'в' коррелирует с послелогом почти без исключений, т.е. в каждом конкретном случае употребления: zai qiang=shang 'на стене'; zai shui=li 'в воде'; zai zhangwole makisizhuvi yihou 'после овладения марксизмом'; zai xin=de yi nian daolai yiqian 'до наступления нового года'. Послелог не требуется, когда zai вводит наречное существительное: zai Beijing 'в Пекине'; zai shangmian 'выше'; zai quan shijie 'во всем мире'. Однако в принципе корреляция "предлог — послелог" может сопутствовать употреблению любого предлога, например, предлогов объектных значений, таких, как ba, gei: muqin ba zhuozhi=shang pule zhuobu 'Мать постелила на стол скатерть'; ta gei jia=li ji qian 'Он послал домой деньги'; ba tang=li fang yang 'послать суп'. Определенным образом коррелируя в речевом употреблении, предложные и послеложные комплексы остаются отдельными и самостоятельными языковыми единицами, характеризующимися собственным грамматическим значением и назначением, определенной спецификой функционального использования.

Послеложные комплексы характеризуются:

- 1) широким и свободным (вне корреляции с предлогом) употреблением в центральной синтаксической позиции подлежащего: wu=li hen anjing 'В комнате тихо'; heiban=shang xiezhe zi 'На доске написан иероглиф';
- 2) широким и свободным употреблением в приименной позиции, чаще в комбинации с de: jing=li=de shui 'вода из колодца'; dang=nei=de zhuangkuang 'положение в партии';
- 3) употреблением в обеих (постпозитивной и препозитивной) приглагольных позициях; при этом в препозиции к глаголу — в обязательной корреляции с предлогом: meimei ba guo=li fang dianr shui 'Сестра налила немного воды в кастрюлю'; ta gei jia=li

ji qian 'Он послал домой деньги'; yu zai shui=zhong youyong 'Рыба плавает в воде'; при этом предлог zai иногда опускается: wo (zai) shi yi dian yiqian shang chuang 'Я ложусь спать до одиннадцати часов'; в постпозиции: а) в корреляции с модификатором направительных значений или предлогом: zouchu wuzi=li lai 'выйти из комнаты'; tiezai lian=shang 'прилипнуть к лицу'; huidao jia=li 'вернуться домой'; б) вне корреляции: wo kanzhe fuqin=de lian=shang 'Я смотрел на лицо отца'.

Предложные комплексы:

1) в центральной синтаксической позиции подлежащего используются редко: (zai) zher shi zheyang leng 'Здесь так холодно'; (cong) xiancheng namian laile si gulu dache 'Со стороны уездного города пришла четырехколесная телега'; к тому же употребление предлога в этой позиции характеризуется абсолютной (касаясь каждого отдельного случая) факультативностью.

Достаточно редко, но возможно использование предложного комплекса в центральной синтаксической позиции сказуемого, как правило, в комбинации со связкой shi (zhe shi youyu liangle yuanyin 'Это (имеет место) по двум причинам'; zhexie yaoyan shi guanyu Song Wuyang 'Эти сплетни были о Сун Уян'; zhe dou shi yinwei shiji xuyao 'Это все диктуется реальными потребностями';

2) в приименной позиции употребляются сравнительно редко; комбинация с de обязательна: dui wo=de xiwang 'надежда на меня'; guanyu ta=de liuyan 'молва о нем'; zai hui shang=de jianghua 'речь на съезде'; gei zhongyang=de xin 'письмо центральному комитету';

3) употребляются в обеих – постпозитивной и препозитивной – приглагольных позициях. При этом: а) в препозиции к глаголу употребляется каждый отдельный предлог класса предлогов; в постпозиции – лишь предлоги zai (этимологически восходит к глаголу 'находиться'), gei (восходит к глаголу 'давать'), dao (восходит к глаголу 'доходить, достигать'), xiang, wang (восходят к глаголу 'направляться'); б) в препозиции к глаголу в составе подчинительных структур имя не может не иметь при себе предлога (кроме отдельных описанных выше случаев, где предлог опускается), в постпозиции к глаголу или вообще не требуется употребления какого бы то ни было служебного слова (kan shu 'читать книгу', xiang fuqin 'думать об отце', zhaba yanjing

'моргать глазами', zuo yiz 'сидеть на стуле', shou piping 'подвергаться критике') или же, если требуется служебное слово, то им не обязательно должен быть предлог. В постпозиции к глаголу, кроме указанных выше предлогов, широко употребляются глагольные модификаторы направительных и иных значений, которые опосредуют связь исходного глагола с соответствующим предметом (feishang tian qu 'взлететь в небо'; zoujin yz 'войти в комнату'; kaojin daxue 'сдать экзамены в университет'; xuanzuo zhuxi 'избрать председателем'. Предлоги и глагольные модификаторы в постпозиции к глаголу находятся между собой в отношениях дополнительной дистрибуции, т.е., если при глаголе имеется модификатор, то тем самым исключается наличие при нем предлога, и наоборот, если имеется предлог, то исключается модификатор (ср. ba xin songjin xinxiang=li 'опустить письмо в почтовый ящик', но ba xin songdao xinxiang=li 'опустить письмо в почтовый ящик'); в) в постпозитивном и препозитивном употреблении предложные комплексы связаны с определенными особенностями в структуре соответствующего глагола. Так, употребление предложного комплекса в препозиции к глаголу ограничивает возможность использования глагола-однослога, предполагая двусложность глагола или наличие при нем некоторого оформления (видовые суффиксы или модификаторы) или окружения (те или иные послеглагольные зависимые компоненты). Данная особенность употребления предложных комплексов в препозиции к глаголу наиболее полно, без исключений, проявляет себя при предлоге ba II. Употребление предлога в постпозиции к глаголу не ограничивает возможности его односложной структуры; напротив, именно односложность глагола является определяющей чертой постпозитивных подчинительных структур. Следствие этих особенностей употребления предложных комплексов – взаимная корреляция предлога и тех или иных элементов правого глагольного окружения при употреблении предлога в препозиции к глаголу, и с другой стороны – взаимная несовместимость в линейном ряду предлога и тех же элементов правого глагольного окружения при употреблении предлога в постпозиции к глаголу. Так, например, для препозитивного употребления предлога zai характерна корреляция последнего с суффиксами zhe, le результативными модификаторами типа xialai, qilai в структуре глагола (ta zai yizi=shang

zuozhe 'Он сидит на стуле'; ta zai yizi-shang zuoxialai 'Он сел на стул'); характерно здесь также наличие послеглагольного прямого дополнения (fuqin zai wuzi-li kan bao 'Отец в комнате читает газету'). Напротив, при постпозитивном употреблении zai (если оно возможно) предлог и указанные суффиксы в линейном ряду исключают друг друга (нельзя сказать* ta zuozhe zai yizi-shang, а лишь: ta zuozai yizi-shang 'Он сидит на стуле'; нельзя сказать* ta zuoxialai zai yizi-shang, а лишь ta zuozai yizi-shang 'Он сел на стул'). Наличие послеглагольного прямого дополнения также может быть препятствием для постановки в постпозицию предложного комплекса; так, при возможности dengzai zheli 'ждать здесь' невозможно deng ni zai zheli (с постпозицией предложного комплекса); а лишь zai zheli deng ni 'ждать тебя здесь' (с препозицией предложного комплекса);

4) предложные комплексы широко употребляются в препозитивной детерминантной позиции (начальной позиции предложения). Здесь встречаются почти все предлоги, кроме ba, gei, yong, he и некот. др. Особенно употребительны комплексы с предлогом zai (zai women xiangxia yi cun-de ren dou renshi 'В нашей деревне все знают друг друга; zai wo ji nanguo-de shihou wode fuqin muqin bu neng quan wo 'Когда мне очень тяжело, мои отец и мать не могут помочь мне советом' (Ба Цзинь).

Итак, мы рассмотрели два функциональных типа синтаксических средств китайского языка: 1) синтаксические средства прямой синтаксической значимости, служащие целям формирования тех или иных синтаксических позиций и обнаруживающие ту или иную степень индифферентности по отношению к категориальной отнесенности слов, выступающих в этих позициях; 2) синтаксические средства не прямой синтаксической значимости, обслуживающие функционирование определенного класса слов в различных синтаксических позициях и обнаруживающие разную степень независимости по отношению к последним.

Наблюдения показывают, что все эти средства в своем функционировании связаны между собой и взаимообусловлены. Так, порядок слов (та или иная позиция функциональных компонентов синтаксических структур), являясь необходимым условием формально-синтаксической организации различных синтаксических структур,

далеко не всегда является условием достаточным, что требует привлечения тех или иных дополнительных синтаксических средств. С другой стороны, использование этих последних осуществляется на фоне определенного словоупорядка, если речь идет о таких чисто синтаксических средствах, как de, shi, или же на фоне комбинации словоупорядка и других средств в прямой синтаксической зависимости (de, shi), если речь идет о средствах, обслуживающих функционирование определенного класса слов, с чем связаны показанные выше особенности употребления последних.

В чем сущность грамматического механизма, регулирующего процесс взаимодействия различных синтаксических средств, используемых для формальной организации китайского предложения? Как может быть объяснена специфика употребления тех или иных средств? Ответ на эти вопросы требует обращения к понятию синтаксического значения, экспликации представления о присущей китайскому языку системе синтаксических значений, что может явиться задачей другой работы.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Щутова Е.И. Вопросы теории синтаксиса (на основе сопоставления китайского и русского языков). - М., 1984. - С.91-96.
2. Hanyu zhuyu binyu wenti (Проблемы подлежащего и дополнения в китайском языке). - Beijing. Zhonghua zhuji chubai, 1956.
3. См.: Щутова Е.И. О синтаксических представлениях китайских ученых. - П конференция по китайскому языкознанию (Сборник тезисов). - М., 1986. - С.82-84; Lü Shuxiang. Hanyu yufa fenxi (Проблемы грамматического анализа китайского языка). - Beijing. Zhonghua shuju, 1955.
4. См.: Щутова Е.И. Вопросы теории ..., с. 62, 93 и др.
5. Рождественский Ю.В. О служебном слове de современного китайского языка // Вопросы языка и литературы стран Востока. - М., 1958.
6. Щутова Е.И. Вопросы теории ..., с. 301.
7. Wang Li. Zhongguo yufa lilin (Теория китайской грамматики). - Beijing. Zhonghua shuju, 1955. - С.330-350.

8. Cao Mingkai. Nanyu yufa lun (Принципы китайской грамматики). Beijing. Kexue chubanshi, 1957.

9. Коротков Н.Н., Рождественский Ю.В., Сердюченко Г.П., Солнцев В.М. Китайский язык. - М., 1961. - С.107-110.

10. Горелов В.И. О некоторых омонимичных предлогах и союзах китайского языка // Учен. зап. Института международных отношений. Вып. II, серия филологическая. - М., 1963. - С.73-75; Янкивер С.Б. К вопросу разграничения предлогов и союзов в современном китайском языке // Краткие сообщения Института народов Азии. - № 69. Языкознание. - М., 1964.

11. Ср.: Ранинская Н.Г. Инверсия прямого дополнения со служебным словом *ba* в современном китайском языке: Канд. дис. - М., 1953; Wang Huan. "Ba" zi ju he "bei" zi ju (Предложения с "ба" и "бэй"). - Shanghai. Xin zhishi chubanshe; Щутова Е.И. Способы выражения объектных отношений (конструкция с предлогом *ba*) // Китайский язык. Вопросы синтаксиса. - М., 1963.

Е.А.Кузьменков

СТАТУС СЛУЖЕБНОГО СЛОВА В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Лингвистическая традиция сохраняет понятие "служебное слово" для многих современных языковых моделей. Кроме того, данное понятие обладает известной мерой универсальности, что позволяет включить его в число параметров структурной типологии: говорят об "аналитическом языке" и о степени аналитичности языка, т.е. о частотности служебных слов¹. Все это возможно, несмотря на трудности определения служебного слова. Но, как ни странно, при противоречивости многих определений² на практике контроверса "служебное слово//знаменательное слово" разрешается чаще всего без особых трудностей, и лишь отдельные частности нуждаются в уточнениях.

Таким образом, остается лишь увязать традицию "де-факто" с традицией "де-юре", или, другими словами, логически непротиворечиво эксплицировать объем понятия "служебное слово", которое, по всей видимости, является и структурно, и психологически адекватным. Мы попытаемся это сделать на материале монгольского языка.

В часто встречающемся определении служебное слово - слово с несамостоятельным (грамматическим) значением, которое не может быть отдельным членом предложения и служит для выражения синтаксических зависимостей³. Это - традиция "де-юре".

К классу служебных слов относят предлоги (соответственно: послелоги), артикли, союзы, служебные глаголы и некоторые другие лексические единицы в различных языках. Это - традиция "де-факто".

Приведенное выше определение лишь частично покрывает класс служебных слов: артикли, счетные слова, вспомогательные глаголы не маркируют синтаксических зависимостей. Пользоваться противопоставлением грамматического значения лексическому также невозможно, поскольку для него нет собственно семантических критериев, а базируется оно как раз на противопоставлении корень//аффикс, знаменательное слово//служебное слово, т.е. здесь - очевидная рекурсия.

Разумеется, определенный ряд значений чаще всего выражается именно грамматически, т.е. с помощью служебных слов и

аффиксов (например, грамматическое время глагола), и можно ориентироваться на какой-то "корпус грамматических значений"; однако ясно, что такой подход позволяет лишь оценить вероятность выражения того или иного значения грамматическим способом, но не более того.

Существенным и необходимым признаком является то, что служебное слово не является самостоятельным членом предложения: это относится ко всем традиционно выделяемым служебным словам. Если служебное слово → не член предложения, то отсюда: член предложения → знаменательное слово (это признак достаточный, но не необходимый для определения знаменательного слова).

Употребление этого критерия предусматривает определенную синтаксическую модель: "традиционная грамматика" или грамматика Тенъера, где минимальная синтаксическая единица – член предложения – определяется как функциональная единица. Это определение придется взять за основу, так как установить линейные границы члена предложения мы не можем, пока не определим служебные слова. Однако, как известно, с понятием "синтаксическая функция" работать довольно трудно⁴. Сам термин "функция" употребляется ныне скорее в прагматическом, чем в грамматическом смысле, а его определение стало настолько "фундаментальным", что напоминает более философский, нежели лингвистический конструкт⁵.

Но и для функции в узком смысле трудно выбрать такие признаки, которые характеризовали бы ее как класс синтаксических единиц. Здесь, на наш взгляд, возможен только парадигматический подход: сопоставление различных сегментов текста и идентификация сходных функциональных элементов. Конкретным воплощением такого подхода может быть признак "задай вопрос".

Это означает, что член предложения сопоставляется с вопросительным словом в одном и том же контексте, причем считается, что данный член предложения и данное вопросительное слово функционально идентичны. Нефункциональный сегмент текста (не член предложения) с вопросительным словом сопоставлен быть не может. Такое соответствие члена предложения и вопросительного слова может служить определителем функции, если предположить, что нам известны функции вопросительных слов в

различных контекстах.

В применении этого признака бывают неясные случаи, когда вопроса задать нельзя, но функция словоформы представляется более или менее определенной. Так проявляют себя слова типа вовсе, еще, уже. Иногда эти слова вместе с более, очень относятся к служебным⁶, но это представляется неоправданным.

Дело в том, что признаки "задай вопрос" и "функциональная единица" связаны не двойной (взаимнооднозначное соответствие), а простой импликацией, и поэтому отрицательное значение первого признака (вопрос никак не задать) не дает отрицания второго (нефункциональность).

Класс местоимений, который используется для практического применения признака "задай вопрос", в монгольском языке довольно обширен (есть и глаголы с дейктическим значением) и позволяет употребить данный тест по отношению к трем основным типам традиционно выделяемых в монголистике служебных слов: к послелогам, союзам и вспомогательным глаголам. Рассмотрим несколько примеров.

Послелог дэргэд⁷, например, в сочетании байшингийн дэргэд 'около дома' свободно заменяется на вопросительное слово: байшингийн хаана – букв. 'дома (род. п.) где'. Таким образом, по нашему тексту дэргэд – знаменательное слово. Встречаются и менее ясные случаи; например, послелог дээр 'на, над, выше, кроме' в предложении номыг ширээн дээр тавина 'оставит книгу на столе' также способен заменяться на вопросительное местоимение: номыг ширээний хаана тавих вэ? 'в какое место стола (букв. 'стола (род.п.) где') положить книгу?', но здесь, как видим, подчиненное слово ширээн = 'стол' по-разному оформлено: при дээр оно стоит в атрибутивной форме ширээн, а при хаана – в форме родительного падежа ширээний. Поскольку невозможно доказать, что атрибутивная и генитивная формы формируют здесь идентичный вид связи (все как раз говорит об обратном), прямую замену дээр на вопросительное слово в данном примере следует признать невозможной. Это оставляет вопрос о служебности/знаменательности дээр открытым.

По тесту "задай вопрос" традиционные послелоги делятся на два подкласса: знаменательные слова типа дэргэд и слова с неясным статусом типа дээр. Но это касается только послелогов

с пространственным значением. Эти же слова с зависимыми частями (аналог подчинительных союзов в других языках) замены вопросительным словом не допускают. То же происходит и при употреблении их в любых других значениях, кроме пространственных, например, түүний дар 'кроме того'.

Сочинительные союзы также не могут заменяться вопросительными словами, например, болон 'и' в предложении улсын драмын болон дуурь бүжгийн театрт очсон юм 'побывал в государственном драматическом (театре) и в театре оперы и балета'.

Вспомогательный глагол байх образует аналитические формы "прогрессива"⁸: Дорж гудамжаар явж байна 'Дорж идет по улице'. Вопрос Дорж гудамжаар явж яах нь вэ? 'Дорж идет по улице и что же?' прямо не соотносится с исходным предложением, хотя формально вопросительное слово заменяет байна и стоит на его месте. Поэтому байна может быть нефункциональным элементом и, возможно, это – служебное слово.

По-видимому, вопрос к последнему компоненту сложного глагольного сказуемого задать вообще нельзя, даже если оно составлено из заведомо знаменательных слов, например: Дорж гэрт гүйж орно 'Дорж вбегает в юрту' (значение 'вбегает' выражено сочетанием глагола способа движения гүйж 'бежать' и глагола направленного движения орох 'входить, перемещаться внутрь чего-либо'); здесь замена орох на яах также не дает "вопроса к предложению". Поэтому наш тест не в состоянии выделить знаменательные глаголы среди словоформ в таких позициях.

Проясняет дело другой признак, коррелирующий с признаком "задай вопрос": самостоятельным членом предложения можно считать такой сегмент текста, который встречается в абсолютном употреблении. Этот признак, так же, как и предыдущий, носит парадигматический характер. В первом случае мы сравнивали фразы с разными словами в одном и том же контексте (исследуемое слово и вопросительное). Задача состояла в том, чтобы идентифицировать функции этих слов. Теперь мы тоже будем сравнивать фразы, в одной из которых будем удалять все словоформы, зависимые от исследуемого слова. Задача будет состоять в том, чтобы идентифицировать сходные сегменты по значению.

Для рассмотренных слов этот признак дает примерно те же результаты. И дэргэд 'около' и дээр 'сверху' (только не дээр

в значении 'кроме') употребляются абсолютно, но обычно с аффиксом личного (дэргэд нь 'около него') или безличного (дэргэдээ 'около себя') притяжания. Хотя притяжание в данном случае факультативно, но без него в абсолютном употреблении этих слов обходятся редко, лишь в устойчивых выражениях типа дээр дүрдсэн 'вышеупомянутый'.

"Настоящие" послелоги (термин Ш.Барайшира – жинхэнэ дагавар үг) вроде дээр 'кроме', туй 'так как' абсолютного употребления вообще не допускают. То же можно сказать и о сочинительных союзах.

Абсолютное употребление вспомогательных глаголов – это для традиционной грамматики конструкция "подлежащее + сказуемое", для грамматики Теньера – "сказуемое". Таким образом, в последнем случае тест на абсолютное употребление эквивалентен проверке на "фразовое слово" (эта эквивалентность не универсальна – существуют нефразовые слова, употребляющиеся абсолютно, например, усилительные наречия). В любом случае, при переходе от Дорж гудамжаар явж байна 'Дорж идет по улице' к Дорж байна 'Дорж есть' или байна 'есть', мы получаем глагол существования, который едва ли можно идентифицировать в рамках одной и той же лексики со вспомогательным глаголом в первом предложении.

Знаменательный глагол в составе сложного сказуемого допускает абсолютное употребление. Ср.: Дорж гэрт гүйж орно 'Дорж вбегает в юрту' – Дорж орно 'Дорж входит'. Здесь нет никаких оснований считать, что употреблены разные лексемы.

Признаки "задай вопрос" и "абсолютное употребление" дают сходные результаты для слов, служебность которых мы пытаемся установить. Оба признака, по-видимому, отражают оппозицию "функциональная/нефункциональная словоформа", но не тождественны этой оппозиции.

Чтобы нефункциональную словоформу признать служебной, необходимы дополнительные условия, которые выявили бы специфику данного понятия. Эти условия должны быть общими с теми характеристиками, которыми обладают служебные морфемы, находящиеся в составе словоформ, а именно: служебное слово встречается всегда в одном и том же окружении, оно незаменимо (в грамматическом смысле), служебное слово входит в состав огра-

ниченных сравнительно небольших классов и сочетается со словами из классов, не ограниченных ни качественно, ни количественно.

Эти свойства служебного слова представляют собой определенные аспекты более абстрактного признака, который можно охарактеризовать как "регулярность".

Регулярностью обладают "настоящие" послелого, союзы и вспомогательные глаголы. Наречия (послелого) местного значения типа дээр не обладают регулярностью по всем аспектам.

Регулярность, так же, как и нефункциональность, признак необходимый, но не достаточный: ею обладают некоторые классы знаменательных слов, например, местоимения и числительные.

Признаки служебного слова "нефункциональность" и "регулярность" выражают основные структурные свойства служебного слова. Первый - в плане функциональном, в плане внешней дистрибуции, второй - в плане внутренней дистрибуции служебного слова в составе аналитической формы.

Сумма этих признаков - необходимый и достаточный признак служебного слова. Применение его к монгольскому языку дает следующую картину:

Усилительные наречия <u>тас</u> , <u>мац</u> и т.д.	Служебные слова "настоящие" послелого (напр., <u>тул</u>) сочинительные союзы (напр., <u>олон</u>), вспомогательные глаголы (напр., <u>байх</u>)	Числительные, наречия и т.д.
нефункциональность		регулярность

Мы "оправдали" традиционно выделяемые типы служебных слов, за исключением пространственных наречий, которые (хотя и не всегда категорично) должны быть отнесены к знаменательным словам по тестам "задай вопрос" или "абсолютное употребление".

Еще один аспект рассматриваемой проблемы - оппозиция "служебное слово/аффикс".

Благодаря устойчивому строгому левоасимметричному порядку слов, в монгольском языке присутствует изоморфизм синтетических и аналитических форм. Сравним морфологическую структу-

ру монгольского слова и синтаксическую структуру монгольской аналитической формы.

Слово представляет собой цепочку морфем, состоящую из корня и присоединяемых к нему постпозитивно аффиксов (постфиксов). В любой аналитической форме к знаменательному слову постпозитивно присоединяется служебное.

Любое мыслимое сочетание морфем, в том числе и "голый" корень, функционирует как словоформа (исключение: корни так называемых "изобразительных слов"). То же можно сказать и о тех сегментах аналитических форм, которые остаются за вычетом служебных слов. В других языках иначе: например, русская словоформа стоде употребляется только в составе аналитической формы с предлогом.

Соединение корня и аффикса, знаменательного и служебного слова в монгольском языке неразделимы в одинаковой степени. Строгий левоасимметричный порядок слов и строгий порядок морфем в слове не допускают вставления корня между корнем и аффиксом и вставления знаменательного слова между частями аналитической формы. В отдельных аналитических формах возможна вставка частиц д и ц, например, яриал д байна 'все еще говорят'. Но строго ограниченный список вставляемых элементов эквивалентен отсутствию вставок¹⁰.

Это правило не касается случая "вынесения за скобку", когда однородные члены оформляются одним словоизменительным формантом. Но и здесь аффикс и служебное слово ведут себя совершенно аналогично. Ср.: молыг зурсан 'нарисовал дерево', мол үүлэг зурсан 'нарисовал дерево и гору'; эрх чөлөөний төлөө тэмтэж байна 'боремся за свободу', эрх чөлөө, тусгаар тогтнолын төлөө тэмтэж байна 'боремся за свободу и независимость'.

Дистрибуция аффиксов и служебных слов имеет сходные черты. Наверное, можно говорить даже о тождестве черт. Ограниченное число аффиксов присоединяется к неограниченному числу основ. Ограниченное число служебных слов соединяется с неограниченным числом знаменательных.

Служебные слова вместе с аффиксами образуют системы, которые можно представить как расширенные парадигмы, например, падежных аффиксов и послелогов, синтетических и аналитических глагольных форм. Эти системы объединяет функциональное единство и общность категорий. Так, глагольные формы обеих

разновидностей выражают в различных комбинациях модальные и аспектные значения, а падежи и послелоги, вероятно, даже находятся в отношениях комплементарной синтаксической дистрибуции.

Монгольские служебные слова и аффиксы в структурном, дистрибутивном планах ничем формально не отличаются. Некоторые различия действительно структурного характера, которые можно наблюдать в употреблении аффиксов и служебных слов, не могут быть различительным признаком, поскольку являются не качественными, а часто количественными. Речь идет об "управлении", которым обладают служебные слова. Послелоги, например, часто присоединяются к знаменательным словам посредством падежей: засахн туул 'чтобы исправить', үүнээс гална 'кроме этого'. Вспомогательные глаголы соединяются не с основами знаменательных слов, а с формами деепричастий и причастий, например, явж (деепр.) байна 'идет', барьсан (прич.) байна 'построили'. Естественно, что говорить об управлении аффиксов не приходится, поскольку управление – термин синтаксический, а не морфологический. Но употребляя термин "управление", мы уже решаем (заранее!), что в данном случае аналитическое, а не синтетическое слово. Суть же дела в том, что несколько служебных морфем (выразимся пока так, не имея критерия для отличия служебного слова от аффикса) следуют друг за другом. Но примерно то же самое можно наблюдать и в соединениях морфем, которые мы по традиции называем аффиксами. Известны комбинации падежных аффиксов: Доржийнд 'к Доржу' (родительный + дательный), дүнхтэйг 'то, что в сумке' (совместный + винительный), наращение нескольких глагольных аффиксов: явлагсан 'имел обыкновение ходить' (суффиксы многократного и перфектного причастий). Комбинации формантов чаще встречаются в аналитических формах, но неизвестно, насколько чаще такие комбинации должны встречаться, чтобы считать тот или иной формант служебным словом, а не аффиксом. Можно судить лишь о степени агглютинированности морфемы, но ни о какой более или менее выраженной границе между служебным словом и аффиксом в плане данного признака говорить не приходится. Строгой упорядоченностью (присоединяются только к основе и не сочетаются друг с другом) обладают лишь аффиксы финитных форм глагола и деепричастий,

но было бы слишком смелым отнести все остальные грамматические морфемы к служебным словам.

Вопрос все-таки остается открытым, хотя и меняет направление: что же заставляет монголистов относить одни форманты к аффиксам, а другие к служебным словам?

Этот вопрос уже не грамматический, а скорее психологический. По всей вероятности, монголисты (как и носители монгольского языка) учитывают, сознательно или бессознательно, сосуществование знаменательных и служебных слов-омонимов типа дээр 'на, сверху' и дээр 'кроме', байна 'есть' и байна – вспомогательный глагол в прогрессиве и т.п. Значения этих слов разошлись не настолько, чтобы безусловно воспринимать их как разные лексемы. В самом деле, в значениях 'сверху' и 'кроме' довольно много общего, а байна в смысле существования субъекта, выраженного подлежащим, и байна как выразитель существования действия в какой-то определенный момент времени (смысл прогрессива) не так уж далеки по семантике.

Различение полисемии и омонимии всегда основано на некотором произволе, особенно если омонимия развивается из полисемии, а не обусловлена случайным совпадением формы. Произвол этот питается ассоциациями и диссоциациями, которые подкрепляются семантическим сходством или различием. В случае значительного семантического сходства или прозрачности деривации омонимия осознается с трудом. Видимо, в этом причина того, что такие служебные слова, как байна, остаются словами в сознании как носителей языка, так и исследователей.

Часто встречающееся соображение о том, что служебное слово превращается в аффикс, когда оно начинает подвергаться сингармонизму и ассимиляции согласных, неправомерно. Дело в том, что практически все служебные слова в той или иной мере агглютинируются и подчиняются сингармонизму, не говоря уже о том, что так ведут себя и знаменательные слова, особенно в устойчивых сочетаниях. Редукция и ассимиляция служебных слов происходит особенно активно тогда, когда они теряют свою ассоциативную связь со знаменательным словом-прототипом. Так, глагольные дериваты на -чих и -аалхи, обозначающие перфективность, однократность, иногда интенсивность, ведут свое происхождение, как принято считать, от аналитических форм со вспомогательным

глаголом орхих (от глагола орхих 'бросать'), например, явж орхих или яваад орхих 'уйти'. Потеря ассоциативной связи с глаголом-прототипом очевидна, поскольку употребительны соответствующие дериваты и самого глагола орхих: орхиолохъ 'брось'. Для сравнения: прогрессивная форма глагола байх 'быть', т.е. байж байна, хотя и принципиально возможна, но употребляется редко и небезупречно по стилю.

Можно представить себе такой путь развития аналитической формы: сначала полисемия развивается в омонимию; если омонимия полностью осознается, мы можем иногда наблюдать и финал этого процесса, когда служебный элемент в качестве аффикса фиксируется в орфографии, а бывшее служебное слово "сочетается само с собой" (как в примере с орхих). Вероятно, таков путь развития большинства служебных элементов в монгольском языке.

Процесс "знаменательное слово → служебное слово → аффикс" трудно представить в виде скачкообразного, дискретного. Не следует отвергать существование промежуточных форм, в которых признаки знаменательного слова хотя и присутствуют, но начинают отходить на задний план, а признаки служебного слова еще не возобладали, но начинают проявляться во все большей степени. В современном языке мы являемся свидетелями расщепления наречия дээр, которое может употребляться и как послелог-падеж довольно широкого значения. Ср.: даалгавар дээр өгөх букв.: 'давать на задание' (напр., ученикам). Дээр теряет управление родительным падежом, которое имел еще в классическом языке, сохраняя его лишь для употребления в значении 'кроме'. Может быть, стоит, отделив наречие дээр и служебное слово дээр, последнее уже не делить далее на омонимы, как мы не делим, например, дательно-местный падеж на несколько падежей разного значения. В любом случае и для развитых служебных элементов, и для промежуточных форм основные сложности заключаются в семантической идентификации их в разных контекстах.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Квантитативная типология языков Азии и Африки. - Л., 1982.
2. Аналитические конструкции в языках различных типов. - М.,

1965.

3. Словарь лингвистических терминов. - М., 1966. - С.433; Реформатский А.А. Введение в языковедение. - М., 1967. - С. 72.
4. Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. - Л., 1977. - С. 91.
5. См.: Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. - Л., 1987. - С. 17 и далее.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение, с. 202.
7. Служебными словами считают дэргэд и т.п. слова Б.Х.Тодаева, Г.Д.Санисеев, знаменательными - Ш.Барайшир, Ш.Лувсанвандан; см.: Тодаева Б.Х. Грамматика монгольского языка. Фонетика. Морфология. - М., 1951. - С. 157; Санисеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. - М., 1953. - С. 204 и след.; Барайшир Ш. Орчин цагийн монгол хэлний дагавар үгийн тухай. - Улаанбаатар, 1958. - С. 5; Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. - Улаанбаатар, 1968. - С. 25.
8. Дугарова Г.С. Оппозиция "прогрессив - непрогрессив" в современном монгольском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1988.
9. Барайшир Ш. Орчин цагийн...
10. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. - М., 1963. - С. 90.
11. Возможно, это только кажется слишком смелым. Вспомним раздельное написание падежных формантов в старописьменной орфографии.

ВРЕМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ИМЕНАМИ ДЕЙСТВИЯ В ТАЗОВСКОМ ДИАЛЕКТЕ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА И ИХ АНАЛОГИ В ДРУГИХ ДИАЛЕКТАХ

В данной статье нам хотелось бы рассмотреть одну из разновидностей конструкций с именами действия в тазовском диалекте селькупского языка – конструкции временной семантики. Поскольку имена действия (далее ИД) распространены не во всех диалектах селькупского языка, то при выявлении способов выражения временных отношений в поле нашего зрения попадают и другие формальные виды конструкций, функционально аналогичные тазовским.

ИД – инфинитивные формы глагола, сохраняющие его категориальные признаки: "это номинализации, не выходящие за рамки глагольной лексики"¹. В селькупском языке, как и в других самодийских языках, для образования ИД используется аффиксация. Вслед за авторами "Очерков по селькупскому языку" мы выделяем в тазовском диалекте два ИД: основное, наиболее широко распространенное ИД₁ с показателем $[(p+t)]\bar{a}$ и более редкое ИД₂ с ku ². ИД могут принимать падежное оформление (хотя парадигма склонения ИД₁ не полна, а ИД₂ может употребляться только с показателем родительного падежа), сочетаться с послелогам и оформляться лично-притяжательными аффиксами. ИД способны возглавлять зависимые предикативные узлы в ШПК, передающих временные (ИД₁ и ИД₂), причинные и целевые отношения (только ИД₁). На данном этапе исследования за недостаточностью языкового материала мы еще не можем ставить себе задачу строго описать конструкции с ИД₂ и разграничить сферы использования ИД₁ и ИД₂ в ШПК временного значения. Мы сейчас опишем только именные конструкции (далее ИК) с ИД₁, которые используются в тазовском диалекте для выражения временных отношений значительно шире, чем конструкции с ИД₂ (последних имеется около 10 примеров, часть которых мы приведем ниже).

Здесь использованы в основном полевые материалы двух диалектов: тазовского и среднеобского, полученные нами в экспедициях в места проживания селькупов. Привлекаются также приме-

ры из рукописных и опубликованных источников по елогуйскому говору (относящимся наряду с тазовским к северному наречию), кетскому, тымскому диалектам, среднеобским говорам (входящим в южный лингвистический ареал)³.

Как уже отмечалось, в употреблении ИД по диалектам имеются различия, которые мы сейчас кратко рассмотрим. Если в большинстве диалектов северного наречия ИД используются довольно широко, то в южном ситуация иная. Так, например, исследователь глагольной системы кетского диалекта Н.Г.Кузнецова считает, что ИД полностью субстантивировались, их показатели стали деривационными суффиксами имен существительных⁴. В среднеобских говорах и в тымском диалекте носители языка предпочитают передавать зависимое действие не в форме ИД, а другими средствами: финитной формой глагола, деепричастием, инфинитивом. ИД в этой функции наблюдается редко. Для елогуйского говора использование ИД в зависимой части не характерно⁵. Наиболее же активно ИД образуются от глагольных основ в тазовском диалекте, где они могут выполнять функцию не только зависимого предиката, но и основного предиката в сочетании с отрицательной частицей $sa\bar{a}$.

Все имеющиеся в нашем распоряжении конструкции мы распределили по трем группам, исходя из традиционно выделяемых значений одновременности, следования, предшествования. При рассмотрении мы будем обращать внимание на модально-временные формы сказуемых главной части (ГЧ) и зависимой части (ЗЧ), их аспектуальные характеристики, лексическое наполнение. Описывая семантические типы временных конструкций, мы будем также фиксировать некоторые элементы их структурной организации (падежную или падежно-послеложную форму ИД, обязательность/факультативность лично-притяжательного оформления, наличие/отсутствие собственного субъекта ЗЧ, грамматические характеристики подлежащего ЗЧ). Но их полное структурное описание – задача дальнейшего исследования.

Описание конструкций, входящих в каждую группу, начнем с выражения одновременности. Сразу оговоримся, что в процессе дальнейшей работы список ИК и их аналогов, а также факторов, влияющих на формирование того или иного временного значения, может дополняться и уточняться.

И. ОДНОВРЕМЕННОСТЬ

В тазовском диалекте для выражения одновременности используются три ИК: а) ИД₁ в местном падеже: $T_v=pt\ddot{a}=qin=//$ (здесь // - позиция личного притяжения); б) ИД₁ в родительном падеже с послелогом $kuntj\ T_v=pt\ddot{a}=n\ kuntj$; в) ИД₂ в родительном падеже с тем же послелогом: $T_v=ku=n=//\ kuntj$. Первая конструкция употребляется для выражения простой одновременности, две последние - ограничительной.

а) $T_v=pt\ddot{a}=qin=//$. Примеры: Кр. $Apa=n=i$ (род.п. + притяжат. аффикс I-го л. ед.ч.) $koga=pt\ddot{a}=qin\ \ddot{s}ottj\ imijami\ \ddot{u}risj$ - Когда мой отец ездил в тайгу, умерла моя бабушка; $Kinom\ tatj=pt\ddot{a}=qin=tin$ (субъект ЗЧ выражен лично-притяжат. аффиксом 3-го л. мн.ч. $-tin$ при ИД) $m\ddot{e}rqj\ qumj\in uk\ddot{o}n\ q\ddot{e}nq\ddot{o}tj\in kluptj$ - Когда в село привозят кино, старики первыми (раньше) идут в клуб; $\ddot{S}otirj=n\ ep=t\ddot{a}=qin\ tan\ topj\ddot{m}tj\in k\ddot{i}m\ddot{i}can\ nitakk\ddot{o}\ tin$ - Когда лежит наст, олени в кровь сбивают ноги; $Man\ \ddot{u}ci=pt\ddot{a}=qan\ ors\ddot{a}\ nun\ddot{i}cica\ddot{n}$ - Когда я работаю, я сильно устаю.

Как показывают примеры, действие ГЧ обычно отнесено в план прошедшего или настоящего, сказуемое ГЧ является глаголом движения или состояния, показатель ИД₁ присоединяется к основе глагола без аспектуальных показателей. Конструкция имеет моно- и разносубъектную реализации. Подлежащее ЗЧ в большинстве примеров имеет форму родительного падежа. Пример с подлежащим в именительном падеже нам встретился в материалах Г.Н.Прокофьева: $L\ddot{o}Zb-irap\ ty\ am\ddot{D}b=pt\ddot{a}=q\ddot{a}n=D\ q\ddot{a}n\ddot{D}b\ddot{t}\ r\ddot{y}r\ddot{y}m\ddot{B}l\ddot{a}\ w\ddot{a}r\ddot{e}-l\ddot{y}n\ddot{D}\ddot{a}t\ddot{b}t$ (СГ., с.103) - Черта-старика огонь когда пожирал, искры его жужжа залетали.

ИД₁ может иметь лично-притяжательное оформление, но закономерности его появления установить пока не удалось. Отметим сейчас лишь то, что в большинстве имеющихся в нашей выборке примеров, если ИК моносубъектна и субъект представлен местоимением I-го л. ед.ч., ИД₁ не получает никакого оформления. Приведем примеры: Кр. $Man\ \ddot{s}otqj\in koga=pt\ddot{a}=qan\ m\ddot{e}ttoqj\ tan\ aramtj\ cotj\ddot{s}am$ - Когда я ездил в тайгу, по дороге встретил твоего отца; $Man\ amur=\ddot{a}=qan\ mulj\ddot{m}pjq\ddot{a}\ \ddot{a}\ddot{s}\ kija\ddot{n}$ - Когда я ем, я не люблю разговаривать; $Man\ imtj\in ep=t\ddot{a}=qan\ man\ tol'\ cis\ddot{a}\ cat-kj\ddot{s}\ddot{a}\ kaltj\ddot{r}j\ddot{s}a\ddot{n}$ - Когда я была молодая, я тоже быстро ходила на лыжах.

б) $T_v=pt\ddot{a}=n=//\ kuntj$. Эта ИК выражает ограничительную одновременность: событие ГЧ протекает в рамках события ЗЧ. Например: Кр. $Uc\ddot{i}ttj=pt\ddot{a}=n=i\ kuntj\ t\ddot{i}mtj\ ilj\ddot{m}tan$ - Пока я учусь, я буду жить здесь; $P\ddot{o}ntj\ kuntj\ amas\ddot{a}\ ilj=pt\ddot{a}=n=i\ t\ kuntj\ katj\ c\ddot{a}j\ddot{k}a\ totj\ddot{p}t\ddot{a}$ - Пока в течение года мы жили у матери, никто не ссорился; $Mat\ ijam\ \ddot{e}ti=pt\ddot{a}=n=i\ kuntj\ lipkjm\ddot{o}va$ - Пока я ждала сына, стало совсем темно; $T\ddot{e}pit\ koga=pt\ddot{a}=t\ kuntj\ man\ ar\ddot{e}jm\ m\ddot{e}sam$ - Пока он ходил в магазин, я приготовила еду.

Значение ограничения во времени определяется здесь семантикой временного послелога $kuntj$ - 'в течение'. Во всех примерах нашей выборки ИД₁ оформлено лично-притяжательными аффиксами, если только субъект ЗЧ - не 3-е л. ед.ч. Примеры с этой ИК мы находим в материалах М.А.Кастрена-Т.Лехтисало: $mat\ paara=tj\ddot{a}=n=e\ kund\ t\ddot{a}r\ddot{a}k\ kural\ddot{d}\ddot{a}$ (К-Л., с.256). - Я пока воротился (букв. моего возвращения-моего во время), белка убежала; $mat\ tupal\ddot{d}\ddot{s}=\ddot{a}=n=e\ kund\ pangam\ yreind$ (К-Л., с.256) - Я пока тряс, ножики потерялся; $mat\ yt\ r\ddot{o}\ddot{c}=\ddot{a}=n=e\ kund\ (od.\ r\ddot{o}\ddot{c}e=pt\ddot{a}=n=e\ kund)\ aat\ddot{a}t\ kuraln\ddot{a}det$ (К-Л., с.256) - Я пока воду согрел, олени убежали.

в) $T_v=ku=n=//\ kuntj$. Эта конструкция встретилась нам в материалах М.А.Кастрена-Т.Лехтисало: $mat\ typ\ \ddot{c}\ddot{a}da=ku=n\ kund\ \ddot{e}teld\ddot{s}e\ddot{n}gej\ddot{e}\ddot{a}$ - Я пока огонь добуду, он пусть подождет; $mat\ typ\ tjaade=ku=n\ \ddot{e}teld\ddot{s}e\ddot{s}e\ddot{n}g$ (К-Л., с.256) - Я пока огонь добуду, ожидай; $man\ mee=ku=n\ kund$ (К-Л., с.256) - Я пока делаю; $tat\ konde=ku=n=d\ kund\ mat\ kuend\ddot{s}ang$ (К-Л., с.256) - Ты пока спишь, я уйду.

Так, для выражения ограничительной одновременности в основном употребляется ИД₁, но возможно и ИД₂. Оба они оформляются аффиксом родительного падежа и сочетаются с послелогом $kuntj$. О различии в их употреблении пока можно сделать лишь предварительные выводы: если действие происходило в прошлом, то используется только ИД₁. Когда же действия относятся к непротекшему, о чем свидетельствует форма финитного глагола в ГЧ (императива настоящего или будущего времени индикатива), то в подавляющем большинстве предложений используется также ИД₁, но тем не менее отмечено и употребление ИД₂, напр.: $ku\ddot{c}ar=\ddot{a}=ne\ kund\ od.\ ku\ddot{c}ar=gu=ne\ kund$ (К-Л., с.256) - Когда я уйду, в наших же полях материалы в конструкциях

ограничительной одновременности зафиксировано только ИД₁. Информанты, с которыми мы работали, ни разу не дали во фразах, предполагающих употребление ИД₂, эту форму: Kp.qəɬic= sə=qin qəlicciɟ qumɨn karɨn məššikʰtɨn – Во время ловли рыбы рыбаки встают рано; Sɔntɨr-ə=qin-tɨn ɬja ʉrtolpati untajti – Когда (они) играли, мальчик потерял бурки; Aksɨɬic= sə=qin urkʰtɨn – Во время сбора грибов можно заблудиться. – Это дает некоторые основания предположить, что если ИД₂ и существовало, то в данном диалекте оно вытеснилось ИД₁. Однако для других диалектов мы не можем исключать иного соотношения в употреблении ИД₁ и ИД₂, но их выявление возможно только в процессе дальнейшей работы с информантами.

Кроме ИК в тазовском диалекте для выражения одновременно-
ности употребляются и аналитические конструкции с союзом *kusvat*
'когда' (диалектные варианты *kuššaqin*, *kužat* и др.), который
занимает преимущественно инициальную позицию в предложении.
Напр.: *Kp. Kuššaqin kanak amirna təm nehaj ėna* – Когда собака
ест, она злая; *Mərki ėvıvı kuššaqin mē ėvmin koltit contō-*
qin – Ветер поднялся, когда мы были на середине реки.

Перейдем теперь к рассмотрению выражения одновременности в других диалектах селькупского языка.

В нашей выборке по среднеобским говорам ИД₁ во временных конструкциях одновременности представлено лишь в нескольких примерах: Нел. Mat il-tä=ɣit tındj kudınaj ā kumba - Пока здесь живу, никто не умирал; Man aureŭ=tä=ɣak kanam ustolt əkjıt 5 mda - В то время, как я ем, собака у стола сидит.

В остальных диалектах и говорах используются аналитические конструкции с союзом 'когда', имеющим различные фонетические варианты в зависимости от диалекта. Примеры: Кел. куа́-рын ʔо: ты́тым тол'деко́тын м'ел' де туке́н'ит па́стух (СШ, с.30) - Когда оленей считают, всегда приезжает пастух. - В Ласкино (ср. обск.) это предложение переводится следующим образом: Kužan aždelaŕ tornädit okirle pastux kwaĵak - 'арк. Ка:Гь н'у́н'ок есс, тӕп б:ка́лджукс музыканди... (ДМ, с.269) - Когда он был маленький, он обучался музыке.

Для выражения ограничительной одновременности в елогуйском и среднеобских говорах используются более сложные конструкции, в качестве союзов привлекаются знаменательные слова

par 'raz', mori 'конец', сочетание местоимения na 'тот, этот' с послелогом kunti. Приведем примеры перевода одних и тех же фраз в Келлоге и Ласкино: В то время как я разводил костер, чужая собака съела мой хлеб – Кел. наморуунд кутыр ман'ч' отис'анг т'уйм мен'ий канынг ?апс'ит ман'н'ейм (ССII, с.34) – Ласк. Na parat kak mat tūnažar panejšrak kjt kanak man'nažm afiD ; Пока мы оделись, пошел сильный дождь – Кел. наткунде м'е с'ерал' тес'омн кес'ит морг серенде (ССII, с.34). Ласк. Kužan tni cambedešpit kek fāralši.

В последнем примере употребляется одновременный союз *kuzan* 'когда', а длительность действия ЗЧ подчеркивается аффиксом *br*.

Таким образом, для выражения одновременности в тазовском диалекте преобладает синтетический тип, хотя встречается и аналитический; в других диалектах селькупского языка ведущим является аналитический тип, И в функции сказуемого ЭЧ практически не встречается.

П. Следование главного события за событием ЗЧ.

Сразу отметим, что из всех инфинитных форм, участвующих в передаче следования, самая частотная — деэпричастие на *leble* (в таз. диалекте **lā + pulā*)⁶, поэтому ЧК для выражения общего следования используются гораздо реже, чем для выражения других временных значений.

В тазовском диалекте следование передается двумя ИК:

а) ИД в местном падеже: $T_V = pt\bar{a} = qjn = //$; б) ИД в родительном падеже с послелогом $n\bar{o}ni$: $T_V = pt\bar{a} = n = //$ $n\bar{o}ni$.

а) $T_V = pt\bar{a} = qin //$. Эта ИК уже рассматривалась нами в связи с выражением одновременности. Она же употребляется для выражения общего следования. Примеры: $Kp.Najm \bar{i} = pt\bar{a} = qan = tj$
 $makka s\bar{a} t\bar{u}lantj$ - Когда купишь хлеба, приходи ко мне; $\bar{S}enkin$
 $tatj = pt\bar{a} = qin imatj t\bar{o} hinkilsjt$ - Когда он принес глущаря, жена его ободрала; $\bar{I}ll\bar{a} ma\bar{s}ip \bar{u}ti = pt\bar{a} = qin = tj moqin\bar{a} t\bar{u}$
 nit (Оч., с.392), - Когда меня похороните, домой придите.

В этих примерах временная связь не может осознаваться как одновременность, само лексическое наполнение сказуемых не позволяет соотнести действия как происходящие одновременно, это отдельные события, факты, которые следуют друг за другом. Однако в некоторых случаях четкая граница между зна-

чениями одновременности и следования размыта, возможна двойная интерпретация. Например: *Ma püntj laka qontj-ptā=qan-tj* *qaltj iltj pintj* (Оч., с.392) – Этот камень, когда спать ляжешь, под подушку положи. Видимо, в данном случае акцентировать следование событий не столь важно. Если же это представляется значимым, то являются лексические или аспектуальные показатели, сигнализирующие о смене событий. Например, в предложении: Кр. *Amamj fajatiŋ pir=al-tā=qitj muntj 5mtisimj amirlā* – Когда мать напекла лепешек, все сели есть, – появление суффикса =al в сказуемом ЗЧ свидетельствует о завершенности действия.

Мы приходим к выводу, что ИК *T_y=ptā=qin=//* является конструкцией общей временной соотнесенности, которая может приобретать либо значение одновременности, либо следования в зависимости от лексических и грамматических характеристик сказуемых.

б) *T_y=ptā=n=// n3nj*. Эта конструкция выражает ограниченное следование: Кр. *Təpit qənpj-ptā=n n3nj nokir pōtj qəntj* – С тех пор, как ты уехал, прошло три года; *Mat celan-tā=n n3nj ɛsiimi ɤarijmasoqin il3tj* – С тех пор, как я родилась, родители живут в Красноселькупе; *Totalj-ptā=n n3ni təm masə a3a muljpa* – С тех пор, как мы поссорились, он со мной не разговаривает; *Man ɛsiimi tɤinj qən-tā=n n3nj ɛtsarj pōti qəntj* – С тех пор, как мои родители отсюда уехали, прошло 20 лет.

Если общее и ограниченное следование выражаются в таз. диалекте с помощью ИК, то близкое следование, когда временной интервал между событиями ГЧ и ЗЧ незначителен, – союзами *kekki-sā, car, ompi car, kuttar* ⁷: Кр. *Kekkjsā mat somevak qūtala iramj* – Только я успела поправиться, заболел муж; *Ompi car pi3kanmɤ m3cam kutjkoɤ laŋkalintj* – Как только я поднял ружье, кто-то закричал; *Car cattam ɛipatiŋ n3nj m3c3tj* – Как только я выстрелил, утка вспорхнула в небо; *Mat kuttar tɤnaŋ toj qumjɤ tɤn3tj* – Как только я приехал, пришли соседи.

Аналитические конструкции используются и для передачи общего следования: Кр. *Ku33aqin amatj qəssj i3atj cūralasj* – Когда мать ушла, ребенок заплакал; *Mat ku33at p3var pokor l3rkim3va* – Когда я разыскал снасти, стало совсем темно.

В других говорах ИК, выражающие следование, пока не зафиксированы. В среднеобских говорах для выражения семантики общего следования, если события локализируются в плане прошедшего, используется конструкция, в которой в качестве союза выступает сочетание *qan mandleble* (*mandleble* – послелог 'через, после'⁸, букв. 'того прошедши'); если же события обращены в будущее, то используется не деепричастие предшествования от глагола *māndiqu* 'проходить', а деепричастие того же глагола с показателем -lā – *māndilā*. Примеры: Ласк. *Nan mandleble ku3an mi tōjut mi ti3andət kadu3* – После того, как мы приехали, мы вам сказали; *Nan mandleble kak ɛ3adəm3j pōt mat para3ak* – После того, как прошло два года, я вернулся; *ɛidi cel māndilā kak kwellage kwaso3jɤ ellage* – Через два дня после того, как уеду, буду жить в городе; *Okkij car māndilā kak awerlage ū3ugu kwallage* – Через один час после того, как поем, пойду на работу.

Для выражения ограничительного следования в среднеобских говорах в ЗЧ употребляется сочетание *na para3indo ku3an*, *na para3it*, состоящее из местоимения *na* 'тот, этот', слова *par* 'раз' в безличном или лично-притяжательном склонении местного падежа и союза *ku3an*. В елогуйском говоре используется сочетание *tonaitj kutj* (*tona* – 'этот'): С тех пор, как мы сюда приехали, прошло четыре года – Кел. тон'ан' иты кутыр и'е ты тусбмын кес'ит т'етте пон' (ССII, с.29); Ласк. *Na para3indo ku3an mi tōjut mānnimba tətj pōt* – С тех пор, как я пошел в колхоз, жизнь моя улучшилась. Кел. тон'ан' иты кутыр ма'м'е; с' ис' анг колхозником ман' ? ил'иптем нуруомос' ит (ССII, с.29); Ласк. *Na para3it ku3an mat kalhozənd ɛ3er3ak man elitjɤ faŋ ɛ3a*.

В тазовском диалекте отношения следования передаются конструкциями с ИЧ₁ в местном падеже лично-притяжательного склонения и ИЧ₂ в родительном падеже с послелогом *n3 nj*, в елогуйском говоре и в среднеобских говорах используются фразеологизованные сочетания союзного типа. Во всех диалектах употребляются аналитические конструкции с союзом *ku3an*, а в тазовском диалекте и другие союзы.

III. Предшествование действия ГЧ действием ЗЧ.

В тазовском диалекте предшествование выражается следую-

шими ИК: а) ИД в местном падеже в сопровождении союза *taraša* $T_v=ptā=qin=//$ б) ИД в родительном падеже с послелогом *tatti*: $T_v=ptā=n=//$ *tatti*. Первая конструкция передает общее и близкое предшествование, вторая – ограничительное.

а) *taraša* $T_v=ptā=qin=//$. Союз *taraša* представляет собой сочетание союза *tara* 'пока' и отрицательной частицы *ašša* 'нет'. В большинстве предложений он находится в начале ЗЧ, но иногда, в основном в разносубъектных конструкциях, может занимать и послеподлежащую позицию. Примеры: Кр. *Tat taraša qəntāqanti man tassa muljmentan* – Прежде чем ты уедешь, я хочу поговорить с тобой; *Sirjın taraša cūptāqin mōtti iccontōmin tol'cisä* – Пока снег не растает, к дому будем ходить на лыжах; *Man ni ukın tūntan tē taraša qənnē-ptāqintin* – Я приду туда раньше, чем вы уедете; *Taraša mat-tim purqaltiptāqinti qəllōmin* – Пока снегом не занесло дорогу, поедем; *Taraša ulkat qəntāqinti tər melti icisä qəlija* – Пока не пошел лед, он часто ходил рыбачить; *Taraša qənti-ptāqin mat tontiponnōni caskimim tō ikilsit* – Перед тем, как ложиться спать, я убрала чашки.

б) $T_v=ptā=n=//$ *tatti*. Мы располагаем пока всего двумя примерами этой ИК: Кр. *Katja taraša qutalıptānti tatti ilisj kətsanijati tərjın mıkın* – До тех пор, пока Катя не заболела, внучка жила у нее; *Tər šūtirisj repkimotāt tatti* – Она шила, пока (до тех пор пока) не стемнело.

Что же касается употребления ИК в других диалектах, то нам пока встретился единственный пример в среднеобских говорах: Нел. *Tabletkap ūdelage tara aur-ptā=p* – Таблетку выпью, пока еще не поела. Этот пример интересен тем, что ИД оформляется здесь не лично-притяжательными показателями, а личным аффиксом финитного глагола объектного спряжения – *p*.

В рассматриваемых говорах союз *tara* появляется в аналитических конструкциях, передающих ограничительное следование, т.е. действие ГЧ длится до наступления действия ЗЧ.

Нел. *Na pa ja tara tōmba ni tanuptj wədəkut amdaj* – До того, как пришла эта старуха, мы с тобой вдвоем сидели; *Tat tara tōmand mat cu pakalešpak* – До того, как ты пришла, я землю рыл; *Tarcel wažak i celdj tara wašemba* – Сегодня я встала до того, как солнце взошло.

Как видно из примеров, позиция союза *tara* не является строго закрепленной. В сказуемом ЗЧ присутствует аффикс, который, по мнению Л.В.Моревой, является показателем прошедшего перфективного времени в среднеобских говорах, обозначающим результат действия к моменту речи⁹. Союз *tara* может встречаться в южном наречии и в сращении с отрицательной частицей *ašša*: Ив. *Taraza kumbak kigaŋ koŋku mažondə* – Пока я не умер, съезжу я в тайгу еще раз.

Часто для выражения предшествования заимствуется из русского языка союз *пока*. Наряду с ним употребляется и союз *kužat* 'когда'. Например: Тухт. *Amdak tindi paka mat cwišsə tōllage* – Сиди здесь, пока я не вернусь; Нан. *Kužat mažond kwenzand tūlder nado eja proweringu* – Прежде чем идти на охоту, надо было проверить ружье; Ив. *Tartel mat narešpizat nagirip paka mat aza tōmba* – Сегодня я писал письмо, пока он не вернулся домой.

Итак, предшествование в тазовском диалекте в подавляющем большинстве примеров выражается аналитико-синтетической конструкцией *taraša* $T_v=ptā=qin=//$, могут употребляться и аналитические конструкции, которые в южном ареале являются преобладающими.

И отметим последнее: во всех диалектах селькупского языка, а в особенности в диалектах южного наречия, часто встречаются предложения, в которых временное соотношение передается без специальных показателей: простым соположением ЗЧ и ГЧ. Важную роль при этом играют модально-временные характеристики сказуемых обеих частей. Например: Тухт. *Mat layalžak vattə šonžəRot šviralža* (КП, с.107) – Когда я дошел до середины реки, дождь пошел. Кел. *tebt t' ū sotyn mott' kanaity mutoty* (ССП, с.92) – (Когда) они к чумам пришли, собаки залаяли; Ласк. *Mat tōlage ti kwallage ūrgu* – (Когда) я вернусь, вы купаться пойдете; Нан. *šir a wattipə cōmbat nado sažigu* – (Пока) снегом не занесло дорогу, надо ехать.

Бессоюзные сложные предложения являются типичными не только для селькупского языка, но и для других самодийских языков¹⁰.

Подведем итоги. В тазовском диалекте в выражении временных отношений участвует ИД в местном падеже и ИД в родительном падеже. ИД в местном падеже формирует две ИК: $T_v=ptā=qin=//$

и $\text{tarasä } T_v = \text{ptä} = \text{qin} = //$. Первая ИК является конструкцией общей временной соотнесенности, конкретный грамматический смысл которой, — одновременность или следование — зависит от смыслового содержания сказуемых ГЧ и ЗЧ, их аспектуальных характеристик. Вторая выражает различные семантические оттенки предшествования.

ИД в родительном падеже образует послеложные ИК: $T_v = \text{ptä} = \text{n} = //$ kuntj , $T_v = \text{ptä} = \text{n} = //$ n5nj , $T_v = \text{ptä} = \text{n} = //$ tettj . Все эти три ИК передают ограничение одновременности, следования и предшествования соответственно, что определяется семантикой послелога.

В современном тазовском диалекте ИД₂ для передачи временных отношений, по-видимому, практически не используется.

Наряду с ИК в тазовском диалекте широко употребляются и аналитические конструкции. Наибольшее развитие союзы получили при выражении следования. Самым универсальным временным союзом является союз käzät 'когда'.

В южном наречии ИК не получили распространения, выражаемые ими отношения передаются аналитическими конструкциями, в которых в качестве средств связи используются не только союзы, но и различные сочетания слов.

Бессоюзные сложные предложения характерны для всех диалектов селькупского языка.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. — Новосибирск, 1986. — С. 49.

2. А.И.Кузнецова, Е.А.Хелимский, Е.В.Грушкина. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. — М., 1980. — С. 250–253.

3. В примерах из опубликованных источников мы сохраняем орфографию авторов. Фразы, полученные от информантов или из рукописных материалов кабинета общего языкознания Томского педагогического института (в основном мы привлекаем сложные предложения, записанные Ю.А.Моревым в пос. Ласкино и В.В.Быковых в пос. Нельмач), записаны в ФУТ.

4. Н.Г.Кузнецова. Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. —

Тарту, 1987. — С. 17.

5. Мы делаем такой вывод на основе анализа опубликованных сложноподчиненных предложений, записанных Н.М.Воеводиной в Келлоге (См.: Сказки народов Сибирского Севера. — Томск, 1976. — С. 29–44).

6. Традиционно деепричастие на leble (в таз. диалекте $\text{lä} + \text{pulä}$) называют деепричастием предшествования. Но этот морфологический термин противоречит синтаксической природе сложных конструкций, в которых опорным является действие ГЧ. Получается, что конструкции с деепричастием на leble ($\text{lä} + \text{pulä}$) выражают здесь не предшествование действия ЗЧ действию ГЧ, а следование действия ГЧ за зависимым действием.

7. О различии употребления этих союзов в зависимости от длительности временного интервала между действиями ГЧ и ЗЧ см.: А.И.Кузнецова, Е.А.Хелимский, Е.В.Грушкина. Очерки..., с. 403–404.

8. Быконя В.В. К вопросу о средствах выражения временных отношений в селькупском языке // Строй самодийских и енисейских языков. — Томск, 1987. — С. 12.

9. Морева Л.В. Формы прошедшего времени в среднеобских говорах селькупского языка // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. — Омск, 1983. — С. 57.

10. Альве П. О развитии структуры предложений в уральских языках // Специфические особенности лексики и грамматики уральских языков. — Финно-угристика, 6. Вып. 517. — Тарту, 1980. — С. 19.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ив. — Иванкино	Кел. — Келлог	Кр. — Красноселькуп
Ласк. — Ласкино	Марк. — Марково	Нап. — Напас
Нел. — Нельмач	Тюхт. — Тюхтерево	

ДМ — Кузьмина А.И. Диалектологические материалы по селькупскому языку // Исследования по языку и фольклору, вып. II. — Новосибирск, 1967.

К-Л. Castrén M., Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien. — Helsinki, 1960.

КП — Беккер Э.Г. Категория падежа в селькупском языке. — Томск, 1978.

- Оч. - Кузнецова А.И. и др. Очерки ...
 СТ - Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. - М., 1935.
 ССII - Воеводина Н.М. Сложноподчиненные предложения // Сказки народов Сибирского Севера, вып. II. - Томск, 1976.

И.А.Невская

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЯ НА =П
 ОТ ГЛАГОЛА ПОЛ= В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ

I.0. Глагол пол= (бол=, буол=) является основным связочным глаголом как в шорском, так и в других тюркских языках. Отдельные его формы, специализируясь на выражении синтаксических отношений, во многих языках превратились или превращаются в служебные слова. В современном якутском языке это деепричастие на =аң, отрицательное деепричастие и условная форма от глагола буол= 'быть, становиться, делаться'¹, формы болзо и болуп в алтайском языке², болза, болгаш, болганда в тувинском³, боп в казахском и т.д. Тенденцию к грамматикализации форм бытийных глаголов отмечают исследователи монгольских (в частности, бурятского⁴) и тунгусо-маньчжурских (например, эвенкийского⁵) языков.

I.1. В шорском языке тенденцию к грамматикализации обнаруживают несколько форм глагола пол= 'быть, становиться'. Например, его условная форма 3-го л. ед.ч. полза развивает функции служебного слова - показателя темы высказывания (подобные функции наблюдаются и у аналогичных форм в якутском и тувинском языках⁶). Например:

Канаттыг куштары полза, уйазын таштап учуктылар (ШГ, 214) - Крылатые птицы (букв.: Что же до крылатых птиц, то они...; Что касается крылатых птиц...), гнезда свои бросив, улетели; Ылар чада-чада келгеннерин, ай полза алышты, чыл полза эртишти (ШГ, 214) - Когда они так жили, месяцы (букв.: что касается месяцев, то они...) сменяли друг друга, годы (букв.: что касается лет, то...) проходили; Артык полза шабыппаанчалар, артык полза тебишпеенчалар (ШФ, 90) - Бьют и топчут друг друга одинаково - никто не ополевает (букв.: Что касается силы (кто сильнее), то они не побивают друг друга).

Эту функцию формы полза можно сопоставить с функциями русских постпозитивных частиц же и то, которые также могут выступать как одно из средств выражения актуального членения предложения: (Она любила его спокойный и ласковый тон в деревне.) В городе же он постоянно казался беспокоен и настороже; (Не желаете говорить), а молчать-то страшнее; Уроки-то выучил?⁷

В отличие от русского языка, в котором вхождение цанных частиц не изменяет структурной модели простого предложения, в шорском языке фразы со словом полза в выделительной функции строятся по модели моносубъектного полипредикативного предложения, причем полза может принимать аффиксы лица: Мен ползам, кинога парбассым (ШНМ) – Что касается меня, я в кино не пойду. Полипредикативные по форме, такие предложения вряд ли могут быть расценены как полипропозитивные. В русском языке также существуют специальные синтаксические конструкции, выражающие актуальное членение, например, предложения, построенные по схеме "что касается + род.п. существительного + то + предикативная основа любого строения": Что касается отъезда, то он будет отложен. В этом предложении первая часть, внешне похожая на придаточное предложение, не является предикативной единицей и не имеет обязательно присутствующего всякой предикативной единице модально-временного плана⁸.

1.2. Если семантика условной формы и ее использование в языке послужили основой для образования на ее базе служебных слов с выделительной функцией, то семантика и функционирование формы отрицательного деепричастия от глагола 'быть' предопределяют ее развитие в служебное слово союзного типа с семантикой взаимоисключающего противопоставления. Например, в якутском языке: Онно ыт буолбакка сирэйэ танас сабылаах киһи туура – Там не собака, а человек, у которого на лице имелась маска, стоял⁹. Аналогичный процесс, по-видимому, происходит и в шорском: По мун келген кара пага полбаан, по алган кыстың энези, поң, казнези полган полтур (ШН, 29) – Та черная лягушка, на которой он ехал верхом, не была лягушкой, а была матерью его жены, его тещей, оказывается.

1.3. Формы полза и полганда также тяготеют к грамматикализации, используя в составном глагольном сказуемом зависимой предикативной единицы (ЗПЕ). Двойственность их природы проявляется в том, что они, с одной стороны, входят в состав аналитического сказуемого, принимая аффиксы лица (пол=ган=ым=па, пол=за=м), а с другой, подобно индоевропейским союзам, выражают синтаксические отношения между ЗПЕ и главной предикативной единицей (ПЕ), (преимущественно именные – полганда и условные – полза). Вопрос о статусе аналогичных форм ставят ис-

следователи алтайского¹⁰ и тувинского¹¹ языков.

2.0. Сейчас мы хотим подробнее рассмотреть грамматикализацию формы деепричастия на =п бытийного глагола в шорском языке. Наша задача – во-первых, показать функционирование служебных слов, формирующихся на базе формы полып в шорском языке, во-вторых, соотнести их с различными функциями глагола пол= для выявления источников и путей их становления.

Глагол пол= в шорском языке полифункционален: он выступает как бытийный, как связочный, как часть аналитической модальной формы, а также как часть сложной временной формы или составного модального сказуемого. Для того, чтобы описать пути формирования служебных слов на базе формы полып, мы рассматривали функционирование глагола пол= вначале в финитной, затем в инфинитной позициях, пытаясь выделить те факторы, которые способствовали или, напротив, препятствовали (в том случае, если глагол пол= в какой-либо функции не превращается в служебное слово) этому процессу.

2.1. Форма деепричастия на =п от глагола пол= в шорском языке дает нам целый спектр служебных слов: во-первых, показатель сравнения как в именных, так и в глагольных конструкциях; во-вторых, служебное слово со значением 'в качестве', выполняющее функцию идентифицирующего послелога; в-третьих, служебное слово с причинно-целевым значением, сочетающееся как с именными, так и с глагольными формами. Такой функциональный и семантический разброс формы полып объясняется, во-первых, особым статусом глагола пол=: широтой и абстрактностью его семантики, практически неограниченными сочетательными способностями, разнообразием его функций, многие из которых стали базой формирования служебных слов; во-вторых, неопределенностью семантики самой деепричастной формы на =п, которая показывает, что действие глагола каким-то образом связано с действием другого глагола, не уточняя характера данной взаимосвязи. Конкретные синтаксические отношения, передаваемые этой формой, – причинные, целевые, уступительные, условные, временные и т.д. – определяются семантикой глаголов в деепричастной и финитной формах, контекстом и экстралингвистическими факторами (жизненный опыт, естественный порядок вещей и т.д.).

3.0. Рассмотрим употребление слова полып в качестве служеб-

ного в сравнительных, идентифицирующих и каузальных именных конструкциях в шорском языке.

3.1. Полып как показатель сравнения.

В именных конструкциях передает специфическую разновидность сравнительного значения – сравнение–отождествление, описанную в близкородственном алтайском языке Л.Н.Тыбыковой¹². Формула данной конструкции – ММполып, где первое имя – это предмет сравнения, второе – эталон сравнения, полып – показатель сравнения. Можно выделить следующие варианты сравнительного значения: собственно сравнительно–отождествительное, сравнительно–отождествительное с элементами гиперболизации, метафорическое сравнительно–отождествительное. Примеры: Сай полып сьбгү оопылпы, кум полып сьбгү оопылпы (ААРС, 220) – Как мелкая галька кости разрушились, как песок кости рассыпались (собственно сравнительно–отождествительное значение; сравнительный оборот выполняет функцию обстоятельства способа действия – "песком став, кости рассыпались", между оборотом с полып и финитным глаголом ощущаются причинно–следственные отношения); Аксының каны айры полып, кёксиниң каны кыл полчер (ШФ, 30, 31) – Кровь из его рта ручьем течет, кровь из его спины озером становится (сравнение–отождествление с элементами гиперболизации; сравнительный оборот выполняет функцию предиката ЗПЕ; букв.: Кровь его рта – как ручей...); Киж чүзи ырт полып, чыда пажы чыш полып туршы (ШГ, 59) – Их лица были как пожар, наконецники пик словно хвойный лес стояли (первый оборот с полып передает значение метафорического сравнения–отождествления, функция – предикат ЗПЕ; второй оборот с полып передает значение сравнения–отождествления, где присутствуют как элемент метафоры, так и элемент гиперболизации. Функцию его можно оценить как обстоятельственную: оборот с полып характеризует финитный глагол со стороны образа его действия; но в то же время оборот с полып и финитный глагол так тесно спаяны семантически и функционально, что, возможно, мы в данном случае имеем дело со сложным глагольно–именным сказуемым).

3.2. Полып как служебное слово со значением 'в качестве'.

В русском языке оборот с союзом как в значении 'в качестве' связывает именные словоформы, одна из которых определяет предмет по функции, например, 'я пришла к вам как к комму-

нисту', 'я расценил его слова как поддержку'. В условиях обособления такой оборот сочетает в себе значение сущности и причины: 'Он, как человек с добрым сердцем, сердился редко',¹³ Подобные значения передаются и словом полып в шорском языке: (1) Кара калачы полуп, кундус кузечи полуп, оолакты азырап чапа перпи (ШФ, 186) – Мальчика воспитывать стала, ночью непрерывно сторожа, днем постоянно охраняя (букв.: как ночной сторож, ночным сторожем будучи); (2) Адайдың, кустуң, жімілі полып алганым жадып калпы (ААРС, 93) – Муж мой лежит мертвым, как пища собак и птиц ("спелавшись пищей для собак и птиц"); (3) Корчагын полып садак тубуне кайлып тус жапыр (ААРС, 118) – В качестве свинца расплавилось и упало на дно колчана; (4) Карга јілан куш полып кастым тептим тегей–ле (ААРС, 196) – Ворона, как дрянная птица, скажет, наверное: "Я гуся подшибла".

Оборот с полып в предложении выполняет функцию обстоятельства образа действия (1), результата (2) и причины (3, 4).

3.3. Полып как служебное слово со значением обусловленности в именных конструкциях.

Первым элементом конструкции могут быть любые падежные формы существительных, а также другие именные формы. Оборот передает значение обусловленности, в конкретных случаях это будет значение причины, цели, предназначения, условия: Акча–га–ла полып, иштепча (ШНМ) – Ради денег только он и работает (цель); Меең кызым кбруместең болуп куч кал жууруп жапыр (ААРС, 122) – Дочь моя из–за пьявола жестоко мучается (причина–стимул, вызывающий эмоциональную реакцию); сага болуп келдім (ААРС, 261) – я пришел из–за тебя (причина). Данные конструкции используются крайне редко, видимо, потому, что есть более специализированные способы выражения комплекса значений обусловленности.

4.0. По–видимому, источником для формирования полып как служебного слова в именных конструкциях сравнительной, идентифицирующей и каузальной семантики послужило функционирование глагола пол в качестве связочного в составе именного сказуемого.

4.1. В шорском языке представлено: 1) простое именное сказуемое, в котором спрягается само имя, принимая аффиксы лично–предикативного типа¹⁴ (в отличие от близкородственного

алтайского языка, где спряжение имени практически утрачено¹⁵⁾; 2) составное именное сказуемое, в котором имеется глагол-связка (пол= или е= 'быть') и присвязочная именная часть (предикатив). "Спряжение" имени носит ограниченный характер: оно возможно только при отнесении предикативного признака к плану настоящего времени и, кроме того, оно не является строго обязательным. Аффиксы лица принимает любая именная форма, функционирующая как предикатив: Мен анычыбын/бым – Я – охотник; Амчы мен катчыбым/бын – Теперь я грамотный; Сен чагысказынъ – ма, оолагаш? (ШГ, 254) – Ты один ли, сынок? Ограниченный характер спряжения имени проявляется и в том, что при отрицании аффиксы лица принимает на себя отрицательная частица эмес, восходящая к форме причастия на =бас от бытийного глагола е= 'быть, существовать, являться': Пис кичиг оганнар эбеспис (ШГ, 254) – Мы не маленькие дети. Составное именное сказуемое распространено гораздо шире. Глагол-связка пол= или его эквивалент – полусвязочный глагол обязательно присутствуют при отнесении предикативного признака к планам прошедшего или будущего времени, а также если именное предложение попадает в позицию ЗПЕ. В этом последнем случае формируются следующие служебные слова: показатели сравнения, послелого (?) с идентифицирующим значением, причинные послелого, оформляющие именные конструкции.

4.2. Рассмотрим пути формирования сравнительного и идентифицирующего служебных слов. В качестве именного компонента при попы в данных конструкциях используется имя существительное (одно или с определяющими его словами): N₁ + пып.

Формально конструкции с идентифицирующим и со сравнительным значением не разведены. Однозначное понимание семантики попы в каждом конкретном случае достигается путем оценки соотношений значений имени носителя признака и имени признака (в исходном именном предложении, в финитной позиции, это будет соотношение значений подлежащего и предикатива). Уже в простом предложении носитель признака может получать от имени признака образную или необразную характеристику. Сравним: 1) Меең абам аңчы – Мой отец охотник и 2) Ол оюн поларчы (ЧФС, 61) – Она – вихрь (Она напоминает вихрь, она как вихрь). В первом предложении имени протагониста сообщения приписывается

признак, который позволяет присоединить его к классу других предметов или лиц, обладающих такой же характеристикой. Во втором предложении хотя и используется идентичная структурная модель, протагонист сообщения получает характеристику иного рода. Оценка семантики имени признака, его соотношение с семантикой имени его носителя, реальное положение дел, наш жизненный опыт убеждают нас, что она не относится к классу вихрей. В данном случае имя признака служит образной характеристикой носителя данного признака, подчеркивающей его уникальность, выделенность из всех ему подобных предметов, его декларируемое тождество с совершенно ему не родственным предметом на основании какой-либо его особенности, возводимой в абсолют и представляемой как образ, символ этого предмета: Саргар парган чер үстү сарыг кемис пол турча (ЧФС, 10) – Пожелтевшая поверхность земли желтым ковром лежит (как желтый ковер, подобно желтому ковру); Олген сббги таг полды, тбгулген каны суг полды (ШГ, 208) – Мертвые кости стали горой, разлившаяся кровь превратилась в реку (как река). Такие именные предложения дают, на наш взгляд, базу для формирования служебного слова со значением сравнения-отождествления в шорском языке: Тайга попы эт турпы, талай попы арага урулды (ШГ, 208) – Как гора мясо стояло (букв.: горой будучи...), как море (морем будучи...) водка была налита. Именные же классифицирующие предложения послужили базой для становления служебного слова со значением 'в качестве, как': Пис палыкчылар попы пурнап парлыбас (ШГ, 208) – Мы отправились сперва в качестве рыбаков.

4.3. Если отношения сравнения или идентификации устанавливаются уже на уровне простого именного предложения и "наследуются" словом попы в позиции связки в ЗПЕ, то источником формирования причинного послелога, на наш взгляд, послужили уже собственно полипредикативные конструкции с именной ЗПЕ и отношениями обусловленности между ЗПЕ и ППЕ. Рассмотрим их подробнее.

Именное предложение в позиции ЗПЕ получает связку в виде той или иной инфинитной формы глагола пол=, даже если в аналогичной финитной ПЕ связка вообще отсутствовала. Это может быть условная форма глагола пол= или форма на =ганда, в зависимости от тех конкретных смысловых отношений, которые необхо-

димо обозначить между ЗПЕ и ППЕ. Если же эти отношения осознаются недостаточно четко, то употребляется форма на п. Деепричастие на п глагола пол часто выражает причинные, шире – каузальные отношения между ЗПЕ и ППЕ: Апшак палазы аны угып, ұрғұне аарак полып ... тедир (ШН,6) – Сын медведя, это услышав, обрадовавшись, сказал... (ЗПЕ передает причинные отношения между событиями в ЗПЕ и ППЕ); КЫп полып чабал полганче, ас полып чакшы ползын (ШГ,163) – Лучше густь будет мало, да хорошо, чем много, да плохо (букв.: много будучи, плохо чем будет, мало будучи, хорошо пусть будет; ЗПЕ передает условные отношения – "если много будучи..."); Сен мени атпа, позырма* пирге ал пар, мен сага ажа пире шенде керек полыбок (полып + частица ок) парарбын, тедир (ШН,5-6) – Ты меня с конем возьми с собой вместе и поезжай, я если тебе в какое-то время нужным окажусь, то я поеду, он сказал (условные отношения); Чатса, турза – тең подуп, чабал адай шенок кабышчалар (ШФ,90) – Хоть стоят, хоть лежат – (оба) равными будучи, как злые собаки друг друга хватают (причинные отношения); Кара Мукунун, кужу артык полуп, мең тыныма чедип салза... (ШФ,94) – Если у Кара Мюкю силы больше окажется и он меня погубит (букв.: Кара Мюкю сила больше будучи, он меня погубит если...; ЗПЕ передает причинные отношения – "так как силы Кара Мюкю больше окажется").

Не удивительно, что передаваемые именными предложениями отношения не воспринимаются как временные, ведь временные отношения устанавливаются между двумя или более действиями, совершающимися во времени, а именное предложение в ЗПЕ передает не действие, а признак, свойство, которое часто осмысливается как причина, условие и т.д. другого, финитного действия. Это свойство именных предложений в позиции ЗПЕ отмечается и на материале казахского языка¹⁶. Именно причинная интерпретация этих отношений и служит базой для грамматикализации формы полып в качестве служебного слова с семантикой обусловленности: Сага-ла полып иштепчам (КДМ) – Для тебя только и работаю; Узун полып чолун кыскартадым, кыска полып чолун уаубадым (ШФ,24) – Длинный путь я не укорачивал, короткий путь я не удлинял (если длинный ~ из-за того, что длинный путь я не укорачивал...).

5.0. Именные конструкции с каузальным значением (формируемые словом полып) имеют, очевидно, еще один источник: глагол пол в качестве бытийного в функции простого глагольного сказуемого в ЗПЕ.

Как бытийный, глагол пол имеет значение 'быть, становиться' и является в предложении сказуемым, утверждая существование чего-либо: Соок, магат пай кижі полтыр (ЧФС, 54) – Холодный, сильный, богатый человек это был; Улуг чурт полды (ШГ, 208) – Большое селение было; Анда кбс четпес талай полган (ШГ,208) – Там текло необозримое море; Аалга тббнче чус-ле километр полар, анаң артык полбас (ШГ,209) – До улуса будет только сто километров (больше того не будет); Тайгада капыг чыл полды (ШГ,208) – В тайге был тяжелый год; Кабышкан шен пол турпы (ЧФС,40) – Время сражаться было.

Глагол пол в бытийном значении может быть и сказуемым ЗПЕ, но в качестве подлежащего при нем нам встретилось только имя непредметной семантики, называющее целое событие:

Чоок, парчын ноо полганын сельсоветке парып айт пергенмис, теп, ун перди Каңза (ЧФС,88) – Нет, все, что было, в сельсовет пошли и рассказали, – подал голос Канъза; Кайдыг керек пол парып, пезде пошка чугур чбре пердинъ, теди (ШН, 35) – по какому делу ты так далеко прибежал, сказал; Улуг чуртунда ча полып, одус чылга чеде перди (ШФ,22,23) – В великом стойбище твоим война, став, уже до тридцатого года доходит; Анчезинде, ырыс пол (<полып>), партияга кир парзам... (ЧФС, 7) – Между тем, если счастье будет, если в партию вступлю...

Деепричастная форма на п бытийного глагола является показателем того, что событие ЗПЕ находится в каком-то отношении к событию ППЕ, не уточняя характера этого отношения, чаще всего это причинные, иногда условные или просто соединительные отношения. Поскольку деепричастная форма сказуемого ЗПЕ служит средством связи ее с ППЕ наподобие индоевропейского союза, это создает предпосылки для осмысления формы полып как аналитического средства связи, а не формы зависимого сказуемого, тем более, что основное содержание передается подлежащим, а пол служит как бы способом "привязки к действительности" того события, о котором идет речь, неся на себе в финитной функции комплекс модально-временных значений.

Деепричастная форма на =п от бытийного глагола пол= также подвергается грамматикализации как показатель отношений обусловленности при имени событийной семантики: Ноо керек полып пезде манъырап парып одурзынъ, теп, сурадылар (ШН, 26) – По какому делу так торопишься, – спросили. Носители языка уже не ощущают глагольности в слове полып, хотя его исходная функция – зависимое сказуемое в ЗПЕ – очевидна, и оценивают его как послелог с причинной семантикой 'по какому делу, из-за какого дела, ради какого дела'.

Для грамматикализации формы полып как сравнительного показателя (частицы?), служебного слова с идентифицирующим значением (послелога?) и причинного послелога (?) характерен общий путь развития: от ППК с именным предложением в позиции ЗПЕ, путем дальнейшей деактуализации зависимой предикативности (дальнейший – поскольку позиция ЗПЕ уже является частично деактуализированной), к монопредикативной, (но не элементарной, не монопропозитивной) конструкции, где сохранился только один предикативный узел, а бывшая предикативность присутствует в "снятом виде". Эта генетическая (снятая, вторичная, дополнительная, деактуализированная) предикативность в предложениях со сравнительным или идентифицирующим оборотом (обороты с союзом как, в качестве), а также с причинным обстоятельством становится наиболее отчетливо видна на материале тюркских языков, в частности шорского, где соответствующие слова сохраняют материальный облик породившего их деепричастия от бытийного глагола.

Процесс лексикализации не завершен полностью. Сохраняются еще тесные генетические связи данных служебных слов с исходным деепричастием: их семантика, особенности функционирования обусловлены, мотивированы семантикой и функционированием деепричастия на =п бытийного глагола; кроме того, существует масса переходных случаев, когда форма полып может рассматриваться уже и как служебное слово (тогда, соответственно, конструкция с ним – как распространитель в простом предложении), и как деепричастие в функции зависимого предиката в ППК. О лексикализации формы полып свидетельствует потеря ею своей глагольности (носители языка уже не ощущают ее как форму, передающую семантику действия или состояния); кроме того, полып

утратила свои аспектуально-временные характеристики (невозможность оформления основы пол= аспектуальными показателями, свойственным глаголу пол=: =п тур=, =п одур=, =п чбр=, =п кал= и т.д.); наконец, конструкция имя + полып, восходя к именному предложению, получила относительную свободу, т.е. она может занимать в предложении любое место, не воспроизводя уже конструкцию породившего ее предложения.

6.0. Рассмотрим теперь функционирование полып в глагольных конструкциях со значением обусловленности и сравнения.

6.1. Полып как служебное слово со значением обусловленности в глагольных конструкциях.

Значение его также четко не определено. Если в конструкции присутствует причастие на =ган, то это скорее причина: Е јаман кул! јайнап сураганына болуп, алымынъ, ончозын таштаган едем (ААРС, 37) – Злой раб! Весь тот долг я простил тебе, потому что ты упрям. Если в конструкции присутствует причастие будущего времени, то вероятнее появление значения цели: Сени соктырбас полып, мен кырабердим (ШНМ) – Чтобы тебя не дать бить (с ног) я закричала. Такие конструкции в шорском языке редки.

6.2. Полып как показатель ирреального сравнения в глагольных конструкциях передает значение "притворности" действия. Нам встретились две разновидности такой конструкции: а) ($N_1 \rightarrow T_v = \text{ган } \text{полып}$) (ППЕ); б) ($N_1 \rightarrow T_v = \text{ган киж } \text{полып}$) (ППЕ). Элемент киж во второй конструкции является чисто структурным, это номинализатор, лишенный собственного лексического значения, часть составного глагольного сказуемого ЗПЕ:

Сен аштаган болуп, курсагымъ јип салпың (ААРС, 152) – Ты как будто бы проголодалась, мою пищу съела (здесь аштаган болуп – сказуемое ЗПЕ, выражающее значение псевдопричины действия ППЕ; возможен также вариант аштаган киж болуп); ...супарга, тезе, пазок уят, тегенде тббертин шыккан киж полып, ол чаннъ, кижилердиң (иниң) чаанда пилбезем-да, позымны пилетчин тооланчам (ЧФС, 62) – ...спросить же – тоже стыдно, так сказать, как будто из подземного мира пришедший человек, хотя обычаев людей того края не знаю, себя знатоком считаю (шыккан киж полып – сказуемое ЗПЕ со значением псевдопричины, возможна замена на шыккан полып); Чок кижидең, туган полып "Заслуга-

зын" кбргүсча (ЧФС, 5) – Притворяясь, как будто он выходец из бедняков, в "заслугу" это себе ставил (туган (кижи) полып – сказуемое ЗПЕ, семантика также псевдопричины).

Помимо семантики псевдопричины, форма на Т_у=ган (кижи) полып может передавать значения псевдоцели, псевдоусловия и т.д. в обстоятельственных ППК:

Сочинительлер, пирбеде чбп сурапчыткан полып, поэның чааны пол-келип, укчань кижини тилепчалар (КД, 39) – Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя (псевдоцель); Иштепчыткан (кижи) полып, нос одурчаң (ШНМ) – Что же ты сидишь, как будто ты работаешь? (псевдообраз действия).

Нам встретились только моносубъектные конструкции с полып в качестве показателя сравнения.

7.0. Каузальные и сравнительные глагольные конструкции со словом полып восходят, по нашему мнению, к составному глагольному сказуемому модальной семантики с глаголом пол= в качестве конечного компонента в позиции ЗПЕ, либо к сложной временной форме.

7.1. Глагол пол= с различными причастными формами основного глагола образует формы, которые Н.П.Дыренковой оцениваются по-разному: формы Т_у=ган полган, Т_у=чаткан полган, Т_у=галак полган, Т_у=чаң полган, Т_у=кадыг полган она называет формами прошедшего времени сложного: мен нанган полган 'я тогда возвратился'; мен нанчыткан полган 'я тогда возвращался'; мен нангалак полган 'я тогда еще не возвратился'; мен нанчаң полган 'я тогда должен был возвратиться'; мен ыскадыг полган 'я тогда, пожалуй, послал', 'я, возможно, послал'; формы Т_у=ган полтыр, Т_у=чаткан полтыр, Т_у=галак полтыр, Т_у=чаң полтыр она считает формами давнопрошедшего сложного: мен нанган полтырым 'я возвращался, оказывается'; мен нанчыткан полтырым 'я тогда, оказывается, возвращался'; мен нангалак полтырым 'я еще, оказывается, не возвращался'; мен нанчаң полтырым 'я, оказывается, тогда возвращаться должен был'.¹⁷ Система глагольных времен в шорском языке специально не исследовалась, поэтому оценивать статус данных образований не представляется сейчас возможным. Но судя по материалам, представленным Н.П.Дыренковой, даже эти формы, которые составляют небольшую часть

от всех возможных и реально функционирующих в языке, не однородны: в некоторых из них преобладает временное значение, а некоторые представляют действие как такое, которое должно было произойти в прошлом, но неизвестно, произошло оно или нет (Т_у=чаң полган, Т_у=чаң полтыр); действие, в совершении которого говорящий сомневается (Т_у=кадыг полган); действие, свидетелем которого говорящий не был и по поводу которого он выражает удивление (формы со вторым элементом полтыр). Поскольку в данных формах преобладает модальное значение, возможно, следует оценивать их как составное модальное сказуемое. Кроме того, Н.П.Дыренкова выделяет в шорском языке такие сочетания глагола пол= с причастными формами основного глагола, которые передают разнообразные модальные значения.¹⁸ Например, формы Т_у=ар полган, Т_у=ар полды обозначают возможность, обещание что-либо совершить в прошлом, Т_у=ган полар выражает действие вероятное, иногда сомнительное: ол келер полган (ШГ, 212) – он обещал прийти; сактаар эбес полды – ждать не обещал; мен чокта слер келген поларзар – в мое отсутствие вы, наверное, приехали. Эти формы функционируют преимущественно в финитной позиции, но некоторые из них нам встретились и в качестве предиката в ЗПЕ. Глагол пол= в этом случае принимает инфинитивную форму, в том числе и форму деепричастия на =п (полып), которая при этом проявляет тенденцию к лексикализации как служебное слово со значением обусловленности: Город парар полып ургенча – чтобы в город поехать, учиться; Мен узугалак полып, сени кбргем (ШНМ) – Так как я еще не спал, то тебя и увидел.

7.2. В шорском языке функционируют составные сказуемые с глаголом пол= в качестве конечного компонента, которые передают ирреально-модальное значение кажимости: Меэнь чүрегимге пычак казалган шени полбысты (ЧФС, 58) – В мое сердце как будто воткнулся нож; Аань сооба каткы таг небирилген чилеп пол калды (ЧФС, 60) – Вслед ему раздался такой хохот, как будто обрушилась гора; Ол паягыла маге айдып, ызайынчыткан ошкаш полган (ЧФС, 53) – Рассказывая мне об этом, он, казалось, улыбался.

Близки к данным такие составные сказуемые, которые хотя и не содержат сравнительного показателя, но все же передают сходные значения: Тигденть-мынань кабынып, Чургурукпе чбргисча, Тигипоны келиштир, Иштепчыткан полбысча (ЧФС, 68) – То там,

то здесь касаясь, Бегом пробегает, То и это увязывая, Делает вид, что работает. Данная конструкция имеет значение видимого, притворного действия. Попадая в ЗПЕ, она служит источником образования служебного слова полып со сравнительным значением: Пилбеен полып шым чатты (ШФ, 20, 21) – Притворяясь, что ничего не замечает, тихо лежал. Подобную функцию в алтайском языке выполняет служебное слово болуп¹⁹.

Пути образования служебных слов в глагольных и именных конструкциях схожи: включение простого предложения с составным модальным сказуемым в состав ППК на правах ЗПЕ, в которой пол= имеет форму полып. Но в отличие от именных конструкций следующим шагом является не опрощение конструкции путем дальнейшей деактуализации зависимой предикации (ведь основной предикатируемый признак заключен не в полып, а в другой, также глагольной, форме), а переразложение зависимого предиката, переосмысление роли полып. Освобожденное от необходимости нести аффиксы, выражающие модальные и согласовательные категории (наклонение/время, лицо, число), которые оформляли пол= в финитной позиции, полып становится "чистым" средством связи, аналогичным индоевропейскому союзу, передающим значение обусловленности или значение притворного действия, сходное со значением русского якобы. Конструкция в целом при этом остается полипредикативной.

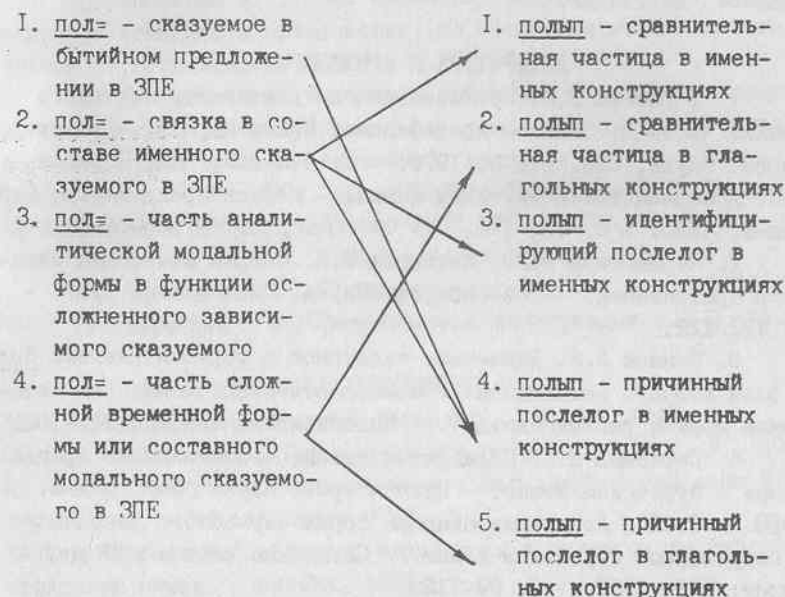
8.0. Глагол пол= входит также в ряд модальных аналитических глагольных форм: =п пол=, =п =п пол=: Мен актап ной пар-шым, иштеп полбассым (ШНМ) – Я очень устала, работать не смогу; Тблеп-тблеп полбаста, пайга парып чалганчан (ЧФС, 53) – Если расплатиться не можешь, к богачу идишь просить. В роли сказуемого ЗПЕ данные аналитические конструкции принимают инфинитную форму, в том числе и деепричастную: Алып чакшылары аттар пожат полбаан, пир четти кунге шыгара периштирлер (ШН, 42) – Лучшие из богатырей коней не могли освободить, около 7 дней делились. Глагол пол= как составная часть данных аналитических модальных форм не проявляет тенденции к лексикализации. Видимо, аналитическая модальная глагольная форма представляет собой крепко спаянное образование. Об этом свидетельствует также и невозможность вставки какого-либо слова между ее компонентами. Глагол пол= выполняет здесь важную внутрен-

нюю конструктивную роль, модальное значение выражается только всей конструкцией в целом. Очевидно, такая "идиоматичность" конструкции и препятствует отторжению от нее формы глагола пол= (при попадании конструкции в инфинитную позицию) и осмыслению данной формы как аналитического средства связи.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

Форма на =п от глагола пол= в шорском языке выполняет функции служебных слов, которые можно расценивать как омонимы: во-первых, она является показателем сравнения как в именных (передавая особый семантический тип сравнения-отождествления), так и в глагольных (выражая семантику притворного действия) конструкциях; во-вторых, она является служебным словом со значением 'как, в качестве'; в-третьих, она образует именные и глагольные конструкции с семантикой обусловленности.

Источником формирования служебных слов стало функционирование глагола пол= в различных типах сказуемого в ЗПЕ: простом глагольном, составном именном, осложненном глагольным и составном модальном. Покажем это на схеме.

Образование служебных слов от глагола пол= естественно, так как этот глагол используется в языке не только в своем прямом, бытийном значении, но и для целей чисто конструктивных. Механизм образования служебных слов, обслуживающих именные конструкции, таков. Именное предложение, становясь в позицию ЗПЕ, принимает связку в форме полып. Затем ППК, путем дальнейшей деактуализации зависимой предикации, превращается в монопредикативное, но содержащее осложняющий элемент – конструкцию N+ полып. Механизм лексикализации полып как служебного слова, образующего глагольные конструкции, несколько иной. Составное глагольное сказуемое с глаголом пол= в позиции зависимого предиката подвергается переразложению, полып осознается как аналитическое средство связи, а не как компонент составного сказуемого, конструкция остается при этом полипредикативной.

Процесс лексикализации полып не завершен. Между полып как частью именного или глагольного сказуемого в зависимой позиции и служебным словом нет резких границ, часто возможно двойное толкование.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Часть П. Сложное предложение. Книга первая. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1976. – С. 148–149, 344; Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1985. – С. 172–176.

2. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1987. – С. 121–122.

3. Шамина Л.А. Зависимое сказуемое с формами глагола бол± в роли второго компонента // Компоненты предложения (на материале языков разных систем). – Новосибирск, 1988. С. 143–154.

4. Скрибник Е.К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1988. – С. 125; Лексикализованные формы служебного глагола а= в современном бурятском языке // Служебные слова. – Новосибирск: НГУ, 1987. – С. 99–112.

5. Бродская Л.М. Вспомогательные глаголы в структуре

сложноподчиненного предложения в эвенкийском языке // Сложное предложение в языках разных систем. – Новосибирск, 1977. – С. 36–54.

6. Убрятова Е.И. Исследования..., С. 344; Шамина Л.А. Зависимое сказуемое..., С. 144.

7. Белашапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высш. школа, 1977. – С. 151–152.

8. Белашапкина В.А. Современный..., С. 152.

9. Коркина Е.И. Деепричастия..., С. 172–176.

10. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки..., С. 121–122.

11. Шамина Л.А. Зависимое сказуемое..., С. 143–154.

12. Тыбыкова Л.Н. Сравнительные конструкции алтайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1989. – С. 16.

13. Русская грамматика. Часть П. Синтаксис. – М.: Наука, 1982. – С. 176.

14. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1941. – С. 208–214.

15. Тыбыкова А.Т. Типы именного сказуемого в алтайском языке // Компоненты предложения (на материале языков разных систем). – Новосибирск, 1988. – С. 52–53.

16. Назикова Е.А. Выражение причинных отношений в современном русском литературном языке (сочетания палежей с предлогами и придаточные предложения): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1952. – С. 196–197; Тажибаева С.Д. Доклад на семинаре в Отделе филологии ИИФФ СО АН СССР.

17. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского..., с. 210.

18. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского..., с. 212–214.

19. Тыбыкова Л.Н. Сравнительные конструкции..., С. 13.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ШФ – Н.П. Дыренкова. Шорский фольклор. – М.-Л., 1940.

ШГ – Н.П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. – М.-Л., 1941.

КД – А.С. Пушкин. Капитанские кумы / Пер. на шорский язык И.Я. Арбачакова. – Новосибирск: ОГИЗ, 1941.

ААРС – Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань, 1884.

ШН – Г.Ф. Бабушкин. Шор ныбактары. – Новосибирск: ОГИЗ, 1940.

ИНФОРМАНТЫ

ШНМ - Шипачева Надежда Михайловна
КДМ - Кузьпеков Дмитрий Михайлович

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО СКРЕПОЙ ДЕП В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Описанию конструкций с формами глагола говорения де=ди посвящен ряд статей исследователей тувинского языка¹. Нас интересует только одна из структурных разновидностей конструкций изъяснительного типа, в формировании которой участвует указанный глагол. Точнее - деепричастная форма этого глагола деп: Кара-оол хурал болур деп чугаалаан (ТРС, с.720) - Кара-оол сказал, что будет собрание.

Впервые в тувиноведении анализируемые конструкции были отмечены в работе Н.Ф.Катанова. Автор указывает, что в "дополнительном предложении" глагол ти-/те- ставится в "деепричастной форме (тип, теш, теп), если дальше стоит глагол, выражающий мысль или думу, речь или слух, намерение или желание"². Т.е. в главной части употребляются глаголы, содержащие сему "оперирования информацией". Именно эти же предикаты используются в формировании склоняемых полипредикативных конструкций (ППК), требуя постановки зависимой предикативной единицы (ЗПЕ) в винительном падеже³. Но винительный падеж ЗПЕ не является единственным способом передачи информации. Она может быть передана конструкциями с прямой речью, а также специфическими синтаксическими конструкциями, которые развились на базе передачи прямой речи. В таких конструкциях зависимая часть, содержащая информацию, вводится служебным словом, каковым и является деепричастие на -п от глагола говорения - деп. Приведем для сравнения два примера:

Ол меге чугааны мен база ыннаан мен (ЕТ) - Я тоже слышал, что это лживая речь; Хурал болбас деп, ыннавааның ол бе? - Разве ты не слышал, что собрания не будет? В первом примере глагол ыннаар 'слышать' требует винительного падежа ЗПЕ, во втором скрепа деп связывает ЗПЕ с главной.

Кроме глаголов оперирования информацией, причастно-падежные изъяснительные конструкции имеют в главной ПЕ глаголы эмоциональной реакции, оценочные и другие предикаты. Эти же семантические группы предикатов мы отмечаем и в составе изъяснительных конструкций, формируемых с помощью скрепы деп. Однако, частота их употребления, да и сами группы предикатов (их наполне-

ние) в конструкциях с деп отличны от причастно-падежных управляемых ППК.

Однако, говоря о предикатах, мы прежде всего обращаем внимание на конструкции. Т.е. право рассматривать семантику предикатов мотивировано конструкцией, в которой эти глаголы реализуются. А реализуются они в конструкциях двух типов. Это, с одной стороны, управляемые причастно-падежные ППК, где сказуемое зависимой ПЕ принимает форму определенного падежа по требованию предиката главной ПЕ. С другой – разнообразные семантические типы конструкций со скрепой деп, над которой доминируют те же предикаты, что и в управляемых ППК. Наличие определенных лексико-семантических групп предикатов – общее для этих конструкций. Специфика проявляется в способах выражения субъекта ЗПЕ и характере личного оформления зависимого сказуемого. В этой статье будет показана специфика изъяснительных конструкций со скрепой деп по сравнению с управляемыми, которые исследованы коллективом авторов в работе "Предикативное склонение причастий в алтайских языках"⁴.

Итак, сновной семантический блок предикатов доминирующих над скрепой деп, представляют глаголы с общим категориальным признаком "оперирование информацией". Самым частотным в этой группе является предикат боаар 'думать'. Распространены также другие глаголы мысли: шиитпир 'решать', санаар 'считать'; обладания информацией – билир 'знать'; хранения информации – сактыр 'помнить', уттур 'забывать'; глаголы группы 'слышать' – цыңнаар, 'замечать' – эскерер, 'писать' – бижиир. Приведем примеры: Бо-даа анаа бир кижилер эвес-тир деп иштимде бодап алдым (СТ, с.167) – Про себя я подумал, что это не простые люди; Байларның кижилери-ле болгай, чүге бистиң-биле демей улус бор деп бодап олурдум (СТ, с.25) – Я подумал, что ведь вот тоже люди бая, почему же на нас похожи они; Мени ам база-ла каапкам, боду чоруй баары ол-дур деп бодап алдым (СТ, с.21) – Я подумал, что уйдет ведь сама (одна), (и) что я опять останусь.

Как видим, сказуемое ЗПЕ в этих фразах представлено сочетанием отрицательной формы "недостаточного глагола" с "частичей-связкой": эвес-тир 'не есть'; заставшей формой повозительного наклонения: болгай (бол=кай) 'ведь', деепричастием: каапкам 'оставив'. Субъект зависимого действия выражен

существительными улус, кижилер в прямом падеже. Но в последнем примере субъект зависимого действия представляет форма винительного падежа местоимения мени 'я'. Ср. еще пример этой группы: Сээң ону чиксээринни мени билбес деп бодай-пыр сен бе? (СТ, с.100) – Ты думаешь, что я не знаю, что ты их хочешь съесть? Здесь мы видим два способа выражения изъяснительных отношений. Это сложная конструкция, в составе которой две зависимых ПЕ. Линейно первая – сээң ону чиксээринни (вин.п.) – 'то, что ты хочешь их съесть'. Оформление этой ЗПЕ винительным падежом вызвано требованием глагола бил- 'знать'. Субъект зависимого действия выражен формой родительного падежа местоимения сээң 'ты'. Такое выражение субъекта ЗПЕ характерно для управляемых ППК. Далее следует ПЕ, вводимая скрепой деп, эквивалентной союзу "что": мени билбес деп 'что я не знаю'. Эту скрепу прогнозирует предикат бодаар 'думать', который находится в составе главной ПЕ – бодай-пыр сен бе? 'ты думаешь'. Форма винительного падежа местоимения I-го л. мени 'я' представляет субъект действия – обладателя информации: мени билбес деп бодай-пыр сен бе? 'ты думаешь, что я не знаю?'.
Заметим также, что все рассмотренные конструкции имеют разнособъектную реализацию. Все примеры – с нулевым личным оформлением зависимого сказуемого, независимо от лица субъекта ЗПЕ.

б) санаар 'считать':

Дыка хей аныктар кижигунге киреринге төлөнтүг деп санап турар мен (ШК, с.81) – Я считаю, что очень многие молодые достойны вступить в члены (организации); Баглааш кажан-даа куруг турбас уjurлуг деп Оолакай санап чораан... (ШК, с.28) – Оолакай считал, что коновязь никогда не должна быть пустой.

в) шиитпирлээр 'решать':

Сонгаже халыр деп шиитпирлеп алган мен (СТ, с.51) – Я решил, что прыгну в окно; Оон авамче чоруптар деп шиитпирлеп алдым (СТ, с.115) – Я решил, что оттуда поеду к матери; Чүү-даа болур чүве болза болгай аан деп шиитпирлеп алгаш, аъттыг кижиниң, соонче маңнап-ла кагдым (СТ, с.166) – Решив, что потом пусть будет что будет, я побежал за всадником. Глагол шиитпирлээр выражает здесь значение намерения, в зависимой части поэтому форма будущего времени на –р или "повозительного" на-

клонения на -кай с модальной частицей аан (болгай аан), указывающей на "разрешительность" совершения действия в будущем⁵. Семантикой предиката определяется и структурная организация конструкции: это всегда моносубъектные ППК. Так как субъект, который планирует действие, является его потенциальным исполнителем. Зависимый субъект здесь также имеет нулевое личное оформление во всех лицах.

г) билир 'знать':

Индыг дораан чоруур деп кым билген боор (ШК, с.9) - Кто же знал, что так сразу приедет; Оларны Хем-Белдириниц, бедик хавааның кырыңда тиккилеп каан турганың үстүндө сөглээн деп билир-ле болгай бис (СТ, с.169) - Мы ведь, из сказанного выше уже знаем, что они (юрты) стояли на самом высоком пригорке Хем-Белдира.

Интересно, что в последнем примере билир выполняет двойную функцию: управляет винительным падежом ЗПЕ, содержащей информации о предмете "знания"; и одновременно доминирует над скрепой деп, вводящей вторую зависимую ПЕ, в которой указывается на источник знания: үстүндө сөглээн 'из сказанного выше'. Оларны - местоимение множественного числа в винительном падеже - 'они' - субъект зависимого действия в разносубъектной ППК.

п) сактыр 'вспоминать', уттур 'забывать':

Салтың шагында хек-даваннар шагда-ла чечектели берген деп ч вени сакты тыртып келдим (СТ, с.102) - Я вспомнил, что в углу сада уже зацвели одуванчики; Мен сээң келир деп турганың көңгүс уткан мен - Я совершенно забыл, что ты собирался прийти.

Заметим, что в первом примере в роли средства связи частей выступает сочетание скрепы деп с частицей чүвени в винительном падеже: 'то, что'. Во втором - деп связывает основной и вспомогательный глагол в составном глагольном сказуемом: келир деп турганың 'то что ты собирался прийти', выражающего идею намерения совершить действие. Предикат уттур требует постановки ЗПЕ в винительном падеже. Сээң - субъект зависимого действия 'ты' в управляемой ПЕ. Мен - субъект психического действия, названного в главной части: мен көңгүс уткан деп мен.

е) эскерер 'замечать', дыңнаар 'слышать', бижиир 'писать':

Мээң, шоопайымда дириг динң бар деп чүвени дунмам эскерип каан - Братишка заметил, что у меня в мешке живая белка (есть, имеется); Мээң, дунмам өгленип алган деп, авам менче бижээн - Мама написала мне, что мой брат женился; Ол чагаазында эмнелгеде чыдыр мен деп бижээн чорду (ШК, с.282) - Он написал, что лежит в больнице.

Обратим внимание на два последних примера с предикатом бижиир. В первом примере конструкция разносубъектная. Зависимый субъект - существительное 3-го л. - дунмам 'брат=мой'. Сказуемое зависимой ПЕ имеет нулевое личное оформление, что характерно для 3-го л. лично-финитного типа спряжения⁶. Во втором - конструкция моносубъектная. Оформление зависимого предиката здесь осуществляется по первому лицу аналитическим показателем мен, независимо от лица субъекта, который является общим для обеих частей. Буквально здесь выражено следующее: 'он, в больнице лежу (я) мол, написал в письме'.

Итак, мы рассмотрели первую группу конструкций с глаголами, связанными с мыслительной переработкой информации. Скрепка деп здесь функционирует подобно союзу "что", т.е. вводит формально законченную ПЕ. Возможны как моносубъектные, так и разносубъектные реализации конструкций с деп. Различия в структурной организации этих ППК определяют, как мы могли убедиться, различия в способах выражения субъекта зависимого действия и грамматического оформления зависимого предиката.

В качестве второй группы мы выделяем конструкции с глаголами речи в главной части: чугаалаар 'говорить', айтырар 'спрашивать', сымырар 'шептать', сагындырар 'предупреждать', диленир 'умолять', айыткаар 'поклапывать', сөглээр 'говорить', хөерээр 'говорить с увлечением' (перен.), чулчуруур 'болтать', чылдак кагар 'оправдываться':

Мен бажым чайгааш, чүнү-даа билбес мен деп тывалап чугаалапым (СТ, с.105) - Мотая головой, я сказал по-тувински, что ничего не знаю; Оон мурнунга буруулуг болдувус деп айыткааш, албатывысты чагырып аптар бис деп чугаалаңар (СТ, с.132) - Доложите ему, что мы виноваты, и скажите, что мы умирим (букв. 'покорять') своего подданного; Кожайывыс ол өмнээ сагыр деп, чүвеге чылдак каккаш, бистерни ажыг мөөг лерден хайындырган - капуста-биле чөмгөрип турар болу берди (СТ, с.98) - Оправдыва-

ясь тем, что он соблюдает этот пост, хозяин начал кормить нас вареной капустой с кислыми грибами. В последнем примере в роли доминирующего над скрепой деп предиката выступает фразеологическое сочетание чылдак кагар 'оправдываться', 'ссылаться на какую-либо причину'; Орта чүнү-көрдүң деп айтырган мен (ТРС, с.157) – Я спросил его, что он там видел. Здесь көрдүң 'видел=ты'. В этой фразе субъект зависимого действия лексически не выражен. Он выражен грамматически, в словоформе зависимого предиката. Ср. также пример выше: буруулуг болдувус 'вину имеющие=мы'. В первом же примере этой группы субъект выражен дважды: формой прямого падежа подлежащего мен 'я' и аффиксами лица у зависимого сказуемого – билбес мен; Кино барбас мен деп мен кадайымга сагындырган мен – Я предупредил жену, что в кино не пойду.

В конструкциях, где субъект зависимого действия выражен существительным в 3-м л. (кожайывыс 'хозяин=наш') зависимое сказуемое имеет нулевой грамматический показатель лица. Во всех фразах подлежащее в форме прямого падежа.

Обратим внимание на такой пример: – А сен чүү деп боайдыр сен, угбай? – деп айтырдым (СТ, с.151) – А ты, что думаешь, сестра? – мол, спросил=я. Здесь представлена конструкция с прямой речью. Слово деп выделяет "прямую речь" субъекта действия от следующих за ним слов автора. Авторские слова – это конструкция с глаголом речи: айтыр 'спрашивать', который прогнозируется скрепой деп.

Как видим, графически прямая речь выделяется знаком тире с обеих сторон. После второго тире следует слово деп. Но в этой части фразы, которая воспроизводит высказывание, появление скрепы деп вызвано другими требованиями. Это изъяснительная конструкция, в главной части которой содержится предикат бодаар 'думать', доминирующий над деп. В этом формальная противопоставленность изъяснительных конструкций со скрепой деп и конструкций с прямой речью. Для последних важно графическое оформление плюс деп. В изъяснительных же обязательно только наличие соответствующего предиката.

Вернемся к изъяснительным конструкциям. В позиции доминирующего глагола выступает дилээр 'просить, умолять'. Например:

Көрүп каарымга, авам биле угбам Албанчы чогул, кайнаар

барган улус боор деп диленир олур мен (СТ, с.35) – Я огляделся, где же мать и сестра Албанчы, куда же они могли уйти мол, расспрашивал я себя; Здесь диленир – форма возвратного залога от дилээр 'выпрашивать, искать у себя'; Мен хомулар тур мен, ону мээң ада-иемге кирер сен деп дилевээн мен – Я жалею, что не попросил его зайти к моим родителям. Букв.: его, к моим родителям зайдешь, мол... Зависимое сказуемое кирер сен оформлено аналитическим показателем 2-го л. сен 'ты'. Содержание зависимой части представлено как речь-обращение к собеседнику. В данном случае четко прослеживается аналогия с конструкциями с прямой речью.

Третью группу представляют предикаты, передающие эмоциональную реакцию на событие, совершаемое субъектом зависимого действия. В нашей выборке встречены такие эмотивные глаголы, как идегээр 'надеяться', бүзүрээр 'верить', пөрүктенир 'смущаться', коргар 'бояться', көргүзөр 'делать вид', сестир 'опасаться', амырар 'радоваться', көөр 'любопытствовать', кайгаар 'удивляться', күзээр 'желать', былцаар 'хитрить, увиливать', шүүдээр 'беспокоиться', ырмазыраар 'сильно переживать'. Приведем примеры их употребления в конструкциях со скрепой деп:

Бистиги, улуг чуртувустуң кайы-даа крайында чурттазыңа, сээң амышралаң каншыг-даа болза, мээң төрөөн Мерген хемим-биле таныжарыңдан чагам дивес боор сен деп бүзүредим (СТ, с.7) – Я верю, что ты не откажешься познакомиться с моей родной рекой Мерген, в каком бы краю нашей великой страны ты не жил, какая бы ни была у тебя жизнь; Төп черлерден келген уруглар демей-ле бир-ле солун чүүлү чугаалаар боор деп ол иштинде идегеп олурган (ШК, с.38) – Он внутренне надеялся, что из центральных мест приехавшие дети также интересное расскажут; Кижичүнү – даа канчангалак чорда, бо Наталья Прокопьевна менээ чүгө каржыланып турары ол деп чүвени билбейм пат кайган олур мен (СТ, с.75) – Я очень удивлялся, что Наталья Прокопьевна так грубо со мной обращается, когда я еще ничего не сделал; Сенээ чүү-даа хаманчок деп, хевириң чоп көргүзүп турар сен – Ты ведь делаешь вид, что тебе все безразлично.

Приведем примеры с винительным падежом субъекта зависимого действия: А силерни актарга таварышкан боор деп көргүп турган бис (СТ, с.122) – Мы боялись, что вы попадетесь к белым.

Букв. (Про) вас, к белым попадутся (3-е л.) мол, боялись мы; Авам мени бот артып боор деп сестип чораан – Мама боялась, что я останусь холостым. Это разносубъектные конструкции. Зависимое сказуемое оформлено по модели 3-го лица, т.е. нулевой показатель.

В заключение обобщим сказанное о формальных особенностях рассмотренных конструкций в виде таблицы.

спряжение по 1-2 л.		спряжение по 3 л.		спряжение по 1 л.	
лексичес- ки не вы- ражен	прямой п.	-	+	-	
	вин. п.	-	+	-	R ² Морфологические показатели лица
		+	+	-	
		+	-	+	R ² Аналитические показатели лица
R ² прямой п.	прямой п.	+	-	+	
	вин. п.	-	-	-	
разносубъектные ППК			моносубъектные ППК		

Знак "+" означает отмеченность данной формы, знак "-" – показывает, что в нашей выборке форма не встречена.

Мы попытались показать, что скрепа деп вводит законченные ПЕ, построенные по схеме простого предложения. Аналитический способ оформления финитного сказуемого, в том числе и зависимого в конструкциях с деп – это специфическая черта тувинских ППК. Вообще же финитное оформление зависимого сказуемого здесь типично.

В конструкциях с лексически не выраженным подлежащим ЗПЕ зависимый субъект выражается грамматически: оформлением предиката зависимой ПЕ аналитическими или морфологическими (синтетическими) показателями соответствующего лица. В моносуб-

ектных конструкциях сказуемое зависимой ПЕ оформляется аналитическими показателями 1-го лица независимо от реального лица субъекта действия.

В разносубъектных ППК подлежащее может быть выражено либо формой прямого падежа, либо винительного. При этом, если подлежащее зависимой ПЕ – местоимение в винительном падеже, то зависимое сказуемое оформляется по модели 3-го лица; т.е. нулевым показателем: Сени хоорайга ханаар деп, кадайыңга лына-пып каан мен – Я предупредил жену, что ты заночуешь в городе. Букв.: (Про) тебя в городе заночует=б мол, предупредил твою жену.

В конструкциях с подлежащим в прямом падеже зависимое сказуемое, в принципе, может быть оформлено аналитическими показателями соответствующего лица. Однако, информанты интерпретируют такие фразы как "неудачные, не совсем правильные". Ср.: Авам мен ол ыры билир мен деп бодал турган – Мама думала, что я (прямой п.) знаю эту песню. Лучше, по их мнению, вариант с винительным падежом субъекта: Авам мени ол ыры билир деп бодал турган. Сказуемое зависимой ПЕ, как видим, показателей лица не имеет.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка. – Казань, 1903. – С. 909-930; Сат Ш.Ч. Тувинский язык // Тувинско-русский словарь. – М., 1955. – С. 145; Биче-оол М.Д., Пальмбаха А.А., Чадамба Л.Б. Тыва дылдың өөрөдүлгө ному. – Кызыл, 1958; Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка. – М., 1961. – С. 323; Сат Ш.Ч. О некоторых служебных словах, возникших на базе глагольной основы ди-/де- 'говорить' в тувинском языке // УЗ ТНИИЯЛИ. – 1961. – вып. 2, – С. 47-64; его же: Амгы тыва литературлуг дыл. – Кызыл, 1966; он же: Роль служебных слов деп, дээр в сложноподчиненном предложении тувинского языка // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. – Новосибирск, 1981. – С. 112-115; Охн М.В. Придаточные определительные предложения, вводимые служебными словами деп, дээр, дээн в тувинском языке // Тюркские языки Сибири. – Новосибирск, 1983. – С. 46-55; Монгуш Д.А. О некоторых моделях предложений в тувинском

языке, образованных при участии производных от глагола *де-/ди-* 'говорить, сказать'. // Показатели связи в сложном предложении. - Новосибирск, 1987. - С. 83-88.

2. Катанов Н.Ф., цитируемая работа. - С. 913.

3. Катанов Н.Ф., С. 914; Предикативное склонение причастий в алтайских языках. - Новосибирск: Наука, 1984.

4. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. - Новосибирск, 1984.

5. Сат Ш.Ч. Тувинско-русский словарь. - М., 1955. - С. 697.

6. Подробнее об этом см.: Шамина Л.А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 25.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЕТ - Е.Танова. Акым дугайында тоожу. - Кызыл, 1976.

СТ - С.Тока. Араттың сөзү. - Кызыл, 1980.

ТРС - Тувинско-русский словарь. - М., 1968.

ШК - Ш.Куулар. Баглааш. - Кызыл, 1988.

Т.А.Николаева

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ В АЛТАЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ЧАЛКАНСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Предметом анализа в данной статье являются полипредикативные конструкции (ППК) с зависимыми предикативными единицами (ЗПЕ), занимающими актантную позицию при сказуемом главной части в алтайском литературном языке и чалканском диалекте. Конструкции с дополнительными придаточными алтайского литературного языка под сравнительно-типологическим углом зрения описаны в монографии "Предикативное склонение причастий в алтайских языках"¹. Сложное предложение в алтайских диалектах не было еще предметом специального исследования в тюркологии. Особый интерес в этом отношении представляют северные диалекты Алтая (чалканский, кумандинский, туба), поскольку алтайский литературный язык базируется на одном из южных диалектов (алтай-кижи) и естественно предположить, что 2 других южных диалекта (телеутский и теленгитский) окажутся ближе к алтай-кижи.

Цель данной статьи - дать структурную характеристику чалканских дополнительных конструкций в сравнении с аналогичным типом ППК в алтайском литературном языке. Проводя сравнительный анализ чалканских и алтайских дополнительных конструкций на собственных материалах, мы опираемся в работе на результаты, полученные по алтайскому литературному языку авторами "Предикативного склонения...". Изложим их основные положения.

Предикативное склонение причастий², т.е. использование надежных показателей для выражения синтаксической зависимости ЗПЕ, - одна из характерных общих черт, примет языков, относимых к алтайской типологической общности. Для алтайских языков общими являются и многие признаки этого синтаксического механизма; важнейшие из них - с одной стороны, единство языковой техники, обслуживающей предикативное склонение, с другой стороны - принципиальное единство функций, которые выпол-

няются этим способом³. Авторы книги приходят к выводу, что в тюркских языках последовательно прослеживается функциональная и формальная оппозиция между падежными формами ЗПЕ в актантных и сирконстантных ролях. Таким образом, выделяются 2 подсистемы предикативного склонения – актантная и сирконстантная (обстоятельственная). Определенные падежные формы могут выступать в обоих типах ролей. Границы между этими типами, конечно, не абсолютны, но в целом довольно отчетливы⁴.

Тип связи ЗПЕ и главной части рассматриваемых нами дополнительных конструкций – управление. Управление – вид подчинительной связи, которая осуществляется через реализацию валентностей главенствующего слова. Валентность же глагола есть тяготение к сочетанию с теми или иными компонентами, виртуально заложенное в его семантической структуре⁵ (это может быть отнесено и к имени, наречию или компаративу⁶). Зависимая предикативная единица по требованию управляющего компонента принимает ту или иную падежную форму, выступая в управляемой ППК в роли синтаксического актанта. Формальным показателем связи частей ППК в тюркских языках служит падежный аффикс при последнем члене (сказуемом) зависимой части⁷.

Отсюда возможность классифицировать материал по падежам, в которых выступают зависимые предикаты и, соответственно, по синтаксическим разрядам управляющих компонентов⁸, и далее по возможности более исчерпывающе описать эти разряды. При анализе материала необходимо учитывать как формально-грамматический аспект валентностных отношений, так и семантический аспект⁹, т.е. как характер грамматической формы управляемых элементов (в нашем случае это падеж причастной формы), так и семантику управляемых элементов; в нашем случае это типовая семантика предикативной единицы: а) предметная ЗПЕ, б) процессная ЗПЕ.

В данной статье в связи с ограниченностью объема мы ставим себе достаточно узкие задачи: 1) представить падежи, в форме которых ЗПЕ может функционировать как дополнение; 2) описать синтаксические разряды управляющих компонентов, – т.е. предикатов главной части, требующих от зависимого сказуемого данной падежной формы. Существенными характеристиками ЗПЕ являются также падеж субъекта зависимой части и характер личного

оформления зависимого сказуемого, но здесь мы не будем касаться этих вопросов.

Базой для исследования послужила картотека, составленная на основе выборки из художественных произведений алтайских писателей, чалканского фольклора. В картотеку вошли также примеры из грамматических описаний и материалы, полученные от информантов – носителей чалканского диалекта и алтайского литературного языка во время лингвистических экспедиций в Горно-Алтайскую АО (1984–1989 гг.).

1. Вначале рассмотрим состав причастных форм, выступающих в функции зависимых сказуемых в дополнительных конструкциях. В алтайском литературном языке это: форма причастия прошедшего времени на =ган, настоящего-будущего времени на =ар, причастие еще не совершившегося действия на =галак¹⁰, причастие на –атан. Примеры: Алт. Уйуктай бер=ген=им=ди билбей де калдым (СС, АКС, 94) – 'Даже не заметил, как заснул'; Быыл кушферманы онон ары бскур=ер=ин=е колхоз Гаан агару салар – 'Дальнейшему развитию птицефермы в этом году колхоз обратил большое внимание' (ВТ, П, 161); Онын ла кийинде мен сойондордын, кыргындардын уурлу малын Омбого айдап экел=етен=им=ди токтотком (ИШ, К1, 57) – 'После этого я перестал (не стал) гнать от сойонов и киргизов лошадей и давать (отдавать) Омбо (букв.: я прекратил то, что давал...)' ; Урокты урен=ге=лет=им=е энем ачынп турган болбойсын (ЭМ) – 'Мать сердится (может быть тому), что я уроки не выучил'.

В чалканском диалекте в этой функции также используются причастия на =ган, =ар, =атан: Чалк. Бис кинодо бол=фон=нст=ты, омор оннованер (ЭМ) – 'Они не знали, что мы были в кино'; Слер айдет сони кар=нр=ларын=а мен айнаксапардым (ЭМ) – 'Я удивляюсь тому, что вы так весело засмеялись'; Мен бар=атан=ым=ны онновитим (ЭМ) – 'Я не знаю, поеду ли (букв.: Я не знаю, что поеду ли)'.

Форма на =галак в этой функции в наших материалах по чалканскому диалекту не отмечена. Здесь необходима дополнительная работа с информантами.

2. Представим теперь систему падежей, которые используются в дополнительных конструкциях в чалканском диалекте и алтайском литературном языке. Это, в принципе, все те падежи,

которые в языке и диалекте выражают объектные отношения. Центром этой системы является винительный падеж. Помимо винительного активно используются в этой сфере дательный и исходный. Прочие косвенные падежи – М., Тв., Напр. используются значительно реже.

Рассмотрим подробнее каждый падеж.

Конструкции с В.п. зависимого сказуемого можно разделить на две неравные группы: 1) конструкции с процессной ЗПЕ; 2) значительно меньшая группа конструкций с предметной ЗПЕ; ср. рус.: Я видел, что ты положил на стол книгу /Я видел, что ты положили на стол. Как видим, одним из формальных признаков, различающих ЗПЕ процессной и предметной семантики является отсутствие прямого дополнения при сказуемом зависимой части.

1. В функции сказуемого главной части при процессной ЗПЕ выступают переходные глаголы оперирования информацией и психических действий: Алт. ^{II} бил='знать', кбр='видеть', ук='услышать', айт='говорить', билин=(возвр. от бил=) 'чувствовать' и др. Чалк. онна='знать', кбр='видеть', ук='слышать', айт='говорить', айтпер='передать' лоокто='рассказывать' и др. Примеры: Алт. Менин ойгонь келген=им=ди ол кбрлб, кф-лумзиренип ийген: – чааным, тур! Мындый уйкучи болзон, сеге бир де кыс барбас (СС, АКС, 41) – 'Увидев, что я проснулся, он улыбнулся и сказал: "Вставай братец! Если ты будешь таким засоней, за тебя ни одна девушка не выйдет замуж"; Мен ол ло тушта Ёскус-Уулды блтур деп айбылап тур=ган=ын ондогом. (ПК, IC, с. 119) – 'Я в тот же миг понял, что он уговаривал меня убить Ёскус-Уула; Бистер, уулчактар, онын Iугурер=ин кбр-рбрб онон ырабай тургулаарыс (IK, A, 24) – 'Мы, мальчишки, не отходя от него, далеко стояли и смотрели, как он побежит. Чалк. Мен бар=атан=ым=ны онновитим (ЭМ) – 'Поеду ли я – не знаю;

2. В функции сказуемого главной части при предметных ЗПЕ могут выступать: а) переходные глаголы, выражающие конкретные (физические, механические) действия. Примеры: Алт. Iе мен онон до артык неме эделе, бу Iер Устинде Iуу-чак баштап тур=ган=лар=ды Уезин кырап эдим (СС, АКС, 57) – 'Я бы создал что-нибудь другое, и истребил бы тех, кто начинают войну на этой земле; Сенин ат=кан=ын=ды салып ийдибис (Д, Г, с. 176) –

'Твою добычу (букв.: то, что ты застрелил) мы продали'. Чалк. По эзенин айт=кан=ын этпезер кызын Уч конбос – деп кам айти. – 'Если вы не сделаете то, что сказали эти духи, то твоя дочь не проживет и трех суток – сказал шаман' (Б, 84). б) переходные глаголы оперирования информацией и психических действий. Характерными чертами таких конструкций является, во-первых, то, что в функции предиката ЗПЕ выступает также глагол оперирования информацией, во-вторых, позиция прямого дополнения при сказуемом зависимой части пуста. ЗПЕ в таком случае обозначает содержание информации или форму ее представления: Алт. Мен слердин бичи=ген=еер=ди кбрдим – деп, Алан тетрадьтарды Iазап салды (ЭП, А, 202) – 'Я видел ваши записи (то, что вы написали), – сказал Алан, складывая тетрадь; Биске бичи=ген=ин=ди кычыратан... – деп, АIай аракыдан уруп ичти (ЭП, А, 214) – 'Нам читала твои письма (то, что ты написал), – сказал АIай, наливая себе араку'. Чалк. Тышкын Iу ук=кан=ым=ны мен адама Iооктоп пеем (ЭМ) – 'Я рассказал отцу, что слышал на улице.

И глаголы, выражающие конкретные (физические, механические...) действия, и глаголы оперирования информацией с формально-грамматической точки зрения составляют один синтаксический разряд. Являясь переходными, они требуют при себе прямого дополнения (в нашем случае ПЕ) в винительном падеже. Но они составляют разные семантические глагольные классы и это может оказаться существенным для типовой семантики управляемых ими ПЕ. По правилу семантического соответствия глагола его объекту, глаголы конкретного (физического, механического) действия сочетаются с предметными дополнениями¹², в нашем случае с предикативными единицами с предметной семантикой. Таким образом, с семантической точки зрения, мы можем говорить о предметной валентности глаголов конкретных (физических, механических) действий: Алт. Кудайга баш, амада=ган=ым=ды алдым. – 'Слава богу, я получил то, к чему стремился (ВГ, П, 161).

Алтайским ППК с ЗПЕ с предметной семантикой в русском языке соответствуют сложные предложения местоименно-соотнесительного типа: То, что я принес, лежит на столе. Предметное значение русской ЗПЕ также мотивировано семантикой управ-

лящего глагола, но выражается оно аналитически, с помощью номинализатора (соотносительного слова, которое занимает позицию и имеет форму того члена предложения, который выражен ЗПЕ).

Глаголы же оперирования информацией могут соединяться как с предметными, так и процессными (пропозитивными) ЗПЕ. Понимание семантики ЗПЕ, как было показано выше, зависит от лексического наполнения ЗПЕ и от ее структуры. Например, Алт. Сен торт Гуулап=кан=ын=ды айтсан, балам, мен андый куучынды сууп Иадым (ПК, IC, 326) – 'Сынок, хоть Расскажи, как воевал, я очень люблю такие рассказы' (процессное значение); Ол кизи, Гарт ла, начальник болгон туру, ненин учун десе ончолоры онун айт=кан=ын тындай бергиледи (ПК, IC, 183) – 'Ясно, тот человек был начальником, потому что все стали прислушиваться к тому, что он говорил' (предметное значение); Чалк. Олор оннованер быс аны такшып кбр=гбн=ис=ти (ЭМ) – 'Они не знали, что его мы видели на улице' (процессное значение); Тилвеш пийге кожо кирпаркеп, Потпойнын айт=кан=ын=ы айтпертир: "По эжикте канду-анду сары ийт туртыт, киралтан тьок – 'Переводчик зашел вместе к хану и передал сказанное Потпоем (то, что сказал Потпой): "У этих дверей что за рыжая собака стоит, невозможно пройти"' (АФ, 179) (предметное значение).

Конструкции с Д.п. зависимого сказуемого формируются: 1) эмотивными глаголами¹³; 2) глаголами санкции; 3) предикатами с семантикой оценки; 4) именами отношения.

1. Примеры с эмотивными глаголами: Алт. Сенин кел=ген=ин=е сюнюп дьадым – 'Рада твоему приходу' (Г, Г, 57); Менин салдамын тура бер=ген=ин=е Иакшызынп туратан ошкош (ЭТ, К, 51) – 'Похоже, ему нравится, когда останавливается мой плуг'; Кудаа-ай, торт ло билинбес – деп, Иалаа куучын боло бер=ген=ин=е сууне берди (ЭП, А, 22) – 'Господи, совсем без ума мальчишка! – Дьалаа обрадовалась, что разговор завязывается'; Сапожкин бистин кайка=ган=ыс=ка бойы да суунет (СС, АКС, 96.) – 'Сапожкин сам-то радуется тому, что мы удивились'. Чалк. Мен пар=тан=ым=а сен килевийсин (ЭМ) – Ты не жалеешь (тому), что я уезжаю; Мен угза нян=ган=ым=а соонгом // Угза келе=вен=им=е мен сбнтим (ЭМ) – 'Я был рад тому, что вернулся обратно домой';

2. Проиллюстрируем конструкции с глаголами санкции: Алт. Кара чокыр кулуннын кан-кередең экел=ген=ин=е меге (маа) дьакшы санадабы (Д, Г, 277) – 'За то, что я привел от кан-кере двух черночубарых коней, ты мне добра не сделал (букв.: хорошего не пожелал)'; Слердинг укты=ган=ыгар=га база катап спасибо болзын, нбкбрлбр! (ПК, IC, 341) – 'Еще раз спасибо, товарищи, за то, что нас встретили!'; Айт=кан=ын=а алкыш болзын! – дейле айлына суунчилу атанпы (СС, АКС, 62) – '"За сказанное благодарен!" – сказав это, он радостно отправился домой' (ЗПЕ предметного значения). Чалк. Мен эки адычак экеле=вен=им=е, сен мини бактаван да (ЭМ) – 'За то, что я привез тебе двух жеребят, ты меня даже не поблагодарил'.

3. От двух первых групп несколько отличается группа предикатов, содержащих семантику оценки. Авторы Грамматики алтайского языка (1869) отмечали, что причастие в Д.п. ставится перед "прилагательными, означающими пользу или вред"¹⁴: Пудаты жок јаныс агапка кбрбргб ебс жок – 'Неприятно смотреть на голое дерево без сучьев' (ГАЯ, АМ, 202); Сенин келгениге Кулайга баш – 'Слава Богу, что ты сюда пришел' (ГАЯ, АМ, 202).

Интересно, что оценочные предикаты способны сочетаться с ЗПЕ либо в Д.п., либо в Н.п.

Примеры с Д.п. Алт. Калак, калак, уулдар, тиреу кал=ган=ым=а кулайга баш! (СС, АКС, 99) – 'Ой, ой, слава богу, сыновья, что я живым остался!'; Бис экунинг кожо јад=ар=ыбыс=ка кандый неме чаптык болот? (ПК, С, 229) – 'Нам с тобой вместе жить что мешает?'

Кун аяр тужында балыкта=ар=га дьакшы – 'На закате солнца рыбачить хорошо' (Д, Г, 230); Айылдарга киреле, јабыланп, чайды шблурде ичип отуратан, алтайлап куучынды=ар=га кулук эди (ЭП, А, 15) – 'Заходя в аилы, садился, шумно пил чай, по-алтайски говорить (ему) было легко'.

Приведем для сравнения примеры с Н.п. Алт. Бат, билип јур=ген=ин јакшы – педи (БУ, ТЛИ, 26) – 'Сказал – хорошо, что ты знаешь'; Мен сени кижиге бодоп, эрмектежип отур=ган=ым каткымчылу (ПК, ЈС, 295) – 'Прямо смешно, что я тебя за человека считая, разговариваю'. Чалк. Пис танда пари=йтен=евис саа клээ жок (ЭМ) – 'Тебе безразлично (тебе нет заботы), что завтра мы

уезжаем; Андын Кер тылан тьооктоптыр: "Сен сын эттин, Кара тылан мени ньенен ползо, сени тьепсалар эдем, полош=кон=ын тьякшы - тийтир - 'Затем Змей-великан сказал: "Ты правильно поступил, если бы Черный змей меня победил, я бы тебя съел, хорошо, что помог" (АФ, 106).

Распределение оценочных предикатов по отношению к этим двум моделям еще предстоит изучить, однако в предварительном порядке можно сказать, что в предложениях с подлежащей ЗПЕ обычно выражается оценка реального действия, совершенного конкретным лицом. ЗПЕ в Д.п., если в функции зависимого сказуемого - причастие на -ар, обозначает подвергающееся оценке потенциальное действие.

4. Имя отношения характеризуется тем, что имеет одновременно 2 валентности - Н.п. и Д.п. (что равно чему); они обе могут быть замещены ПЕ, но чаще одну из них занимает имя или местоимение. Алт. Уулчактар чьрчькти угуп отулар болгожын, Үч баатырдын анда=ган=ы олоордын анда=ган=ын=а сүрекей тўней эмтир (СС, АКС, 104) - 'Мальчики слушали сказку, охота трех богатырей была очень похожа на их охоту (букв.: то, как охотились три богатыря, очень было похоже на то, как они охотились)'; Адучынын да Үажырып айтпа=ган=ын=а тўней Үер бар (...) (СС, АКС, 104) - 'Есть место, даже похожее на то, которое Адучы скрыл';

Конструкции с Исх.п. зависимого сказуемого с ЗПЕ процессной семантики имеют следующие разновидности: 1) Конструкции с глаголами оперирования информацией, где ЗПЕ с Исх.п. называет источник информации. Алт. Күн Үудаарга турганын карлагаштар Үабис уч=кан=ы=нан биледибис - 'О том, что погода хочет портиться, изменится к худшему, узнаем из того (факта), что ласточки летают, будут летать низко' (ВТ, П, 52); 2) Конструкции с фазовыми глаголами: Алт. Үуунда куучын Октябрьдын байрамна белетенер=и=нен башталды (ЭП, А, 239) - 'На собрании разговор начался с подготовки к Октябрьскому празднику'; 3) Конструкции физической реакции, вызванной эмоциональным состоянием (сказуемое ЗПЕ - эмотивный глагол). Алт. Мен чочы=ган=ым=нан чек билинбей калгамдый - 'От испуга (от того, что испугался) я будто потерял сознание' (ВТ, УЗ, 27)

К сожалению чалканских примеров этих типов в наших мате-

риалах нет; покажем, однако, ЗПЕ с исходным падежом предметной семантики. Алт. Бу Үерде иштеп тур=ган=лар=дан башка улус та Үок (ЭТ, К, 105) - 'В этом месте из тех, кто работает, никого нет' (в функции сказуемого главной части - имя отсутствия Үок); Чалк. Сызывыны каанын эжигине андар салкеп: "Тьуг эдере=йтен=ден, эки тьякшы кўйене этирал" - теп, сал ньанакалды - 'Перья во дворе хана сбросил, сказав: "Что хотел делать - пусть два хороших зятя сделают", - ушел домой' (АФ, 56) (букв.: из того, что хотел сделать); в функции сказуемого главной части - глагол конкретного действия.

Конструкции с М.п. зависимого сказуемого формируются именными предикатами главной части с семантикой оценки; в отличие от уже описанных разновидностей конструкций, конструкции с М.п. задают оценку как локализацию признака. Здесь также часто встречается предметное значение ЗПЕ. Примеры: Алт. Сьстинг кўчи - чын, Үарт айдыл=ган=ын=да - 'Сила слова в том, как правильно, ясно оно сказано' (ВТ, П, 22); Сенин кожондо=гон=ын=да Үаман Үок - 'В том, что ты пел (в твоём пении) нет ничего дурного' (Д, Г, 271); Чалк. Сен ого кбдўре Үоктан=ын=де немен Үок (ЭМ) - 'В том, что ты ему рассказал, нет ничего плохого; Менин чийтин=им=де тарынтан немен Үок (ЭМ) - 'В том, что я пишу, нет обиды'.

В.Н.Талкин отмечает, что форма местного падежа в функции дополнения употребляется весьма редко¹⁵.

Конструкции с Тв.п. зависимого сказуемого имеют следующие разновидности. 1) Главный предикат обозначает действие, произведенное в соответствии с указанием, содержащимся в ЗПЕ; сказуемое ЗПЕ - глагол передачи информации, в основном, айт= 'говорить'. Алт. Бистинь Үўрўмибис Ленининь айт=кан=ы=ла болды - 'Наша жизнь стала такой, как говорил Ленин'; (Д, Г, 279); Менин айт=кан=ым=ла ол ончозын этти (ЭМ) - 'Он сделал все так, как я сказал'. Чалк. Мўрблўр сугатка парып, тўлғужектин айт=кан=ы=ла ошорзолор, Үрбтин пир ньиме тўштин тьок - 'Волки к проруби пошли, уселись, как лисичка велела - сверху ничего не падает' (АФ, 154); Тьол ло кизектин айтканы вла барпылар - 'Дорогой они шли так, как указал кот' (Б, 49).

В алтайском языке на базе этой конструкции формируется устойчивая модель вводной конструкции айткан=//=ла болзо

'судя по', ср. Алт. Сенин айт=кан=ын=ла болзо, кем Iок эр деп айдар керек (КБ, ТЧ, 40) – 'Если судить по тому, что ты сказал, то он хороший мужик'; Оннй айткан=ы=ла болзо, Совет Iаг учун алтай улустын ортозынан тоолу ла улус турушкан (АА, УБТ, 7) – 'Судя по его словам, за Советскую власть среди алтайцев мало народу поднялось'; Оннй айт=кан=ы=ла болзо, анда су-рекей соок (ЭМ) – 'Судя по его словам, там очень холодно'. 2) Главный предикат – оценка или умозаключение, произведенное на базе полученной информации; сказуемое ЗПЕ – также глагол передачи информации. Чалк. Ол айтканы ле, мен Iоп (ЭМ.) 'С тем, что он сказал, я согласен'; Слер айт=канарын=ла бис Iоп (ЭМ) – 'С тем, что вы сказали, мы согласны'. 3) Творительным падежом управляют также некоторые глаголы с оценочным компонентом: Алт. Бил=ер=ин=ле мактанба, эт=кен=ин=ле мактан – 'Не хвались своим знанием, хвались тем, что ты сделал' (ВТ, II, 162)

Конструкции с Напр.п. зависимого сказуемого – это конструкции соответствия полученной информации, близкие по значению описанным выше конструкциям с Тв.п. В главном предложении выражено действие, выполненное в соответствии с указанием, содержащемся в ЗПЕ со сказуемым – глаголом передачи информации: Алт. Менин айт=кан=ым=ча ла будуретен болзон, мен сени томонко тиштетпезим, толоного кадатпазым (ПК, IC, 153) – 'Если будешь делать так, как я велю, то я тебя не дам укунить комару, уколоть боярышнику'; Бичийле, сенин байагы айт=кан=ын=ча, газетке Iургузип ийдим (БУ, ТТ, 123) – 'Я отправил в газету, написав так, как ты раньше говорил'; Слердин айт=кан=аар=ча, Бош-Туу-Тууны бойым да барып Iайкап кбрйин... (БУ, ТЛИ, 19) – 'Согласно вашему совету, сам схожу Бош-Туу-Тууны посмотрю. Чалк. "По кижининг айтканыны угуп, айт=кан=ын=жа этсер ол кыс тязылкалар – теп, азелер айтыт – 'Черти говорят: "Если будете исполнять то, что скажет этот человек, дочь (ваша) поправится", – сказал (АФ, 130) (букв.: Если, услышав, что этот человек говорит, в соответствии с тем, что он сказал, будете делать...)).

Аффикс =ча в данных конструкциях расценивается одними исследователями как падежный аффикс¹⁶, другими как словообразовательный¹⁷. Нам представляется более логичным первый вариант –

судя по месту в системе ППК (конкретно, в системе предикативного склонения) конструкции с =ган=ча скорее всего имеют причастно-падежное происхождение. Но аффикс =ча, как известно, возводят и к сравнительному, и к направительному падежам. Синтаксическую семантику конструкций соответствия полученной информации более естественно, как нам представляется, связать с направительным падежом. Говоря о семантике показателя =ча, авторы Грамматики алтайского языка (1869) указывают, что он "означает образец или норму, сообразно с которой совершается действие, или же направление, по которому совершается путь": Алт. Менинче болбозын, сенин куунунче болзын – 'Пусть будет не по-моему, но по твоей воле'¹⁸. И далее авторы отмечают, что "зависящее предложение с послелогом =ча также может означать образец... Алт. Мен саттабай ол кыбыла=ган=ым=ча салда едип алып, суруп кбрзм атка Iенil, бойума-даа Iенil – 'Я тотчас сделал соху, как выдумал, попробовал пахать и отлично: коню легко и мне легко'¹⁹.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о принципиальном сходстве структурного устройства ППК с дополнительными ЗПЕ в алтайском литературном языке и одним из северных диалектов Алтая – чалканском. Это сходство проявляется, во-первых, в том, что ведущим механизмом в организации таких конструкций и в языке, и в диалекте является предикативное склонение причастий. Круг причастий, выступающих в рассматриваемой функции, в алтайском литературном языке и чалканском диалекте также, в принципе, совпадает: это причастия на =ган, =ар, =атан (в алтайском литературном языке также =галак; в наших чалканских материалах это причастие в функции предиката дополнительной ЗПЕ не встретилось). В актантной подсистеме предикативного склонения в алтайском литературном языке и чалканском диалекте используются следующие падежи (без учета подлежащих конструкций): В, Д, Исх., реже М, Тв., Напр. Падежная форма сказуемого ЗПЕ зависит от управляющего компонента – главного предиката. Синтаксические разряды предикатов, управляющих соответствующими падежными формами сказуемых ЗПЕ, в алтайском литературном языке и чалканском диалекте также сходны. Падежная форма субъекта и характер личного оформления предиката ЗПЕ требуют дальнейшего специального анализа.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

I. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск, 1984.

2. Понятие "предикативное склонение причастий" введено и тщательно описано на якутском материале Е.И.Убратовой в фундаментальном исследовании синтаксиса якутского языка. См. Е.И.Убратова Исследования по синтаксису якутского языка. II Сложное предложение. Кн. I-2. Новосибирск, 1976.

3. Предикативное склонение..., с. 172.

4. Черемисина М.И. Предикативное склонение как база зависимой предикации в алтайских языках // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. - Новосибирск, 1981, с. 12-38; Предикативное склонение (...).

5. Адамец П. Изучение валентности русских глаголов на философском факультете Карлова университета // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984, с. 112-123.

6. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 489.

7. Убратова Е.И. Указ. соч. Кн. I, с. 102.

8. Под синтаксическим разрядом вслед за авторами Грамматики - 70 понимаем грамматические группы слов, объединенных общностью синтаксической сочетаемости. См. Грамматика современного русского литературного языка, с. 315.

9. Адамец П. Указ. соч., с. 112.

10. Примеры с падежной формой причастий на -галак в функции сказуемого дополнительной ЗПЕ получены нами от информантов. В художественных текстах они нам не встретились. По мнению наших информантов более распространены в этой функции формы причастия на -галак в ед.ч., формы мн.ч. (-галагыгарга и пр.) ощущаются носителями языка как искусственные. Т.П.Филистович указывает, что "в алтайском литературном языке возможно употребление управляемых падежных форм причастия на -галак. Однако чаще им предпочитается отрицательная форма причастия на -ган". (См. Филистович Т.П. Падежные формы причастия на -галак в роли зависимого сказуемого в алтайском языке // Тюркские языки Сибири, Новосибирск, 1983, с. 87).

II. Частота употребления глаголов оперирования информацией в алтайском литературном языке представлена авторами

"Предикативного склонения..." (См. Указ.соч. с. 68).

12. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 126.

13. Авторы монографии "Предикативное склонение..." на с. 82-83 приводят таблицу, в которой сведены глаголы, управляющие Д.п.; там же (с. 84-98) проводится анализ особенностей корреляции между семантикой управляющего предиката и временными характеристиками ЗПЕ.

14. Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, с. 202.

15. Тадькин В.Н. Причастия в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1971, с. 162.

16. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск, 1986, с. 76.

17. Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола. М., 1977, с. 83.

18. Грамматика алтайского языка. с. 170.

19. Там же, с. 208.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА, УБТ	- А.Адаров. Уча берген турналар. Горно-Алтайск, 1980.
АФ	- Алтайский фольклор (материалы по чалканскому диалекту). Горно-Алтайск, 1988.
Б	- Н.А.Баскаков Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). М., 1985.
БУ, ТЛИ	- Б.Укачин. Танмалар ла имдер // Алтын казык. Горно-Алтайск, 1984.
БУ, ТТ	- Б.Укачин. Туулар туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.
ВТ, П	- В.Н.Тадькин. Причастия в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1971.
ВТ, УС	- В.Н.Тадькин. Причастие на -ган в современном алтайском языке // Ученые записки Горно-Алтайского НИИ ИЯЛ, вып. 7.
ГАЯ АМ	- Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.
Д, Г	- Н.П.Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.- Л, 1940.

ИК, А	- И.Каинчин. Абаам // Чангыр Кадын. Горно-Алтайск, 1983.
ИШ, КІ	- И.Шодоев. Кызаланту Ылдар. Горно-Алтайск, 1984.
КБ, ТЧ	- Б.Кудирмеков. Тууларда чыкканыс, тууларга Іанарыс // Алтын-Казык, Горно-Алтайск, 1984.
ІК, ІС	- П.Кучияк. Іуунадылган сочинениелер. Горно-Алтайск, 1967.
СС, АКС	- С.Суразаков. Алтайым керегинде сѳс. Горно-Алтайск, 1985.
Т, Г	- Т.М.Тошакова. Грамматика ойротского языка. Новосибирск, 1938.
ЭМ	- Материалы экспедиций автора в Горно-Алтайскую АО (1984-1989гг.).
ЭП, А	- Э.Палкин. Алан. Горно-Алтайск, 1978.
ЭТ, К	- Э.Токушев. Күрлер. Горно-Алтайск, 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Черемисина М.И. О теоретических вопросах модельного описания предложений	3
2. Монгуш Д.А. О сказуемых тувинского языка, выражающих модальное значение достоверности	19
3. Абдуллаев С.Н. Модели простого предложения в современном уйгурском языке	36
4. Соловар В.Н. Модели простых предложений хантыйского языка с двухместными предикатами	47
5. Алмадакова Н.Д. Собственно-рефлексивные конструкции в алтайском языке	56
6. Бальжинимаева Ц.Ц. Структурные типы сложных именных словосочетаний в бурятском языке	64
7. Шутова Е.И. Функциональные типы синтаксических средств в современном китайском языке	74
8. Кузьменков Е.А. Статус служебного слова в монгольском языке	89
9. Мартынова Е.И. Временные конструкции с именами действия в тазовском диалекте селькупского языка и их аналоги в других диалектах	100
10. Невская И.А. Грамматикализация деепричастия на =п от глагола пол= в шорском языке	113
11. Шамина Л.А. Изъяснительные конструкции со скрепой деп в тувинском языке	131
12. Николаева Т.А. Полипредикативные конструкции с дополнительным придаточным в алтайском литературном языке и чалканском диалекте	141